

АЗБУКА ВЕРЫ

Оптинские дневники

Художественная литература 2022

Оптинские дневники

Оптинские встречи

Лёшка-тюфяк

На послушании в паломнической трапезной Оптиной Пустыни пришлось мне как-то близко общаться с одной паломницей. Она приехала в монастырь на пару недель, как мы обычно говорим, потрудиться и помолиться. Хотя и была Татьяна значительно старше меня (лет около шестидесяти), но общались мы с удовольствием – приветливая, жизнерадостная, Таня оказалась глубоко верующим человеком и чутким, деликатным собеседником.

Мы с ней сблизились, и она делилась со мной какими-то воспоминаниями, случаями из своего прошлого. Знаете, как бывает, когда случайный попутчик или сосед по краткому отпуску вдруг понравится, прильнёт душа к душе, и ты рассказываешь то, что, возможно, не стал бы рассказывать человеку из твоей постоянной, повседневной жизни...

Было лето, и мы с Таней каждый день после послушания ходили на источник святого Пафнутия Боровского, любуясь Оптинскими соснами-великанами. Как-то раз впереди нас шла мама с двумя малышами: один постарше, другой помладше. Разница между ними была года в два, но старший вёл младшего за руку и опекал его. Таня задумчиво наблюдала за ними, а потом, вздохнув, сказала:

- Старший-то – заботливый какой. Добрый. Прямо как мой Лёшка. Лёшка-тюфяк...

- Тань, а кто такой Лёшка? И почему он тюфяк?

И Таня рассказала мне эту историю, которую я и передаю вам, изменив, по её просьбе, имена героев. Произошла эта история лет пятнадцать назад – в середине девяностых годов.

Таня жила в престижном районе, в прекрасной квартире, доставшейся ей в наследство от родителей (папа её был профессором, доктором медицины, а мама домохозяйкой). Родители умерли, и Таня осталась одна. Она не стала врачом, как мечтали её родители, но любила свою профессию ветеринара, много работала и особенно не скучала. У неё был пёсик Дик.

Семья Лёши жила в квартире напротив, и жизнь их проходила на глазах Татьяны. Папа и мама занимались бизнесом, владели фирмой. В середине девяностых такие фирмы как грибы росли. Оба высокие, спортивные, подтянутые, деловые. И жизнь у них была такая же деловая. У обоих престижные машины, оба занимаются спортом, следят за собой. Круг друзей ограничен – такие же деловые современные люди, в основном партнёры по бизнесу. Ну, те, с кем дружить полезно. В общем, девизом этой семьи были слова «карьера, бизнес, успех». Да, они действительно были успешны...

В семье росли два сына: старший Лёша и младший Дима. Дима хорошо учился, всё схватывал на лету, был спортивным, подтянутым, ловким – похожим на родителей. И по жизни шёл так же, как они: умел поладить с учителями, одноклассниками. Смекалистый, шустрый – в общем, успешный, весь в родителей.

А вот старший Лёшка явно портил репутацию семьи: был ни то ни сё... Учился так себе. Биологию любил, а вот по русскому языку, скажем, тройки получал, всё никак не мог с

запятыми управиться. Бывало, Димка его учит: так ты спиши диктант-то у соседа! А тот только улыбается. Медлительный, неспортивный, добродушный. Да вдобавок полноват – и непонятно, как такой мог родиться у спортивных Игоря и Ирины. Дома его звали «Лёшка-тюфяк». А иногда и просто:

- Ну, что ты еле двигаешься, тюфяк ты этакий!

Или:

- Сын, ну почему ты такой тюфяк-то? Ты же в жизни так ничего не добьёшься!

Не то чтобы они его не любили, но чувствовали какую-то досаду за своё неудавшееся чадо, переживали за его будущее. А Лёшка только молчит да улыбается, всё книжки читает.

Ирина иногда в разговоре с соседкой жаловалась на своего старшего, так выпадавшего из семейного стиля. Другие дети как дети: спорт, развлечения, а этот... Правда, было у него одно увлечение: он любил с животными возиться, вечно собирал каких-то бездомных и больных кошек, каких-то драных псов, птиц каких-то полудохлых.

- Тань, ну, ты сама знаешь, он же тебе их всё таскает, надоел уже, наверное, смертельно! Ну, так это и не увлечение, а издевательство одно над репутацией нашей семьи. Приедут в гости какие-нибудь важные люди, Дима уж не подведёт, спортивный, подтянутый, выходит из комнаты – поздоровается, улыбнётся.

- Сын, ты куда?

- На теннис, мамочка!

Гости хвалят:

- Какой сынок у вас замечательный, на вас похож!

А тут из комнаты вываливается наш Тюфяк. Да ещё и с каким-нибудь плешивым котом в руках. У кота уши драные в зелёнке, и сам Тюфяк в зелёнке. Ни улыбнуться толком не может, ни поздороваться так приветливо, как Димка. Да ещё запнётся, как обычно, промямлит чего-то – ну, тюфяк тюфяком.

- И этот ваш? Родной?

Только и приходится, что краснеть за него.

А Тане, наоборот, Лёша нравился больше Димы. Он действительно часто заходил к ней с очередным питомцем под мышкой. Иногда выгуливал Дика, когда Тане было некогда. Ей нравились его доброта, открытость, простодушие. Лёшка не разбирался в «нужности» и полезности окружающих, бегал в магазин для одинокой старушки, живущей этажом выше, здоровался одинаково и с консьержкой, и с крупным бизнесменом из соседнего подъезда...

Дима, в отличие от него, со старушками и консьержками вообще не здоровался. Как почти не здоровался он и с ней, Таней, отделиваясь лёгким кивком головы. «Подумаешь, ветеринарша», – иногда читалось в его светло-серых глазах. Зато с бизнесменом он свёл короткое знакомство и даже бегал для него за свежими газетами в соседний киоск.

Таня пыталась защищать Лёшку и возражала Ирине, но та только досадливо отмахивалась:

- Доброта... В жизни нужно быть жёстким, целеустремлённым, деловым, уметь оказаться в нужное время в нужном месте! Только так можно успеха добиться! А доброта в наше время не котируется! Тебе, Таня, хорошо о доброте рассуждать, когда у тебя папа был профессором! А мы с Игорем сами крутимся, всё своим трудом, весь бизнес...

Так и не приходили соседки к согласию, оставаясь каждая при своём мнении. Хотя отношения у них были неплохие: видимо, и деловой Ирине иногда нужен был не просто «нужный» человек, а тот, с кем можно по душам поговорить.

Годы шли, сыновья стали старшекласниками. И тут репутация семьи вновь оказалась под угрозой: к удивлению родителей, у Лёшки появилась девушка. Леночка. Маленькая, худенькая, застенчивая, одетая в обноски. Ирина всё разузнала про неё и потом жаловалась Татьяне: девочка эта была из неблагополучной семьи. Отца нет, мать то ли уборщица, то ли посудомойка - в общем, ужас тихий! Ещё младший брат больной, инвалид какой-то. Наследственность явно нездоровая, уже не говоря про маму-поломойку.

- Тань, Тюфяк-то наш влюбился! Впервые с Димочкой поссорился. Димка ему всю правду сказал, где, дескать, ты откопал себе такую невесту, на какой помойке. А Лёшка ему так твёрдо отпор дал, что я даже удивилась. Ну, думаю, хоть характер начинает у парня прорисовываться наконец, да только повод-то неподходящий! Я ему, Тань, ничего не сказала, но сейчас всё думаю, как бы от этой Леночки отделаться. А то ведь всю жизнь парню испортит! Они теперь не расстанутся. Он уж и в гости её приводил! Конечно, она посмотрела, как мы живём, теперь не отвяжется. Со свиным-то рылом да в калашный ряд!

Таня тоже познакомилась с Леночкой: Лёшка привёл её в гости. И Тане девочка понравилась: тактичная, добрая, мягкая. Одета скромно, но аккуратно. А Лёша смотрел на девушку с такой нежностью, так опекал её, что у Татьяны дрогнуло сердце. И она подумала: «Деточки вы мои, оба такие чистые, такие добрые... Как же вы будете дальше-то? Да сохрани же вас Господь от злых людей и ударов судьбы!»

После окончания школы Лёшка поступал в медицинский, сдал хорошо все экзамены, но вот русский завалил и пошёл в армию. А год спустя Димка благополучно поступил в университет на экономическую специальность. Так что и тут он оказался успешнее старшего брата.

Лёша первое время писал Тане письма, потом письма стали короче. Он очень переживал за Леночку, по его словам, она перестала писать ему. Таня расстроилась и попыталась найти Лену. Спрашивала и у Ирины, но та только отмахивалась:

- Пропала и пропала! И прекрасно! Она себе другого жениха нашла, побогаче да поуспешнее нашего Тюфяка. Я его предупреждала насчёт этой Леночки, а вот теперь пускай сам убедится.

Письма прекратились. И когда Лёшка вернулся из армии, Таня с трудом его узнала. Больше не было юношеской полноватости, он стал подтянутым, крепким, вот только на висках появилась седина. И взгляд стал другим - не было прежнего простодушного Лёшки, а был какой-то новый, чужой, пока непонятный. Как ни расспрашивала его Таня о службе, но он отмалчивался, поняла только, что пришлось Лёшке несладко. Может, заступался за кого? Может, били? Про Леночку сказал, что не дождалась, вышла замуж, и больше ни слова: ни осуждения, ни жалоб. Он вообще стал немногословен. И теперь прозвище «Тюфяк» совсем не подходило ему.

Мало того, Лёшка начал пить, и сердце Тани болело за своего любимца. Родители отселили его на окраину города в комнату коммуналки, оставшуюся после смерти бездетной дальней

родственницы. Таня потеряла его из виду, и очень переживала за него. Спросила у Димы, но младший брат только и сказал:

- Тюфяк-то? Ну, он у нас теперь алкаш и, можно сказать, бомж! Где работает? То ли санитаром в морге, то ли медбратом в психушке.

Между тем жизнь в семье соседей мало-помалу перестала быть успешной. Ирина как-то резко сдала и стала выглядеть на свой возраст – пятьдесят лет с хвостиком. Видимо, это не устраивало Игоря. Не соответствовало, так сказать, семейному стилю. И он бросил стареющую жену и переехал к молодой и красивой женщине. Теперь уже с ней он занимался спортом, ездил отдыхать, и когда шёл рука об руку по пляжу, на него по-прежнему все оборачивались, любуясь его стройной и молодой спутницей и наверняка завидуя его успеху.

Он оставил квартиру Ирине и сыновьям, но к фирме, которую они создавали вместе, бывшая жена каким-то образом больше не имела никакого отношения. Жизнь её в одночасье изменилась. Больше не с кем было ходить на теннис и в плавательный бассейн. Денег не было и на прежнюю жизнь – на те продукты, которые она привыкла покупать, на ту косметику, которой привыкла пользоваться. Мало того, на работу по специальности её не брали – кому нужна без пяти минут пенсионерка, когда молодых целая очередь. Куда-то враз пропали все бывшие друзья – «нужные» люди.

Дима, окончив институт, уже работал. Он и здесь оказался не промах – устроился на выгодное и перспективное место. Но делиться с матерью своими доходами не спешил. Он вообще перестал обращать на мать внимание и, приходя домой, закрывался в своей комнате. С отцом, в отличие от Лёшки, он общаться не перестал и регулярно навещал его и молодую жену. Сидел с ними вместе за семейным столом, обедали, весело шутили. И отец, прощаясь, обычно давал любимому сыну денег.

Ирина заболела, исхудала. Может, от переживаний, а может, давно в ней сидела эта опухоль. Её положили в онкологию, но вскоре выписали. Таня пришла навестить соседку и сразу поняла, что отпустили её домой – умирать.

Узнав о болезни матери, приехал Лёшка. Оказалось, что он действительно работает санитаром на «скорой помощи». Ирина слегла, и Лёша стал ухаживать за матерью: стирал, убирал, готовил, ставил уколы, подавал судно. Нашёл пожилую медсестру, которая приходила, когда он был на смене, и платил ей. Зашёл к Тане поздороваться, и она, увидев его какие-то потухшие глаза, тревожно спросила:

- Лёшенька, ты выпиваешь?

- Было дело, тёть Тань... Пил пару месяцев. Потом работать устроился – на «скорую помощь». А теперь и совсем не до выпивки – я нужен маме.

Дима в уходе за матерью не участвовал: брезговал. В комнату к ней почти не заходил и демонстративно прыскал в коридоре у её двери дезодорантом. У него появилась девушка с ростом и фигурой модели и высоким капризным голосом. Знакомиться с Ириной она не стала, появляясь у Димы, сразу же проходила в его в комнату, громко включала музыку.

Таня заходила к Ирине, иногда оставалась подежурить у больной, когда Лёша уходил на смену, а медсестры по какой-то причине не было или она опаздывала. Как-то Татьяне пришлось остаться с Ириной в очередной раз. Лёша торопился на смену, и Таня с удивлением отметила его ожившие глаза. Он выглядел странным, очень взволнованным. На её тревожный вопросительный взгляд ответил:

- Потом, потом, тётъ Тань - опаздываю!

Когда он убежал, перепрыгивая по-мальчишески через несколько ступенек, Таня подсела к Ирине, и та, кусая губы и с трудом сдерживая слёзы, рассказала о том, как это она сама своими руками разлучила влюблённых, прибегнув к обману. Леночка совсем и не вышла замуж, её мама поменяла квартиру на другую, меньшей площади, в отдалённом районе, чтобы заплатить за лечение Леночкиного брата.

Лёшку как раз должны были перевести на новое место службы, и девушка очень боялась, что с новыми адресами они потеряются. Пришла к Ирине.

И та пустила в ход всё своё красноречие. Убедила девчущку, что Лёша её больше не любит и собирается жениться на другой девушке, богатой и образованной, с которой, по легенде Ирины, он познакомился во время увольнения. А ей, Лене, всё никак не может решиться написать об этом, потому что жалеет.

- Понимаешь, Тань, я ей сказала: «Если ты его любишь, то должна отпустить и не надоедать письмами, не мешать его счастью!» Она помолчала, а потом так головой кивнула и ушла. Я смотрю ей вслед, на её спинку тоненькую, голову опущенную - и так мне её жалко! Но думаю: я мать, я должна сына защитить. Не пара она Лёшке, не пара! И так тюфяк, а с ней совсем пропадёт!

А от чего я его защищала-то?! Я теперь понимаю, Таня, что она его правда любила... Потому что его счастье для неё было важнее собственных страданий. Вот, Тань, что я сделала. Своими руками. Танечка, ну почему я поняла это только сейчас?

Где он этот успех, за которым я гналась всю свою жизнь? Это же мираж, Танечка! Мираж... Пустыня и верблюды... И Игорь сейчас где-то там - в пустыне, за миражами гоняется... Я и Димку учила быть таким, каким он стал. Думаешь, я его осуждаю за то, что ко мне не заходит? Что перед отцовским кошельком заискивает? Нет... Ведь это я его таким воспитала! За что же мне его теперь осуждать... Что воспитала - то и получила... Слава Богу, что Лёшка вырос другим! А сколько я его ругала, сколько ворчала... Тюфяком звала... Как мне больно, Таня!

- Сейчас, Ирина, сейчас - укол поставлю...

- Нет, Танечка, это моя душа болит. Я теперь знаю, как она болит... Я сегодня всё рассказала Лёше. Призналась, что обманула и его, и Леночку. Думаю теперь: не простит мне сынок этого, не простит. Бросит он меня после моих признаний. Ведь я своими руками его любовь разрушила... Ну что ж, думаю, если не простит, значит, так тому и быть. Заслужила я это наказание. Танечка, я так боюсь: Лёшка, он не вернётся.

Ирина заплакала. И долго ещё сидела Таня у её постели, долго говорили они, пока после укола обессиленная больная не задремала, откинувшись на подушки. Пришла сиделка. Объяснила, что опоздала из-за болезни мужа. И завтра ей тоже нужно уйти пораньше, не сможет она дожидаться Алексея. Таня обещала прийти с утра, подежурить до прихода Лёши.

Ночью спала плохо. Переживала: сможет ли Лёшка простить, вернётся ли вообще, не бросит ли мать на произвол судьбы? Утром наспех умылась, есть не хотелось - аппетита никакого не было. Взяла с собой книгу - почитать больной, чтобы отвлечь её как-то от переживаний. Дверь в соседскую квартиру была открыта, Таня вошла и замерла в коридоре. Лёшка был уже дома: видимо, зашёл как раз перед ней. Она затаила дыхание и стала молиться про себя, прислушиваясь.

Ирина плакала:

- Прости меня, сыночек, пожалуйста! Может, ты сможешь меня простить? Если не сможешь - я тебя пойму... Но может, ты всё-таки сможешь? Ну пожалуйста! Я сделала так много ошибок в своей жизни - теперь я это понимаю... Я высмеивала твою мягкость, я тебя тюфяком звала всю дорогу... Пыталась научить тебя быть жёстким, напористым. Думала, что иначе ты пропадёшь в этой жизни... И никогда не добьёшься успеха... Я Леночку обманула. А она страдала. И ты страдал. Но я хотела, как лучше... Я - твоя мама... И я всегда любила тебя и всегда буду любить. Всегда буду любить тебя, сыночек! Ты молчишь? Наверное, ты не простишь... Я заслужила это твоё молчание. Ты иди, сыночек, иди, ничего, я понимаю, что такое не прощается.

Повисла тишина. И Таня напряглась в ожидании - сейчас Лёшка выйдет из комнаты и уйдёт. Уйдёт навсегда и оставит мать одну. Таня прижала руки к горящим щекам и вдруг услышала:

- Mam, ну что ты?! Куда я пойду?! Я тебя никогда не брошу! Знаешь, я всегда знал, что ты любишь меня. Но иногда, иногда мне казалось, что я не заслуживаю твоей любви, что я недостаточно хорош для того, чтобы меня любили... Я прогонял эти мысли... Я знал, что на самом деле ты любишь меня... Но хорошо, что ты сказала мне об этом сама! Mam... Mamочка! Я так долго ждал от тебя этих слов!

Наступило молчание. Таня почувствовала, что ноги плохо держат её и тихонько сползла по стенке коридора. Потом почувствовала, как поднимают её крепкие руки Лёшки, и обнаружила себя в кресле рядом с кроватью Ирины.

- Тётъ Тань, милая моя, ну что с тобой?! Сейчас я тебе корвалола накапаю! Не нужно корвалола? А почему ты плачешь? От радости?! Да, у нас с мамой сегодня радость! Праздник у нас сегодня! И знаешь, тётъ Тань, сегодня я привезу к нам Леночку - помнишь Леночку? Я её нашёл ночью, вся «Скорая помощь» мне помогала! По телефону час говорили! Поможешь мне, тётъ Тань, стол накрыть, ладно?

Таня закончила свою историю и - не удержавшись - всхлипнула. Я тоже с трудом сдерживала слёзы.

- Танечка, а сейчас ты с Лёшкой и Леночкой общаешься?

- Так как же не общаться-то - они меня сюда и привезли на своей машине. Вот приедут в Оптину в выходные - я тебя и познакомлю с ними. Два сынишки у них растут. Да... За пятнадцать лет много воды утекло... Только Лёшка теперь уже не Лёшка, а Алексей Игоревич - уважаемый врач, хирург.

Поездка к отцу

Зина, читательница православной газеты Севера России «Вера-Эском», в которой я печатаюсь, написала мне письмо, поделилась своей мечтой приехать в Оптину. Мы начали переписываться, и я пригласила её в гости. Зина приехала, прожила у меня несколько дней, поделилась историями из своей жизни и разрешила рассказать их, сохранив её имя. Одна из её историй и легла в основу повести «Поездка к отцу».

Стучали колёса, полупустой вагон ходил ходуном, от жёлтых деревянных скамеек веяло холодом и неуютом. В окнах мелькали короткие одинаковые станции, печальные в своём одиночестве, на них никогда не останавливались поезда, и большая часть электричек тоже

проносились мимо: «Электропоезд следует без остановок». Полустанки с покосившимися заборами и тоскливыми дворнягами. Одинокие старухи на завалинке, будто окаменевшие в своей неподвижности. «Как в моей жизни, – подумалось Зинке, – мимо меня тоже проносится счастье и радость...»

По мутному окну электрички стекали капли апрельского затяжного дождя, весна пришла, но пока не радовала, скрывшись в серой слякоти и ветреной непогоде.

Зинка сидела у окна, маленькая, сжавшись в комочек. В свои шестнадцать она выглядела года на три младше: невысокая, худенькая, плохо одетая. Глаза у Зинки красивые – зеленоватые, выразительные, умные. Волосы светлые, густые. Только и хорошего. А остальное, как мать говорила: «ни кожи, ни рожи».

Видавшие виды сапоги валялись под лавкой, а ноги в старых шерстяных носках, подарке тёти Маруси, она поджала под себя – так было теплее. Соседние лавки пустовали, только в конце вагона дремала старушка, а на последней скамейке играли в карты трое железнодорожников. В животе у Зинки холодил тянущий, липучий страх: что ждёт её в конце этой поездки? Может, лучше было остаться дома? Как она оказалась в этой полупустой электричке?

Вообще-то к месту, где она жила, слово «дом» не очень подходило. Дом – это там, где тебя любят и ждут, где уют и семья. А там, где сейчас жила Зинка, ничего этого не было и в помине. Был ли у неё дом? Может, когда она жила с бабой Верой?

Она тогда ещё была маленькая, но, наверное, жизнь с бабой Верой – это лучшее, что можно вспомнить из её короткой прошлой жизни. Баба Вера – худая и строгая, никогда не ласкала внучку, не гладила по голове, не целовала на ночь. Любила ли она Зинку?

По крайней мере – не обижала. Учила читать молитву перед едой, целовать перед сном маленький розовый крестик. Учила мыть полы и посуду, стирать бельё. Баба Вера была чистюлей и любила, чтобы в доме царил порядок: все старенькие, но чистые простыни и пододеяльники имели вышитые метки, чтобы не перепутать, каким концом к ногам, а каким к голове. Учила не болтать ногами, когда ешь, – грех.

А ласкать – никогда не ласкала. Так они и жили друг возле друга, каждый своей жизнью, и Зинка воспринимала эту жизнь как единственно возможную, потому что другой просто не знала.

Домик стоял на окраине маленького города, и Зинка любила играть в палисаднике. Там было много интересного: на траве можно постелить старое покрывало и построить дом, а заросли кустарников скрывали тебя так, как будто ты оказывался в шалаше. Сделать из старых баночек и коробочек посудку, а из стёклышка и разноцветной обёртки – секрет, тайничок такой. Чуть раскопаешь потом землю, а там – под стеклом – красота!

Прилетали птицы, самые разные, а иногда – аисты – красивые и большие. Семенило семейство ёжиков. Зинка их тайком от бабушки подкармливала. Лохматый Дружок был верным другом и молчаливым хранителем всех секретов и приключений. С ним семилетняя Зинка спускалась к маленькой узкой речушке за огородом, раздевалась до трусиков, осторожно ступала в воду. Вода сначала обжигала, а потом – как хорошо плескаться у берега, устав, согреться на песке и, натянув платье, бежать по тропке назад, к дому. Дружок, вылезая из воды, тряс большой головой, смешно отряхивался, и брызги летели на Зинку. А там уже слышался крик бабы Веры:

– Куда опять пропали, непутёвые?! Поливаться надо, а она на2 тебе, прохлаждается!

И Зинка брала в руки небольшую лейку.

Кроме речки, было ещё много интересного, недалеко от дома – целые россыпи камней, маленьких и побольше. А среди маленьких есть такие, на которых золотой бочок. Встречаются и совсем золотые, красивые, прямо драгоценные камни!

- Зинка, иди домой! Опять этот ребёнок там клад раскапывает... Прямо геолог какой-то, а не девка, всё в камнях копается, – жаловалась баба Вера соседке.

А потом всё закончилось, и ещё много лет тосковала Зинка по Дружку и ёжикам, шалашу под кустарниками и тихой речушке. Бабу Веру она тоже больше никогда не увидела, померла баба Вера года через два после того, как мать увезла Зинку.

Случилось всё под вечер, когда Зинка наполивалась в огороде и предвкушала купание в речке, а лохматый Дружок уже нетерпеливо поглядывал на неё, ожидая команды. Баба Вера позвала в дом, на кухне подвела к умывальнику и больно умыла шершавыми ладонями лицо. Вытерла полотенцем, осмотрела сердито и сердито же скомандовала:

- Иди вон в комнату! Приехали за тобой! Мать твоя приехала!

Зинка робко вошла и увидела черноволосую женщину с огромным животом и толстого дядьку. Женщина смотрела на неё пристально, но неприветливо, а дядька смотрел в сторону так, как будто ему не было никакого дела до Зинки и знакомиться с ней он совсем не собирался.

Женщина, которая мать, раздражённо сказала бабе Вере:

- Чего она у тебя такая грязнуля? А белобрысая какая... Ровно и не моя дочь... Ну, здравствуй, Зина! Ты теперь будешь жить с нами. Я твоя мать, будешь теперь меня слушаться!

Зинка не знала эту женщину, а может, не помнила. Она почувствовала страх и, развернувшись, побежала из комнаты, но баба Вера оказалась ловчее, схватила в охапку и не отпустила. А мать проворчала:

- Так и знала, что она у тебя тут дикаркой вырастет. Как зверёныш какой... Ни обнять родную мать, ни поцеловать...

Она подошла, взяла Зинку за подбородок и потребовала:

- Скажи: здравствуйте, мама Катя и папа Петя!

Зинка сильно смутилась. Ей было очень неприятно прикосновение этой женщины. И потом – её мама – баба Вера, а совсем не эта тётка. Она мотнула головой, но цепкие пальцы крепко держали за подбородок. Тогда Зинка неожиданно для себя самой показала язык и, крутанувшись, сбежала.

Прощаясь с Зинкой, баба Вера первый раз в жизни обняла её и прижала к себе, и Зинка тоже обняла бабу Веру и прикоснулась губами к её щеке, щека была холодной и солёной.

- Сиротинка моя... В няньки тебя забирают... Ох, горемычная ты моя, злосчастное дитё...

Её действительно забрали в няньки. Мать, сойдясь с отчимом, родила от него двух детей подряд: Сашку и Таньку. К ним мать относилась как к родным, хоть и была их частенько, особенно в подпитии. А вот Зинка так и не стала родной, хоть и сызмальства обихаживала весь

дом: нянчилась с младенцами, стирала, прибиралась.

Она любила Сашку и Таньку, мыла их розовые попки, агукала, таскала за собой на закорках. Росли погодки быстро, и видно становилось, что они совсем разные. Сашка рос простоватым, Зинку любил как мать и долго звал няней. Но, становясь старше, всё меньше нуждался в ней и рвался во двор к своим мальчишеским играм. А черноволосая Танька росла капризной, не по годам хитрой. Рано научилась обманывать мать, пользоваться Зинкиной заботой, а потом наговаривать матери на неё, отводя от себя гнев и побои и, видимо, даже развлекаясь этим.

Мать смотрела на старшую недоверчиво, как на чужую, и несколько раз, напившись, жалобно говорила Зинке:

- Ты, белобрысая, ровно и не моя совсем... Вся в отца своего... Я тебя и рожать-то не хотела... Ты, Зинка, - ошибка моей молодости, понимаешь ты меня или нет, морда белобрысая?! У меня такой парень наклёвывался, а из-за тебя всё прахом пошло... Лучше б я аборт сделала, атомную бомбу на твою башку глупую!

- А где мой отец?

- Где-где... Урод твой отец! В тюрьме сидит! Не будешь слушаться - я и тебя к нему отправлю!

Зинка не верила, что отец в тюрьме. А хоть и в тюрьме... может, его уже выпустили... может, он полюбил бы Зинку... Всё-таки она ему дочь родная...

Зинка знала теперь, что она - Фёдоровна и фамилия у неё - отцовская, а зовут её отца Фёдор Иванович Ванечкин. И он даже платит на неё алименты. И поселилась в сердце у неё мечта - разыскать отца. Но где искать его? Куда ехать?

Отчим же почти не замечал её, лишь иногда она достаивалась пинка или тычка. Мать же была часто, напиваясь, она зверела, глаза делались пустыми, невидящими, бросалась с кулаками на Сашку и Таньку. Зинка защищала их, и ей попадало больше всех. И была её Катерина не так, как младших, а всерьёз. Несколько раз Зинку отнимали соседки, иначе мать могла забить до смерти. Потом Катерине пригрозили лишением родительских прав, и она немного утихла, была с оглядкой, так, чтобы соседи не слышали.

Долго не могла Зинка отвыкнуть читать молитву перед едой и перед сном, делала это молча, чтобы над ней не смеялись. Потом отвыкла. Да и крестика на ней больше не было, мать сорвала его в первые же дни в общественной бане. Приговаривая, что дочь её только позорит, Катерина выкинула крестик в сточный желобок, и Зинке было очень жалко смотреть, как уплывал, смываемый грязной водой, её розовый пластмассовый крестик. В доме бабы Веры она не слышала ругани, а здесь матерились забористо, громко, когда сердились и когда радовались, открывая бутылку с водкой.

И Зинка часто вспоминала прошлое, ей вспоминалась жизнь у бабы Веры - зелёной и жёлто-голубой, цвета зелени в палисаднике и жёлтого песка у голубой речушки. А жизнь её теперешняя казалась ей чёрно-серой, таким сплошным чёрно-серым пятном, грязными серыми обоями и чёрными тараканами, кишевшими на кухне. Городок шахтёрский тоже был серо-чёрным, почти без зелени, грязным и злым. В очередях ругались матом, и когда цепляли Зинку, она по-взрослому материлась в ответ.

Зинка училась в школе, но там ей не очень нравилось. Её дразнили, потому, что одета хуже других, потому что просит учебники у соседки, дразнили за имя. Высокая, всегда нарядная первая красавица класса Таня как-то сказала громко:

- А у моей бабушки в деревне поросёнка Зинкой зовут. И ты, Зинка, наш классный поросёнок.

В классе восьмом дразнить поросёнком перестали, то ли ребята стали взрослее, то ли сама Зинка, серьёзная и ответственная не по годам, стала внушать к себе уважение. Привыкнув управляться с Танькой и Сашкой, выживать рядом с запойными родителями, она могла ловко организовать субботник или генеральную уборку класса, работала быстро и сноровисто, брала на себя то, что потруднее. И одноклассники привыкли, что не ходит Зинка на дискотеки и школьные вечера, потому что нарядов у неё никаких нет и танцевать она не умеет.

Училась она неровно: часто уроки готовить было некогда или невозможно из-за отсутствия учебников, которые мать отказывалась приобретать. Но на четвёрки тянула. Дружила с Надькой из соседнего подъезда, доброй, круглолицей девчонкой. Особенно дружить времени не было, но иногда, по выходным, они играли, чаще всего в геологов, на пустыре за домом. Игру придумала Зинка. Искали полезные ископаемые, и Зинка часто находила на самом деле полезные вещи: рюкзак, совсем целый, хоть и поношенный, зайца плюшевого для Сашки, с надорванным ухом, но вполне приличного, и так далее.

Приходила домой, мыла полы, готовила суп. Чаще всего борщ или щи из стеклянной банки. Когда успевала, таскала деньги у пьяных Катерины и Петьки, если не успевала - сдавала бутылки. На рынке покупала картошку. Часто денег на картошку не хватало, но Зинке всегда продавали, видимо, жалели. И Зинка варила полную большую кастрюлю борща. Ничего, что жидкий, зато много! Сашка с Танькой придут из садика, а позднее из школы - а дома чисто и полная кастрюля борща! И даже хлеб есть!

В соседнем магазине под названием «Юбилейный» работала Надькина мать, тётя Маруся. И Зинка часто думала о том, как ей повезло с Надькой и с тётей Марусей: она всегда усаживала за стол подружку дочери, кормила жареной картошкой, а в магазине всегда принимала у неё пустые бутылки, даже когда приёма стеклотары не было.

- Дак не принимаем бутылки, Зин!

Посмотрит-посмотрит, да и примет...

В выходные придёт Зинка, поскребётся в дверь:

- Тётя Маруся, отпусти Надю погулять!

- Дак рано ещё, Зин! Дак ещё не ели! Садись, поешь с нами!

Слёзы наворачивались от такого доброго отношения.

- Что вы, тётя Маруся, я уже поела...

А её и не спрашивали, садили за стол, давали ложку, целую тарелку вкуснейшей горячей жареной картошки с укропчиком и полный стакан холодного молока.

«Повезло мне, - думала Зинка, - ох и повезло!»

Ещё Зинка любила книжки читать, когда дома никого не было или спрятавшись в сарае. Брала книжки у тёти Маруси или в школьной библиотеке. Но книжек там было немного, и скоро она все их перечитала.

Любимыми книгами стали книги про геологов, писателя Олега Куваева. Он сам был геологом и

хорошо знал, о чём пишет. Это вам не какая-нибудь фантастика! Фантастику Зинка не очень любила. Подумаешь, ужасы, пришельцы... У неё дома каждый день ужасы... А вот про геологов – это да! Это, я вам скажу, вещь!

Читая, Зинка представляла себя там, среди этих сильных и смелых людей: вот они идут по тайге, и она, Зинка, не отстаёт. Тоже ищет камни драгоценные, породы всякие полезные. А следом – Дружок лохматый. С ним рядом и медведь не страшен! А вокруг – зелень и чистый воздух, синева горных рек, грибы, ягоды! Красотища! И никто матом не ругается... А потом она находит залежи полезных ископаемых, и все понимают, что бывший «поросёнок» Зинка на самом деле смелая и находчивая. И с ней стоит дружить. И она заслуживает даже, чтобы её кто-нибудь любил. Ну, хоть кто-то...

Один раз Зинка припрятала деньги и, замирая от страха, истратила их на две толстые книги в книжном магазине.

Но насладиться ими не успела: мать удивилась, что тощий Зинкин портфель внезапно разбух, а проверив его, книжки унесла назад в книжный магазин, причитая, что деньги на них дочь украла у родной матери. Потом жестоко избивала Зинку и заставила стоять на коленях в углу, поднимая вверх руки. Зинка не стала просить прощения, как она обычно делала, и тихонько сомлела, так что Катерина даже испугалась и, обрызгав водой, перенесла дочь на кровать.

Когда Зинке исполнилось шестнадцать, мать стала выгонять её из дому. Как нянька она была уже не нужна и, по понятиям Катерины, могла сама зарабатывать себе на жизнь. Тем более что алименты от Ванечкина приходили уже год как перестали. И смысла кормить лишний рот больше никакого не было. Катерина и сама ушла из дому в шестнадцать лет, не оглянувшись на строгую и вечно занятую в трудах мать, которая растила её без отца.

Катерина загуляла со взрослым мужиком и уехала с ним, о матери почти и не вспоминала. Бросил он девчонку быстро, наигравшись её молодостью. Был ещё один шанс, да упустила его Катерина, спуталась с Ванечкиным, пастухом убогим, сдуру забеременела. Вспомнила про мать, когда нужно было куда-то деть крошечную Зинку, матери и увезла, а потом забрала.

Катерина втайне гордилась собой: не сделала аборт, родила, вырастила! Пора и честь знать! Тем более что сколько волка ни корми... Благодарна разве ей Зинка за всё доброе? За то, что жизнь ей дала?! Другая ноги бы матери целовала! Как бы не так... Вон исподлобья смотрит, как волчонок... Не нравится, что пьём – так все пьют... Какая ещё радость в жизни этой беспросветной?! И под заборами не валяемся... И дети все живы-здоровы... С голоду чай не померли... До шестнадцати лет доросла – хватит! Вон двое младших огрызков ещё кормить надо!

У Катерины была своя правда, и правда эта таилась далеко-далеко, в туманном зыбком прошлом – в смутных воспоминаниях детства: баба Вера, суженый которой погиб, сгинул на фронтах Великой Отечественной, родила поздно, от залётного ухажёра. Работала как каторжная. Приласкать дочку сил не оставалось, да и давила горькая участь матери-одиночки, по ночам рыдавшей в подушку. Правда Катерины таилась там, в маленькой комнате, где ползала она в тупом одиночестве, привязанная за ногу к тяжёлому старинному столу, пока мать днями напролёт ишачила за палочки-трудодни в тетрадке колхозного учётика.

Чего-то, видимо, не получила Катерина в детстве, когда измученная баба Вера чуть не ползком добиралась до дома, отвязывала дочь, и сил материнских хватало лишь – накормить, обстричь да искупать. Все мы родом из детства, может, и пустые, невидящие глаза пьяной Катерины смотрели в прошлое и видели там пустые глаза одинокого ребёнка, уставшего ползать у стола

и тупо мычать в темноту?

Это называется травмой поколений, но какое дело было Катерине до неумолимой статистики искалеченных войной и политикой судеб? Психологи назвали бы, пожалуй, поведение запойной Катерины деструктивным и суицидальным. Со знанием дела и диагноза психиатры отметили бы плохо развитую эмпатию у ребёнка, недополучившего внимания и любви в раннем детстве, нарушение развития интеллекта и эмоциональной сферы в условиях депривации, но что могло изменить это знание в её жизни, в тупой тоске, тяжёлом унынии, которое уходило лишь от водки, да и то ненадолго?

Своя правда была и у бабы Веры, родилась которая в огромной патриархальной семье, где родителей называли на «вы», детей не ласкали, воспитывали в строгости и благочестии. Но дети в этой огромной семье росли окружённые добрым миром своих многочисленных сестёр и братьев, бабушек и дедушек, невесток и зятьёв, отца и матери. Они и без ласки чувствовали тепло и защищённость семьи, родительское гнездо, где безопасность и сила, а в красном углу, перед иконами, всегда горит лампадка.

И это родовое гнездо было безжалостно разрушено: кулаки уничтожались как класс, а семья бабы Веры хоть не использовала наёмный труд, но считалась зажиточной: имела на шестнадцать человек двух коров, семерых коз и козлят, лошадку и полный двор кур, гусей, уток. Вся семья сгинула навеки, и следов не разглядеть, в ожидаемой заре коммунизма. Уцелела одна баба Вера, которую спасла, приютила одинокая солдатка-крёстная.

Баба Вера воспитывала дочь одна, растила так, как когда-то растили её саму, не осознавая, что не хватает ребёнку любви, а строгость и благочестие не могут эту любовь заменить. Да и от веры, крепкой веры в Бога, и обычая во всех делах жизненных на Него полагаться и уповать, молиться и знать силу молитвы, хоть и редко, пару раз в год, но как закон жизни – исповедаться и причащаться, от всего этого наследства у бабы Веры в памяти остались только несколько правил: носить крестик, молиться перед едой и перед сном – вот, пожалуй, и всё. Да и то – слава Богу! Вытравливалась вера из душ, выжигалась, рушилась вместе с разрушенными храмами. На кого уповать? В ком опору искать? Где взять силы человечку маленькому? И в бабе Vere силы душевные – чуть теплились. Вот такая правда была у них всех...

Да, хлебнула горя баба Вера, и жизнь её была подобна сломанному деревцу: ещё живое, зелёное, а соки от корней не поступают в ветви. Катерина – веточка этого деревца – совсем засохла, и душа её омертвела почти. Но бывает, смотришь, стоит мёртвое, засохшее деревце, подойдёшь ближе, а там пробиваются побеги молодые, зелень нежная тянется изо всех сил к солнышку, корни живы и питают и дают жизнь. На такой побег была похожа Зинка. Вырастет, расправит ли веточки, станет ли деревцем, молодой порослью на выжженной земле, или не хватит сил, завянет, засохнет?

Она пыталась найти работу, хоть какую-нибудь, но, взглянув на неё, худенькую, маленькую, брать отказывались. Мать сердилась: это не тебя не берут, ты сама работать не хочешь, дармоедка! Вот поживёшь на своих хлебах, враз работу найдёшь!

Зинка хотела доучиться, а потом поступить в институт, на геолога. Но стало уже понятно, что школу окончить не получится: мать отдала её прошлогоднюю форму вытянувшейся, долговязой Таньке, и в школу пойти теперь было не в чем. Да и не даст мать учиться, раз погнала из дому.

Зинка решила ехать к отцу. К поездке готовилась тайно, задолго. Уже пару лет она хранила адрес отца, на стёртой квитанции о денежном переводе от Ванечкина Ф.И. Потихоньку копила деньги, оставляя сдачу. Накопила триста рублей. Тётя Маруся знала, куда Зинка едет, дала ей

пятьсот рублей – пять сторублёвок (специально так: одну потеряет или украдут – ещё четыре останется), обняла, прижала к себе:

– Ты уж не пропади только, Зиночка! Слышь? А не найдёшь папку-то, дак возвращайся назад! Мы чего-нибудь придумаем... В комиссию пойдём по делам несовершеннолетних... Или к классной вашей, Наиле Махмутовне, может, она чё-нито придумает... А то... может, с нами поживёшь... Тесно? Да чё... С Надькой вон на одном диване спать будете... Ну, съезди-съезди, раз надумала, всё равно не успокоишься... может, и встретит тебя отец с радостью... Храни Господь тебя, деточка!

Ночью не спалось, сердечко билось часто: что ждёт там, за поворотом судьбы? Зинка лежала с открытыми глазами и думала разные думы. Громко храпел Пётр, Катерина не отставала от него, посапывали Сашка с Танькой, а Зинка всё не спала, таращилась в тёмное окно.

«Вот если родится человек счастливым, так и дальше счастлив, а вот бывает: родится несчастный, так и нет ему счастья во всей его жизни... Вот я... Никто не любит меня... Сашка с Танькой выросли и почти не нуждаются во мне. Зачем я живу?» – думала Зинка, а потом не заметила, как уснула. Уснула крепко и проснулась, будто подтолкнул кто под локоть.

В грязном окне брезжил серый, тусклый рассвет, и Зинка подхватилась, спрыгнула с кровати, на цыпочках прокралась к двери.

Достала из-под шкафа спрятанный, заранее собранный рюкзак, тихонько выскользнула в прихожую, накинула шаль и пальтишко. Кровать тяжело заскрипела, раздался громкий мат. Выскочила Катерина, оглядела застывшую Зинку, схватила шаль, потащила с головы, сорвала вместе с прядью волос, кинула вместо шали старый платок:

– Ишь! Шаль ей подавай! А ты её заработала – шаль-то?! Вот поработай-ка – узнаешь, как кусок хлеба достаётся!

Зинка скривилась от боли, вылетела на лестничную площадку, постояла на улице, глядя на свой дом: загорались окна, народ просыпался на работу, шумели чайники, текла вода в кранах, кто-то пил ароматный кофе, прощался до вечера и целовал на прощанье. Дом жил своей жизнью, а она, Зинка, больше ему не принадлежала. В животе заурчало, и Зинка представила, как там, на кухнях её дома, пьют горячий сладкий чай и едят бутерброды: большой такой кусок батона, а сверху масло или вот ещё – кусок ржаного хлеба и рядом – горячая сосиска! Она сглотнула слюну и покосилась на окна Надьки.

Небось тётя Маруся уже проснулась, картошку небось чистит. Зинка представила большую сковородку, полную поджаристой горячей картошки и стакан холодного молока – и засомневалась: может, не ехать никуда? Пойти к тёте Марусе и сказать: «Я согласна пожить у вас! Буду вам полы мыть и бельё стирать! Борщ варить! Десятый класс закончу, а там уже с Надей в институт поступим, в общежитие переедем... Можно на вечернее или заочное отделение поступить, тогда и работать сможем! Сами вам тогда помогать будем с зарплаты!»

Зинка представила себе однокомнатную квартиру подружки: кровать тёти Маруси и её больного мужа-сердечника дяди Вити в углу, маленький диванчик Надьки за шифоньером... Нет, нельзя к Надьке... Дядя Витя – инвалид, Тётя Маруся одна семью тянет, а сколько там зарплата у неё... Картошку и жарят без конца... Заведующая толстая себе наворует, а тётя Маруся отдувайся – все шишки на продавца. А тётя Маруся – она добрая, жалко ей людей обманывать. Нет, к Надьке нельзя...

Да и решила ведь она – отца найти. Спросить, почему он бросил её. Знал ведь, что дочка

растёт, раз алименты посылал и на свою фамилию записал. Может, увидит её папка - и полюбит? Ведь она на него похожа, так мать всегда говорила! А если не полюбит? Куда тогда?

Зинка тряхнула головой, отгоняя печальные мысли, и пошла на вокзал. Вокзал небольшой, грязный, дышал холодом и сыростью. Из окошка кассы шло тепло, горел яркий свет, и Зинка протянула деньги, сказала уверенно:

- Один билет на электричку до Макеевки, пожалуйста.

Взяла сдачу и пошла в закуток, в привокзальную забегаловку, на запах беляшей, купила один горячий смятый беляш и стакан мутного кофе, съела жадно, и внутри потеплело, Зинка согрелась. Вышла на перрон, электричка уже стояла - пустая, холодная. Зинка села в первый вагон, скинула сапоги, поджала ноги под себя, так было теплее. Вагон дрогнул, затрясся, и электропоезд тронулся, набирая ход, оставляя за собой малолюдные полустанки и одинокие станции. Зинка ехала к отцу.

Незаметно для себя заснула, проспала часа два и, проснувшись как от толчка, испугалась: не проехала ли свою станцию. Ей нужно было выйти в Макеевке, а потом на автобусе доехать до села Матырино, маршрут Зинка старательно изучила заранее. Нет, не проспала, заскрежетал динамик, и хриплый голос объявил остановку, от которой до Макеевки было ещё два длинных перегона.

День перевалил вторую половину, когда Зинка вышла на покрытый ледком перрон. Дул сильный ветер, и она, скользя своими резиновыми сапогами по льду, неуклюже вкатилась в маленькое, приземистое здание вокзала. Здесь одновременно был и автовокзал: два маленьких окошечка, из которых шёл свет и уют. Кассирша молодая, густо накрашенная, не глядя на Зинку, рявкнула:

- До Матырино в шесть утра и в час дня! Сегодня автобусов больше нет!

Зинка не струсилась и громко сказала:

- Мне тогда на завтра билет дайте! На шесть утра!

И протянула деньги в окошечко. Билет оказался очень дорогим, Зинка рассчитывала, что он обойдётся ей дешевле. Взяв билет, отошла от кассы и стала прикидывать: получалось, что денег остаётся в обрез, больше тратить нельзя, иначе на обратную дорогу не хватит. А ведь ещё неизвестно, как встретит её отец, может, и не обрадуется... Может, и в дом не пригласит... Может, у него там семеро по лавкам...

Да нет... Если б у него были дети кроме Зинки, мать бы об этом ей обязательно съязвила: дескать, не нужна ты своему папаше, уроду, у него другие дети есть. Но мать никогда о других детях не упоминала, значит, одна у него дочь, она - Зинка.

Тихая надежда таилась в душе: может, возвращаться и не придётся... Вот приедет она к папке, а он увидит дочь, да ещё на него похожую - обрадуется... Обнимет её крепко, прижмёт к груди и скажет:

- Я тебя так долго ждал, доченька! Так долго! Что ж ты раньше-то не приезжала! А и хорошо, что наконец собралась! Я теперь тебя не отпущу никуда - будем вместе жить-поживать!

И станет смешно суетиться и накрывать на стол... А она, Зинка, ответит:

- Пап, ты посиди, отдохни... Ничего, я тебе теперь все дела домашние буду сама делать!

И она сама накроет на стол, и там будет горячая дымящаяся картошка с укропчиком, и ядрёная квашеная капуста, хрустящая на зубах, и большие ломти ароматного хлеба, и, может, даже розовые ломтики сала, тающие во рту. А потом они будут пить горячий чай, прикусывая кусочками сахара, а, может, папка достанет баночку варенья.

И они будут смотреть друг на друга, и узнавать друг друга, и тихо разговаривать обо всём. И Зинка расскажет про бабу Веру и про речку, про Дружка, про ёжиков, про Надьку, и тётю Марусю, и пустырь за домом, где можно найти много интересного, и как Сашка был рад, когда она нашла для него зайца и пришила надорванное заячье ухо. Сашка - он вырос уже почти, а зайца прячет под одеялом, спит с ним. Прячет, чтоб не смеялись над ним, дескать, такой большой, а спит с зайцем... А она, Зинка, геологом хочет стать...

И папка будет внимательно слушать, а потом тоже расскажет ей о себе, как он жил без неё все эти годы... И ждал, когда же она наконец приедет к нему...

Зинка незаметно для себя всхлипнула. Посмотрела по сторонам: никто не слышал? Но до неё никому дела не было: маленький вокзал жил своей жизнью, люди заходили и выходили, суетились, несли сумки, авоськи, баулы. Зинка села в обшарпанное синее кресло и достала книгу. Долго читала. За окнами стало смеркаться, включили яркий электрический свет, и всё вокруг стало немножко ненастоящим. Зинка огляделась: на самом деле она здесь, в этом чужом городе, на чужом вокзале, и это всё правда, не сон? Почувствовала, как сильно хочется есть. Встала, разминая затёкшие ноги, и пошла на запах кофе.

Привокзальная столовая не отличалась разнообразием: шницели, пюре, тушёная капуста, такие же помятые беляши, какие Зинка уже покупала сегодня. Она посмотрела на цены и ахнула: всё это было ей не по карману. Может, всё же разориться, может, и обратной дороги не будет, папка оставит её у себя?

Зинка колебалась, потягивая носом горячий мясной запах. Потом увидела, как на одном из столиков оставили поднос с совершенно целыми, даже не надкушенными кусочками хлеба. Ей вполне хватит этой пары кусочков... И Зинка незаметно придвинулась к столику, протянула руку... Оплеуха была неожиданной и болезненной. Зинка почувствовала, что её берут за шиворот, как котёнка, оттаскивают от столика и тащат к выходу. Дородная рыжая тётка злобно прошипела:

- Нам тут своих побирушек девать некуда! Пшла вон отсюда, голь перекатная!

Её больно толкнули в спину, и Зинка чуть не упала от толчка. Молча пошла к креслам, села, как ни в чём не бывало в одно из них, загородилась книжкой. Слёзы закапали сами собой, и она пыталась изо всех сил вчитаться, чтобы отвлечься от обиды и чтобы эти непрошенные слёзы перестали течь и никто не заметил, как она плачет.

Рядом раздался тихий женский голос:

- Да ты не плачь, девонька... На-ка вот, я тебе беляш принесла, давай-ка съешь... Я тебе потом ещё шницель с хлебом раздобуду... Вот уйдут с раздачи и кассы, я тебя позову... Ты смотри - не уходи... Едешь, чай, куда?

Пожилая мойщица в видавшем виде фартуке ласково смотрела на Зинку, глаза у неё были большие, круглые и очень добрые. Она протянула Зинке беляш в серой обёрточной бумаге. Зинка взглянула на большие распаренные красные руки, протягивавшие ей своё подношение,

осторожно взяла, откусила кусок и улыбнулась сквозь слёзы мойщице. И та улыбнулась ей в ответ:

- Ну вот... Не плачь, девонька... И зла не держи на Галину... На кассиршу нашу... Она, конечно, сердитая, но у неё есть причины... Смягчающие обстоятельства... Она, вишь, завсегда жила мирненько, спокойненько, родители хорошие... Потом замуж хорошо вышла. Без скорбей живёт... Голодной не бывает... Как же ей чужую беду понять?! Не... Сытый - он голодного не понимает... Так что не сердчай... Вот ты - голодной бывала? Не так, чтобы просто проголодаться, потому что время обеда наступило, а так - когда есть нечего и денег нет и не предвидится? И неделями, месяцами - полуголодной ходить? Бывало у тебя так?

Зинка покивала головой:

- Да. И не раз.

- Вот с тебя, ежели что, спрос другой будет. Потому что ты знаешь: каково это - человеку голодному живётся. Ежели ты это на себе испытала, а потом человека обидишь - спрос-то строже! Понимаешь ли?

- Кажется - да...

- Ну вот... Сиди здесь. Едешь-то когда?

- Завтра в шесть утра.

- Ночевать негде?

- Нет...

- Ладно, придумаем... Сиди пока...

Когда столовая опустела, мойщица, которую звали тётя Даша, накормила Зинку супом. И не обманула, оставила плоский холодный шницель с хлебом, может, свой отдала... Зинка съела котлету с чудным названием в два приёма, потом, уже медленнее, стала хлебать гороховый суп. Ночевать пошли к тётя Даше, жила она недалеко от вокзала в угловой комнате барака.

Комната была небольшая, тёплая, печь занимала большую часть жилья. Высокая и широкая кровать была нарядно покрыта покрывалом и большими подушками с кружевными накидками, в серванте стояло семейство слоников, а в углу - иконы, украшенные белоснежными рушниками, и зелёная лампадка. У Зинки затрепыхалось сердечко: всё было так, как в доме у бабы Веры, и даже рукомойник в углу - точь-в-точь...

Вечером пили чай, и Зинка рассказала, что едет к отцу. Тётя Даша смотрела внимательно, слушала так, что хотелось ей рассказывать обо всём: о том, что она одна у папки и он, наверное, будет ей очень рад, о том, как тётя Маруся кормила её жареной картошкой и дала денег на дорогу - да мало ли что интересного можно рассказать человеку, который умеет так хорошо слушать!

И ещё тётя Даша сказала, что у неё, у Зинки, - красивое имя. Первый раз в жизни её имя назвали красивым, и она просто не поверила: что красивого-то?

- У тебя, Зин, имечко - весеннее, звонкое, синичка ты маленькая - зинь-зинь!

Зинка улыбнулась. Синичкой – оно, конечно, приятнее, чем поросёнком...

Ещё тётя Даша задумчиво спросила:

- А мать тебя обижала сильно, да? Что ж ты про обиды свои ничего не рассказываешь? Обижаясь на маму и отчима?

- Не... Не знаю... Чего про них, про обиды-то рассказывать?!

- Вот это правильно ты смекаешь. Вот наш уральский старец был, отец Николай Рагозин, батюшка мой милый... Он, знаешь, любил повторять: «Добро записывай на меди, а обиды на воде». Поняла?

Когда Зинку сморило и она начала позёвывать, тётя Даша уложила её на свою кровать к стенке, укрыла тёплым одеялом, и Зинка, совершенно счастливая, уснула. Ночью проснулась, но тётя Даши рядом не было, Зинка с трудом подняла тяжёлую голову от подушки: тётя Даша стояла на коленях перед иконами и молилась. Лампадка горела зеленоватым огоньком, пахло очень приятно, и Зинку охватило чувство покоя и уюта. Она подумала, что надо будет также всё устроить в доме, когда у неё будет свой дом: чтобы такая же большая кровать, и слоники, и лампадка.

Утром Зинка проснулась рано, а тётя Даша уже возилась у печки – ложилась ли она вообще? Когда только и успела – оладушек нажарила, с собой целый пакет дала. Попили чаю, а потом пошли на вокзал. Тётя Даше было ещё рано идти на работу, но ей почему-то очень захотелось проводить Зинку, и она ради неё пошла на вокзал. Шли, держась за руки по скользкой, обледеневшей дорожке в синем апрельском сумраке, и им было хорошо рядом. Тётя Даша очень походила на тётю Марусю, не внешне, а так – Зинка не умела сказать, но чувствовала это душой.

Прощаясь, тётя Даша сказала:

- Ты ведь запомнила, где я живу – так? Если что – ко мне придёшь... Чего-нибудь придумаем... Ну, не грусти. Милая ты моя... Ничего... Яко отец мой и матери моей оставила меня, Господь же восприимчив... Господь хранит младенцев, сирот и вдову примет... Не поняла? Ничего... За битого трёх небитых дают... Это-то поняла?! Ну вот – улыбнулась наконец... С Богом, девонька милая моя!

Материно было довольно большим селом. В центре автобусная остановка, магазин, школа, а от центра шли несколько улиц: Мира, Сельская, Щербакова. Зинка не хотела ни у кого спрашивать дорогу, не хотела, чтобы знали, к кому она приехала, вдруг назад придётся тут же топтать, чтобы не глазели... Но и так никто не глазел, улицы были пустынными, рабочий день, все на работе, наверное.

Она довольно долго искала улицу Лесную, наконец нашла: это была крохотная тупиковая улица на окраине домов в двадцать. Несколько домов стояли заброшенными, с забитыми досками окнами. Наличие жизни в других можно было понять только по лаю собак, доносившемуся из-за заборов. Собаки лаяли лениво, брехали, видимо, не чувствовали угрозы в ней, Зинке. Просёлочная дорога от этой крайней улицы уходила вверх, в гору, а на горе виднелись кресты – кладбище и дальше – лес.

Двадцать второй дом – последний на улице, приземистый, крепкий, с зелёными наличниками и цветами на окнах – выглядел живым и обитаемым. Лай не слышен, но, подойдя ближе, Зинка увидела лохматую собачью морду, торчащую из-под забора. Собака внимательно смотрела на

Зинку.

- Дружок-Дружок! - тихонько позвала она.

Собака задумчиво гавкнула - откликнулась, значит.

Зинка подошла ближе. Сердце превратилось в маленькую точку, но точка эта билась так часто и громко, что казалось, биение раздавалось на всю округу. На заборе была кнопка звонка. Зинка нажала на кнопку, подождала и нажала ещё раз. Дружок смотрел из-под забора и не лаял - умный пёс. Звук звонка был слышен на улице. Дверь дома скрипнула, и на порог вышла женщина лет пятидесяти. У неё были светлые волосы, как у Зинки. Она прищурилась, глядя на неожиданную гостью, потом молча подошла к калитке, открыла, молча впустила Зинку и молча пошла в дом. Зинка пошла за женщиной.

Внутри было просторно и уютно, на стенах фотографии. Зинка не могла рассмотреть фотографии, она смотрела на светловолосую женщину. А та села на стул и сделала знак рукой гостье - тоже присесть. Долго смотрела на неё тяжёлым взглядом, а потом сердито сказала:

- Вот и Зина явилась. Я тебя сразу узнала. Я сестра твоего отца. Ну что? Зачем пожаловала?

У Зинки сильно пересохло во рту, и она с трудом смогла выговорить - прошелестеть:

- Я к папке приехала.

- Помер твой папка. Вот уж год как помер. Инфаркт. Жизнь у него была нелёгкая и скорбей много. А ты о нём никогда и не вспоминала, так ведь? Небось как денежки перестала получать, тогда и про папку вспомнила?! Наследство приехала делить?!

Зинка почувствовала, что ноги у неё совсем отнялись, но она поняла, что нужно как-то встать и уйти. С трудом поднялась и, еле-еле переставляя ноги, поплелась к выходу. У выхода так же тихо прошелестела:

- До свидания...

Потянула дверь на себя.

- Ну-ка, стой! Да стой же - тебе говорю!

Женщина подбежала к Зинке и еле успела её подхватить, потому что ноги Зинкины совсем отказались ей повиноваться и стали как-то странно подгибаться, а пол подозрительно закачался.

Опомнилась она в большом мягком кресле. Женщина сидела на стуле рядом, держала в руках стакан с водой. Взгляд её изменился - стал добрее.

- Ты очень похожа на Федю. Я тебя сразу узнала: и глаза Федины, и волосы. Он ведь тебя любил... И денег всегда посылал гораздо больше, чем положено... Мечтал увидеть тебя. У него с мамкой твоей договорённость была: она ему в обмен на деньги твои фото обещала посылать. Посылала иногда...

Женщина встала, подошла к комоду, достала коричневый плюшевый альбом со смешным медвежонком на обложке. Открыла. В альбоме было мало фотографий, но все любовно разукрашены нарисованными акварелью цветами, бабочками, листочками: маленькая Зинка,

ещё маленькая у бабы Веры на руках, Зинка побольше, Зинка с тощим портфелем...

- Он так мечтал тебя увидеть... Что ж ты ему письма такие нехорошие писала, а? Как рука твоя только поднялась?

- Я не писала... У меня и адреса-то не было, год назад вот достала...

Зинка медленно достала потёртую на сгибах квитанцию.

Женщина бросилась к комоду, порылась, принесла два листочка бумаги:

- Вот письма твои, читай: «Живу я хорошо, и у меня есть отец, а ты мне не отец никакой, урод ты и есть урод, атомную бомбу на твою башку! А откажешься алименты платить - я на тебя в суд подам!»

Почерк был Катерины, только уж очень криво и коряво написаны буквы. Должно быть, сильно пьяная писала...

- Не я это... Матери почерк...

Женщина ахнула.

- Да за что ж она так-то? Он ведь ей ничего плохого не сделал. Сама она к нему бегала. На маслозавод устроилась, романтики, что ли, захотелось ей, а Федя - он всю жизнь пастухом работал... Бегала к нему сама в поле, а как забеременела, он её уговаривал ребёнка оставить. На коленях просил... Я ведь всё это знаю, всё, почитай, на моих глазах было... Жениться хотел, а у него ж руки золотые, и характер добрый очень, потачливый такой, покладистый... Феденька, братик милый...

Женщина всхлипнула.

- У тебя папка был очень-очень хороший! Веришь мне?

- Верю, - сказала Зинка. Голос у неё дрожал.

- Не ты письма писала, правда?

- Правда. Не я.

Женщина обняла Зинку, прижала к себе:

- Зина к нам приехала... А Феденьки нет больше. Ах, детка, что ж ты раньше-то не приехала... Как он ждал-то тебя, как увидеть хотел! Жизнь у твоего папки не сложилась... Он, когда маленький был, мы жили в Подмосковье, а там в войну бои шли. Война-то кончилась давно, ему уж лет двенадцать было - огород отодвигать стали, а он копал. За мужика уж работал... Друг ему помогал с изгородью. На мину наткнулись. Дружок - насмерть, а он выжил, но вся левая сторона лица изуродована, и глаза лишился. Твоя мать его уродом за это звала. И замуж не пошла, стыдилась его недостатка. А так - он красавец был - твой папка. Сейчас я покажу тебе! Меня Татьяна зовут, тётя Таня я тебе, поняла? Вот смотри - это его фотография. А рядом - видишь, это ты маленькая.

Зинка с трудом встала, ноги всё ещё были ватными, подошла ближе, вгляделась: из рамочки чёрно-белой фотографии на стене внимательно смотрел на неё красивый широкоплечий мужчина с добрым, открытым взглядом. А рядом, в искусно выпиленной рамочке, красовалась

фотография маленькой смешной Зинки. На её недоумение тётя Таня улыбнулась сквозь слёзы:

- Незаметно, да? Он так специально фотографировался - сбоку, чтобы левую сторону лица не видно было. А так - что ж? Ни в армию не взяли, ни на работу хорошую не устроишься. Пенсию получал... Да и стеснялся он незнакомых-то. Это здесь, в Матырино, его все любили, а в чужом-то месте зеваки всяко обозвать могли... Так всю жизнь пастухом работал... Любил один - на природе... Дом вот в порядке содержал и соседям завсегда помогал, ничего взамен не требуя. За то и любили - безотказный... Так он всю пенсию тебе отправлял, когда и от зарплаты ещё добавит... Ты у него единственная ведь была. Сядет, бывало, уж не налюбуется на твои фотографии. Каждую рисунком изукрасит или рамочку сам сделает... У меня-то и муж был, и детишек трое, взрослые уже, в городе живут. А у Феденьки ты одна - как есть одна. Постой, что ж я, окаянная, тебя за стол-то не сажаю, ты ж с дороги - голодная, поди-ка? Погодь, я тебе всё-всё про отца расскажу, давай-ка сначала стол накрою...

Тётя Таня вскочила и стала хлопотать по хозяйству. Зинка спросила тихо:

- Почему он умер?

- Ребятишки в речке купались, озоровали, один пацанёнок тонуть стал. Они испугались - орут как оглашенные, а рядом - никого. Федя у речки пас, на лошадке был, подскакал и вытащил его. Откачал мальчонку, а сам лёг на песок и... Ребятишки взрослых привели, мальчонка кашляет, а Феденька лежит рядом как будто спит... И хоронили его - я не верила: лежит как живой, чуть улыбается вроде... Плакали все...

- А где папка похоронен?

- Что? А... Так я свожу тебя после обеда... Что молчишь? Одна хочешь? Ну иди, сходи, а я пока приготовлю обед. Ближний к лесу ряд, там сосна такая ещё приметная - с одного краю веток нет. Ванечкин Фёдор Иванович. Не боишься одна на кладбище? Ну сходи... Только потом сразу ко мне - назад. Поняла? Прости, что неласково встретила.

Тётя Таня проводила Зинку до калитки, лохматый Дружок привстал, внимательно и грустно посмотрел на неё, но лаять не стал. Тётя Таня сказала, открывая калитку:

- Ты не бойся - я на тебя поглядывать буду из окошка... Да у нас тут спокойно так-то, не балуют - все свои... А и некому уже баловать - почитай вся молодёжь разъехалась... Ну, иди-иди, да недолго, я быстро сготовлю, завтра ещё вместе ходим - подольше посидим, пирогов напечём и ходим...

И Зинка медленно пошла на гору, к папке.

Она поднималась по горе, скользя своими резиновыми сапожками по обледеневшей дороге, и дорога казалась ей бесконечной. Поднялась до кладбища, прошла к последнему ряду могил у леса, сосну увидела сразу - она была большой, сильной, но изогнутой, и ветки росли только с одной стороны. Сразу увидела могилу, на ней - деревянный крест, на кресте табличка: «Ванечкин Фёдор Иванович». И годы жизни. Рядом с могилой врыта скамейка и небольшой столик.

Зинка села. Посмотрела вокруг: с горы видна речка, поле, село Матырино и домик тётя Тани. Даль открывалась такая, что дух захватывало. Зинка прикоснулась к могиле рукой - и ничего не почувствовала. И это всё? Вся поездка к отцу? Она тихо сказала:

- Папка, здравствуй... Это я, Зина, твоя дочка. К тебе приехала... А ты умер...

И почувствовала. Ощутила вдруг сильную боль, болело где-то внутри, может, это душа так болит? Она почувствовала, что папка видит и слышит её. И что он очень долго её ждал. Ей внезапно стало ужасно страшно, что он поверил, будто это она написала злые письма, назвала его уродом и причинила ему боль. Зинка опустила на колени перед могилой и сказала громко:

- Папка, это не я письма писала! Я бы никогда не стала тебя обижать! Ты мне веришь? Я так давно хотела к тебе приехать, так давно! У меня не получилось раньше это сделать, прости меня, пожалуйста! Если бы я сделала это раньше, то всё было бы иначе... Я бы осталась жить с тобой, и, может, ты бы не умер... Папочка, прости меня, пожалуйста, что я не смогла с тобой встретиться! Видишь, как всё получилось... Я приехала - а тебя нет...

Зинка неожиданно для себя самой заплакала в голос. Ей стало так жаль, что ничего нельзя вернуть, ничего нельзя исправить и она никогда уже - никогда - не увидит папку. Никогда в жизни. А он её любил. Он её фотографии берёт. Он был её родным отцом. И вот - они уже никогда не встретятся. Зинка плакала, и всё расплывалось перед глазами, и непонятно уже было, где речка, где поле, где домик тёти Тани.

Куда ей теперь идти? Она устала, слишком устала. И никуда она больше не пойдёт. Она останется здесь, просто ляжет на холодную землю у этой могилы и уснёт. Как уснул её папка. А потом её похоронят вместе с ним. И они будут тихо и спокойно лежать вместе, а рядом - течёт река и шумит лес. И не будет скорбей, слёз, боли, всё будет тихо и радостно, мир и покой. Зинка села на землю рядом с могилой, закрыла глаза. Слёзы текли по её лицу всё медленнее и наконец утихли, лицо разгладилось. Она чувствовала, как холод земли постепенно проникает в её тело, но даже радовалась этому: она просто тихо уснёт здесь, рядом с папкой.

Внезапно она почувствовала, как будто отец говорит ей что-то. Вслушалась, и ей показалось, что она слышит голос папки:

- Доченька, радость моя, вставай! Поднимайся, солнышко моё! Нельзя сидеть на холодной земле - простудишься... Сейчас ты встанешь и пойдёшь в дом. Ты ведь знаешь, как много хороших людей вокруг! И они любят тебя! И тётя Маруся, и Надька, и Сашка, и тётя Даша. И тётя Таня тоже полюбит тебя! Так, как любил тебя я... И не переживай про письма - я знал, что моя дочь никогда не напишет таких писем и не обидит человека... Не плачь, солнышко моё! В жизни бывают скорби и радости... И ты обязательно станешь геологом и пойдёшь по тайге, а рядом побежит лохматый Дружок. А я буду рядом с тобой, и ты будешь чувствовать мою любовь так, как сейчас. Я очень люблю тебя, доченька, всегда любил тебя... Вставай, пожалуйста!

И Зинка послушалась отца. Она с трудом встала с земли, приложилась лбом к кресту, а потом прошептала:

- Я тоже люблю тебя, папа!

И тихонько пошла, скользя по обледеневшей дорожке. И впереди расстилался простор, от которого дух захватывало: поле, и река, и бесконечное небо. Впереди была целая жизнь.

Божий Промысл

В келье паломнической гостиницы Оптиной Пустыни стояла тишина: все сёстры, кроме меня и Татьяны, трудились на послушаниях. У меня послушание было в храме с четырёх часов дня, а Таня приболела и от работы была временно освобождена. Она внимательно читала книгу про

старца Паисия Святогорца и время от времени делилась со мной своими впечатлениями от этой замечательной книги.

Я печатала на ноутбуке очерк по заказу православного издательства и слушала её восторженные отзывы не очень внимательно. Нет, мне очень нравилась эта книга, просто я перечитывала её уже несколько раз и вроде бы хорошо запомнила всё, о чём там говорилось.

- Оль, смотри, как хорошо сказано: «И Господь имеет Промысл о каждом человеке. И Промысл Божий не обижает никого».

- Да...

- «Промысл Божий – это действие Божие, которое ставит человека в наилучшие условия с точки зрения его спасения».

- А эти слова я даже записала, чтобы запомнить...

- «Суть не в том, чтобы человек живой остался, а чтобы не умер без покаяния. Смерть сама по себе не есть зло – зло есть смерть во грехах»...

А это вроде святого Иоанна Златоуста слова...

Знаешь, Оль, я давно поняла, что и жизнь наша, и смерть predeterminedены Господом... Не будет predeterminedения Божия о смерти человека – он нипочём не помрёт.

А вот это что-то новенькое... Такого я вроде бы в книге не читала... Перестаю печатать и разворачиваюсь лицом к Татьяне. А она отложила книгу и задумчиво смотрит на меня.

- Тань, ты сказала: «Предeterminedения?»

- Ну да! Если Господь predeterminedил смерть человеку, Он отнимает свою Божественную благодать, убирает защиту – и приходит смерть, человек умирает. Смерть может прийти в любом виде: несчастного случая, тяжёлой болезни, убийства...

Я вспоминаю строки из Псалтири: «Отымеши дух их, и исчезнут, и в персть свою возвратятся. Послещи Духа Твоего, и созиждутся...» – и согласно киваю головой. Потом задумываюсь:

- Подожди, Тань, а если человек решит с собой покончить – как быть с Божиим predeterminedением?

- Ну, если нет такого predeterminedения, то человек нипочём не умрёт.

- А если под поезд бросится или прыгнет с пятого этажа?!

- Ну так что ж, с пятого... моя сестра с седьмого выбросилась и жива осталась... Не было, видимо, воли Божией ей умереть – срок её ещё не пришёл...

- С седьмого?!

Я подсаживаюсь к Тане поближе, и она рассказывает мне о своей сестре и даже разрешает пересказать её историю, изменив имена.

Алёна, младшая сестра Татьяны, была невысокая, хрупкая, светловолосая. При виде её в памяти всплывала картина Васнецова и грустная девочка у глубокой заводи. Таня характером

пошла в отца, человека доброго, но властного, с сильным характером. А Алёна - в маму, спокойную, мягкую, кроткую.

Росла она скромной, домашней, любила шить, вязать. Рано научилась готовить, стряпать вкуснейшие пироги, торты, печенье и на все семейные праздники накрывала чудесный стол. Ещё она любила животных и мечтала стать ветеринаром. Мечта её не осуществилась: Алёна вышла замуж сразу после школы и по настоящему мужа стала домохозяйкой.

Муж её, Сергей, работал руководителем крупной фирмы. Он был старше Алёны лет на десять, а выглядел ещё старше из-за всегда сурового вида. Он чем-то напоминал строгого и властного отца Алёны, который умер, когда сёстры ещё учились в школе. Вот только доброты отца Татьяна в нём не замечала. Он ей как-то сразу не понравился. А вот Алёна влюбилась. Высокий брюнет, широкий в плечах - девушки на него засматривались. Сергей шёл по жизни уверенно, дела ладились, бизнес процветал.

Таня не часто, но бывала в гостях у сестры, в основном та приглашала её в отсутствие мужа, так как тот гостей жены не признавал. Гостиными он считал только партнёров по бизнесу, к приходу которых Алёна должна была накрывать стол по всем правилам этикета. Гости обычно восхищались кулинарными талантами Алёны, делали пару комплиментов Сергею по поводу красоты и молодости жены, а затем забывали о ней до конца вечера.

Первые годы Алёна встречала Таню радостной, с удовольствием показывала собственноручно сшитые шторы и вышитые салфетки: ей нравилось украшать свой новый дом, встречать мужа вкусным ужином. Спустя несколько лет радости поубавилось. А потом Алёна заскучала. Ей, видимо, было одиноко. Детей муж не хотел, точнее, хотел, но позднее, лет через десять - пятнадцать. А пока, по его словам, супруги должны были «пожить для себя». Даже домашних животных муж заводить не разрешал: у него была аллергия на шерсть.

Жизнь «для себя» в их семье получалась такая: Сергей приходил домой поздно, он много работал, а после работы нужно было пойти на корпоративчик, или в сауну, или на боулинг. И в какое время бы он ни вернулся домой, жена должна была ждать его с готовым ужином и при полном параде.

По мнению Татьяны, на жену Сергей смотрел примерно так же, как на новую стиральную машину или суперпылесос - вещи красивые, удобные, полезные... О чём Таня и говорила с возмущением сестре при встрече. Но Алёна такие высказывания не поддерживала, мужа не критиковала и мягко переводила разговор на другую тему.

Вскоре ей стало не до скуки: у мужа заболела мать, и Алёне пришлось взять на себя уход за ней. Мама родила Сергея поздно, была уже старым человеком и после того, как, упав, сломала шейку бедра, самостоятельно передвигаться не могла. Каждый день Алёна ездила к больной женщине, а потом Сергей выгодно продал квартиру матери и перевёз её к себе. Сам он почти не заходил в её комнату, и Алёна одна ухаживала за его матерью: стирала, меняла памперсы, кормила и делала прочие необходимые дела.

Старушка была раздражительна, нетерпелива, она и в былые годы не отличалась особенной покладистостью, а заболев, стала особенно привередлива. Могла бросить в невестку тарелку, если обед ей не нравился. Или пнуть здоровой ногой, если была не в настроении. Алёна всё это сносила терпеливо. Теперь ей приходилось тяжело вдвойне: она по-прежнему должна была кормить мужа вкусными завтраками и ужинами, встречать его при полном параде, накрывать достойный стол для гостей и при этом быть постоянной сиделкой у больного человека.

Таня жалела сестру: она и так всегда была тоненькой, а теперь и вовсе стала прозрачной. И очень грустной. Муж всё меньше обращал на неё внимания. Иногда он не приходил ночевать. Мог пропасть на несколько дней, а вернувшись, вёл себя как ни в чём не бывало. Татьяна возмущалась бесхарактерностью сестры. Она советовала ей принять какие-то меры и подействовать на Сергея, но Алёна была слишком мягкой, слишком нерешительной и пасовала перед жёстким, властным характером мужа, продолжая подчиняться ему во всём. Видимо, она продолжала любить его.

Пролежав лет пять, свекровь умерла. В последнее время характер её смягчился, душа стала отзываться на доброту и терпение невестки, и перед смертью она даже целовала ей руки и просила прощения за все свои выходки.

Возраст Алёны перешагнул за тридцать, и теперь она очень надеялась, что муж разрешит ей родить ребёнка. Но Сергей думал иначе. Как-то вечером он посадил жену в машину, привёз её в однокомнатную квартиру на окраине Москвы и объяснил, что разводится с ней и теперь Алёна будет жить здесь. Он больше не любит её и собирается жениться на другой женщине, а она, Алёна, пусть благодарит его и за эту квартиру. Она и её не заслужила, потому что ни дня в своей жизни не работала, а просидела все эти годы на его шее.

Затем он захлопнул за собой обшарпанную дверь и ушёл в своё новое счастливое будущее. И Алёна долго сидела на пустой грязной кухне, где, кроме старой плиты и раковины, выдавшей лучшие времена, ничего не было. Время остановилось. И Алёна совсем не знала, что делать дальше. И будет ли это дальше вообще. В комнате стоял диван, и под утро она, не раздеваясь, заснула. Проснувшись, испугалась, что проспала и не успеет с завтраком. А потом поняла, что готовить этот завтрак больше некому. И жить ей, Алёне, тоже, наверное, больше незачем.

Она несколько раз ездила «домой», но дверь ей не открывали, замки сменили. А один раз открыли, но лучше бы этого не делали, потому что на пороге Алёна увидела высокую молодую девушку. Она была намного моложе Алёны, но вид у неё был очень уверенный. Она строго спросила:

- Сколько вы ещё будете нам надоедать? Разве вы не понимаете, что вас больше не любят?! У вас что - совсем нет чувства собственного достоинства? Пора бы уже и завести - в вашем-то возрасте! Что? Какие вещи?! Ваши вещи?! Да какие там ваши вещи - на помойке они!

Дверь захлопнулась перед носом Алёны. Она долго стояла у этой закрытой двери и никак не могла сообразить, что она должна делать дальше, а потом медленно побрела прочь. Дверь снова открыли, и высокая девушка вышла вслед Алёне, сунула ей в руку большой пакет и негромко сказала:

- Мне стыдно за вас! Посмотрите на себя - вы же похожи на побитую собаку! Как с вами Сергей жил - я просто поражаюсь...

Девушка ушла. Она шагала широко и уверенно и держала себя тоже уверенно. И была полна чувства собственного достоинства. Алёна вяло подумала, что, наверное, такая девушка действительно больше подходит её бывшему мужу. А не она, Алёна, у которой нет ничего своего. Никакой своей жизни. И её больше не любят. А ещё - она похожа на побитую собаку. Какой мужчина согласится жить с женщиной, похожей на побитую собаку?!

Алёна заглянула в пакет: из него торчали скомканные салфетки, которые она когда-то старательно вышивала. Она вспомнила, как старалась передать красоту цветка на вышивке. И как красиво украшали эти салфетки их семейный стол. Медленно достала салфетки, аккуратно

сложила их и оставила отчего-то на грязной осенней дорожке. Она шла по этой дорожке и плохо видела её: в глазах всё расплывалось. Шёл дождь, и Алёна не могла понять: дождевики на её щеках или слёзы. Она лизнула одну дождевику, и та оказалась солёной.

Новая жизнь Алёны не клеилась. Она нашла работу лифтёра, с людьми почти не общалась, только по службе. И ещё Алёна начала пить. Таня долго не замечала её пристрастия к спиртному. Это бывает у таких домашних, скромных женщин, как Алёна: их бытовое пьянство долго остаётся незаметным для окружающих. Алёна работала, а после смены пила одна на кухне, засыпала нередко сидя за столом, а затем снова шла на работу.

Таня приходила к сестре, но долго не могла понять, в чём дело. В первое время Алёна не пила в её присутствии, прятала бутылки. Татьяна только удивлялась запустению в квартире и тому, что всегда аккуратная сестра не пыталась эту квартиру отмыть, украсить, сделать уютной. Она всегда так любила вышивать, вязать, а сейчас нигде не было ни салфетки, ни коврика. Даже тюль Алёна не повесила на давно не крашенное кухонное окно, откуда с высоты седьмого этажа просматривался только пустырь.

К тому времени Татьяна пришла к Богу, воцерковилась. Она была крещёной, в детстве её окрестила верующая бабушка. А вот Алёна была некрещёной, так как к моменту её рождения бабушка уже лежала больная, а больше никому было позаботиться о крещении ребёнка.

Теперь Таня стала думать о том, как окрестить Алёну, но та никак не могла собраться в церковь. Глаза у младшей сестры стали совсем грустными, и вела она себя так, как будто жизнь для неё кончилась. И продолжает она жить только по необходимости, не ожидая уже ничего хорошего от будущего.

Когда Татьяна поняла, что сестра пьёт, то остановить её она уже не могла. Алёна пошла в отпуск, и у неё начался настоящий запой. На работу идти было не нужно, и она пила и засыпала, а проснувшись, пила опять. Как-то Татьяна приехала к сестре и услышала её жалобы на то, что в квартире развелось много пауков. Она, Алёна, уже и дихлофос купила, и с веником за ними гоняется, а их всё больше и больше.

Таня осмотрелась, пауков нигде не увидела, это показалось ей очень странным. Ей и в голову не могло прийти, что у сестры, тоненькой и хрупкой, очень быстро развился алкогольный психоз. Возможно, более крепкая женщина до такого состояния дошла бы только через несколько лет, но Алёна достигла его рекордно быстро.

Татьяна отобрала у сестры спиртное, которое та уже перестала от неё прятать, приготовила обед, уложила Алёну спать и ушла. А на следующий день состояние Алёны ухудшилось. Теперь сестра жаловалась, что пауки везде. И главное - появился среди них новый, самый большой, белый и противный, который лезет Алёне прямо на ноги, и стряхнуть его она никак не может. Ещё младшая сестра стала слышать за окном церковную музыку и пение, в котором чётко различалось: «Аллилуйя тебе, Алёна, Аллилуйя!»

Таня, испугавшись, вызвала «скорую», узнала, что у сестры её «белочка», так назвал медбрат белую горячку. Медики оказались людьми опытными, спорить с Алёной не стали, а наоборот, пообещали главного паука отловить и на шприц посадить, для чего демонстративно достали большой шприц и пригрозили пауку. И Алёна охотно согласилась поехать с такими милыми и понимающими людьми, обещавшими прогнать нахальных пауков.

Алёну увезли в психиатрическую больницу. Алкогольный психоз сняли, а поскольку выглядела Алёна ещё вполне прилично и вида алкоголички приобрести просто не успела, то выписали её

очень быстро.

Татьяна пришла навестить сестру, а та уже снова отмахивалась от белого жирного паука, который, по её словам, не давал ей никакого покоя. Таня уложила сестру на диван и пошла на кухню готовить обед, предварительно выбросив всё заново купленное Алёной спиртное. Когда она заканчивала варить суп, то услышала скрип балконной двери и почувствовала порыв холодного зимнего ветра. Таня пошла в комнату и, не увидев сестры, вышла на открытый балкон. Сначала она искала Алёну на своём балконе и на балконе соседней. Ей и в голову не могло прийти, что смотреть нужно вниз. Потом она услышала крик: «Смотрите – женщина выбросилась из окна!»

Посмотрев вниз, почувствовала, что сейчас сердце остановится: далеко внизу, на снегу, лежало тело её младшей сестры. Таня как во сне набрала номер и вызвала «скорую помощь», потом медленно спустилась вниз. Возле Алёны стояло несколько человек, но никто не решался трогать её.

Татьяна села на снег рядом с сестрой и просидела, пока приехавшие медики не увезли Алёну в реанимацию. Ей повезло дважды: она упала в сугроб, и снег был не застывшей глыбой, а мягким, пушистым, свежеснеженным: как раз шли сильные снегопады. Тем не менее состояние Алёны было критическим, и врачи почти не оставляли ей шансов на жизнь.

Таня приняла решение окрестить сестру, она не хотела отпускать её в вечность некрещеной. Встал вопрос: как претворить это решение в жизнь? И тут, по словам Татьяны, всё получилось так, как будто ей помогали ангелы. Заходит она в корпус реанимации, и нос к носу сталкивается с бабушкой.

Оказывается, отец Роман приходил, чтобы причастить тяжелобольного человека. Бабушка внимательно выслушал Таню и сразу же направился в палату к её сестре, пообещав посмотреть, чем он сможет помочь. На тот момент Алёна так и продолжала оставаться в коме.

Через некоторое время бабушка вышел и на лице его, хоть и радостном, проскальзывало сильное недоумение или, как выразилась Татьяна, «ошарашенность». При входе священника в палату Алёна открыла глаза и в её взгляде проявилась разумность. Это уже удивительно, так как врачи видели её только в роли домашнего растения, и не более того. Одна её медицинская карта была сравнима по толщине с романом «Война и мир».

Отец Роман окрестил Алёну, предварительно разузнав, раскрывается ли она в содеянном. И после крещения Алёна пошла на поправку. Шла на поправку она с удивительной скоростью. Разговаривать пока не могла, так как была подключена к аппарату искусственного дыхания, но при виде сестры жестикулировала вполне активно. Через некоторое время трубку вынули, и она начала, хоть и с трудом, но говорить, чем доставляла небывалую радость Тане и всему медперсоналу, не ожидавшему от неё после такого падения вообще каких-либо проявлений умственной деятельности.

А Алёна продолжала удивлять: будучи человеком стеснительным, она, начав говорить, стала отказываться от судна и проситься в туалет, который, по её словам, находится по коридору налево и там постоянно курят сестрички. Откуда она это узнала – загадка, ведь привезли её в бессознательном состоянии, крепко привязали к кровати, и на тот момент её никто ещё не отвязывал. Также она могла рассказать, где находится ординаторская и пост дежурной медсестры, хотя до этого в реанимации никогда не лежала и знать этого расположения никак не могла.

Татьяна знала, что часто жизнь людей, принявших крещение в зрелом возрасте, резко меняется. Как будто они получают в жизни второй шанс.

- Понимаешь, Оль, я видела на примере собственной сестры, как сюжетная линия её судьбы полностью меняется и начинает вести её к свету из тьмы. Наверное, звучит высокопарно, но... Ты меня понимаешь?

- Понимаю, Танечка... Только вместо «сюжетной линии судьбы», наверное, будет правильно сказать: Господь Бог?

- Ну да! Я ж тебе и начала рассказывать о Промысле Божиим в жизни человека!

Алёна вышла из больницы, отлежав довольно долго - сначала в реанимации, а потом в травматологии. Но вышла, можно сказать, своими ногами, правда, с палочкой, прихрамывая. (От палочки она отказалась примерно через полгода.) Глаза её ожили, и в них появилась радость жизни. Они шли не спеша с Татьяной по весенней тропинке, и Алёна ежеминутно останавливалась, чтобы полюбоваться весенней травкой, жёлтыми весенними цветочками мать-и-мачехи, букашками в траве, чтобы послушать весёлый щебет птичек.

Таня сделала ремонт в квартире сестры, и теперь там было вполне сносно. Она очень боялась, что когда придёт к Алёне в следующий раз, то снова обнаружит у неё спиртное. Но этого больше не произошло. При очередном визите она увидела, что на кухне и в комнате сестры появились самодельные горшочки с цветами, а на столе стоял букет полевых цветов. Таня смотрела на этот простенький букет, и ей хотелось плакать: он означал, что прежняя Алёна, та, которую она знала в детстве и юности, вернулась.

Также Алёна стала вместе с Татьяной постоянной прихожанкой храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Видимо, после пережитой клинической смерти неверующим человеком оставаться трудно...

Нашла себе Алёна и новую работу. Она стала помогать волонтерам в собачьем приюте, который находился рядом с домом, на пустыре. А потом, окрепнув, сама стала волонтером. Она заботилась о собаках, об их здоровье, о прививках, брала на передержку, искала кураторов. Когда Таня навещала сестру, та уже не грустила. Да и грустить ей было некогда.

Она объясняла Татьяне, что передержка - это временный приют, когда берут домой щенка, больную собачку или здоровую, но совершенно домашнюю, которой будет тяжело в клетке приюта, - в общем, по разным причинам. А куратором называют человека, который опекает животное и морально отвечает за все: лечение, передержку, подбор новых хозяев. Также Татьяна постоянно встречала у сестры очередного Бобика или Тузика, спасённого от неминуемой гибели.

У Алёны появились друзья-волонтеры, и Тане при знакомстве они понравились и показались людьми сильными, добрыми, открытыми. Ещё у Алёны теперь была своя собака. Пёс, который попал под поезд, нашли его около депо. Много людей проходило мимо на работу утром и вечером, но никто не оказал собаке реальной помощи. Наиболее жалостливые кидали еду умирающему псу, но он не ел. Волонтерам сообщили, что у собаки «порезана лапа и торчит кость», но сделать они сами ничего не могут. На деле оказалось, что часть лапы была просто оторвана. Когда Алёна с ребятами приехали за пёсиком, он умирал. Лапу ампутировали выше локтя, пёсика вывели, и Алёна оставила его себе.

Выздоровевший пёс был назван Рексом и оказался умным и красивым, вот только передвигался он, сильно хромя. В хозяйке Рекс души не чаял. Татьяна спросила, почему Алёна не оставила

себе здоровую собаку. И сестра ответила, что для здоровой собаки хозяина найти легко, а пёс-инвалид никому не нужен.

Алёна спасла Рекса, а пёсик познакомил хозяйку с Алексеем, владельцем красавицы спаниеля Глори. Алексей работал ветеринаром в частной клинике. Он заинтересовался хромотой Рекса, а узнав о его чудесном спасении, предложил Алёне свои бесплатные консультации ветеринара. Консультации эти, по мнению Татьяны, происходили подозрительно часто. И интуиция её не подвела – дело закончилось свадьбой и венчанием. Но это уже совсем другая, счастливая история.

История, случившаяся на Пасху

Эту историю рассказал мне оптинский паломник Игорь. Я живу в Оптиной на послушании шесть лет, постоянных обитателей монастыря уже знаю. Ещё паломников много приезжает. Их, конечно, не запоминаешь. Приедут сотни людей в пятницу вечером или в субботу на воскресную службу, а в воскресенье вечером уедут. Может, раз в год такая поездка у них и удаётся. Всех не запомнишь.

А Игорь – паломник постоянный. Живёт он недалеко, в Туле, вот на выходные и приезжает. Примелькался уже. Почти свой, оптинский. Несколько раз я с ним сталкивалась близко. Один раз вёдра с водой он помог мне донести, я для старенькой монахини воду носила. В другой раз они с другом на машине ехали, и меня подбросили, я из Козельска по монастырскому поручению до Оптиной добиралась.

В следующий раз увидела Игоря в Оптиной вместе с двумя молоденькими девушками. Сначала удивилась – что за девушки? Вроде бы Игорь – человек серьёзный, возраст значительно за сорок. Что за подруги такие? Подошли поближе – вижу: а девушки-то – вылитый папа. Дочки! Одна другой симпатичней. Одеты элегантно, но скромно. Видно, что к поездке в монастырь готовились.

Поздоровались мы с Игорем. И дочки, на папу глядя, со мной поздоровались. С отца глаз не сводят. Видно, что любят очень. А в храме рядом со мной оказались. И опять мне очень приятно было видеть, как кланяются они дружно, крестятся одновременно. Лица светлые, добрые. Я ещё подумала: какая хорошая, благочестивая семья! Видно, отец к Богу пришёл и дочек в вере воспитал.

А где-то через неделю я ездила в Москву в книжное издательство. Возвращалась уже вечером на электричке. День будний, электричка почти пустая. Смотрю: мужчина привстал и рукой мне машет. Подошла поближе – Игорь. Так и ехали мы с ним вместе до Калуги все три с половиной часа. Давно я знала, что в дороге почему-то бываешь откровеннее. Иногда случайному попутчику рассказываешь то, что давним знакомым не открываешь.

Так и с моим попутчиком случилось. Рассказал он мне о своей жизни и об истории, которая случилась с ним на Пасху. Разрешил пересказать эту историю, изменив имена и город.

Женился Игорь по большой любви. Девчущку полюбил детдомовскую. Росла она, как былинка в поле, без любви, без ласки, без заботы. Тоненькая, хрупкая, одетая в обносках. У Игоря при виде её сердце сжималось. Хотелось опекать её, заботиться. Что и пришлось делать на протяжении всей не слишком долгой семейной жизни.

Тоня не умела готовить, стирать, делать покупки в магазине. Точнее, она умела делать покупки, но не для семьи. Наберёт себе побрякушек, а хлеба забудет купить. Зарабатывал

Игорь хорошо, но денег в доме постоянно не хватало. Желания обучаться умениям хозяйки дома у Тони тоже не было. Постепенно жизнь в семье сложилась таким образом, что Игорь один работал, зарабатывал деньги, и дома тоже всё делал сам. Готовить он и раньше умел, а теперь ещё и стирал и следил за порядком.

Внешне Игорь не выглядит так называемым подкаблучником, видно, что характер твёрдый, мужской, решительный. Поэтому я в недоумении спрашиваю: «А ты не пытался настаивать на том, чтобы жена готовить научилась? Чтобы в доме порядок наводила?»

Игорь молчит. Потом отвечает медленно:

- Наверное, так и нужно было сделать. Но я любил её очень. Жалел. Всё думал: хрупкая она такая. Без отца и матери росла. Отогрею заботой её сердце, и она научится тоже заботиться о других.

Но Тоня принимала заботы как должное. А заботиться о ком-то, кроме себя, учиться не спешила. Видимо, невозможно было дать ей во взрослом возрасте то, что не получила она в детстве. Не зная родительской любви, она не умела любить сама. Возможно, с другими детдомовскими детьми дело обстояло иначе. Возможно, они и умели любить. А вот с Тоней дела обстояли именно так. Родилась дочка Машенька, Маня. Через год ещё одна – Анютка, Нюта. Но у Тони к ним никаких особенных материнских чувств не появилось.

Игорь же дочек своих, Маню с Нютой, любил без памяти. Теперь он еле успевал крутиться между домом и работой. Ходил с синяками у глаз от недосыпания. Вставать ночью к детям для Тони было непосильной задачей. Купал дочек тоже отец. Он же стирал пелёнки, готовил еду. Теперь Тоня звала его «мамуля». Часто он, придя с работы, заставлял малышей грязных, мокрых, предоставленных самих себе. А жена возвращалась от соседки, и от неё пахло табаком. А потом стало пахнуть и вином.

Когда Игорь начинал возмущаться, вместо «мамули» звучали слова из комедии, которую когда-то посмотрела жена: «Мамуля, ты у нас Муля! Муля не нервируй меня!» Семейная жизнь катилась в пропасть. Игорь слишком уставал. Он похудел, осунулся. Хрупкая Тоня, наоборот, набрала вес. Она хвасталась мужу: «Меня называли сочной и аппетитной! Вот! Я мужикам нравлюсь! Ты, Муля, меня мало ценишь! Мне тут один мужчина сказал, что я дорогой бриллиант! И что для такой драгоценности, как я, нужна дорогая оправка! А я вон пальто демисезонное уже три года ношу!»

Игорь слушал молча. Он не понимал, куда исчезла та тоненькая, тихая девушка, которую он так любил и жалел. И откуда с ним рядом взялась эта совсем чужая громкоголосая женщина? Радость была только в дочках. Маня с Нютой росли не по дням, а по часам. Рядом с домом был храм в честь иконы Пресвятой Богородицы «Нечаянная радость». И Игорь всё чаще стал заходить с дочками в храм. Они росли спокойными, добрыми. Игорь окрестил их. Укладывая дочек спать, он им рассказывал сказки, пел колыбельные. И чувствовал себя счастливым человеком.

Беда пришла неожиданно. Дочкам было четыре и пять лет. В субботу Игоря попросили помочь в храме. Восстанавливали колокольню. Игорь работал, но какое-то уныние лежало камнем на душе. А отчего – он не понимал. Когда поднялся на колокольню, вдруг чётко услышал женский голос: «Возвращайся домой!» Игорь оглянулся, но вокруг никого не было. Через минуту прозвучали те же слова: «Возвращайся домой. Там неладно».

Игорь бросился по ступенькам вниз. Прибегает домой. А в квартире – пусто. Ни дочек, ни

мебели. А соседки говорят: «За твоей женой приезжал мужчина какой-то усатый. Вещи в машину грузчики перетаскали. И уехали они. Дочки твои только плакали сильно».

Раньше Игорь слышал слова: «И земля ушла у него из под ног», – и не понимал, как это так. А теперь понял. На самом деле земля из-под ног ушла. Сел Игорь посередине пустой комнаты, обхватил голову руками. И подумал: «Вот теперь всё. Конец моей жизни настал».

Два дня он пил. С непривычки тошнило. На третий день поехал искать жену. Помогли знакомые – нашёл быстро. Тоня дочек не показала, вышла из квартиры, готовая к бою.

– Я его люблю! Понимаешь?! Он настоящий мужчина! А ты и не мужчина вовсе! Ты... Ты... мамуля!

Игорь взял жену за шиворот и встряхнул, она заголосила. Новый муж на защиту возлюбленной не вышел. На истошные крики Тони выбежали соседи. Вызвали милицию. Забрали Игоря. Сам небритый, пропах алкоголем. Ночь провёл в КПЗ. Правда, на следующий день отпустили. Седой участковый сказал ему: «Иди с Богом. На жене твоей ни синяков, ни царапин. Она нам тут халат демонстрировала порванный. А я ей сказал: «Хочешь, я тебе от себя добавлю?!»

Но и план Игоря забрать дочек провалился. Не отдали ему Маню с Нютой. Остался он жить один. Раньше старался заработать побольше. Да и работа хорошая была. А тут как-то потерял интерес к жизни. Шеф сказал: «Я тебя понимаю. Но и ты меня пойми. Если работать по-прежнему не сможешь – придётся тебя уволить».

Игорь встрепенулся. Ожил немного. Если с работы уволят, денег не будет. А кто Мане и Нюте поможет? Новый муж семью содержал впроголодь. И Тоня сначала робко, а потом всё смелее стала приходить за деньгами. А то и дочек посылать. Отказу им не было. Игорь так радовался их приходу, что готов был отдать последнее. Спал несколько лет на полу, потому что на кровать денег не было. Всё уходило на дочек.

Нового мужа Тони дочери звали Шуриком. Тоня, похоже, была бы рада их совсем отправить к отцу, но тогда ей денег не видать. И она дочерей не отпускала. Так Маня с Нютой и жили на два дома. Стали подрастать. Одежду грязную отцу принесут. А через день чистую забирают. Папа постирал.

Боялся очень за них Игорь. Какими вырастут? Тогда и молитве стал учиться. Начал и в Оптину ездить. И дочек с собой брать. Тоня этому не препятствовала. Смеялась только: «Мамуля малохольный по монастырям таскается и дурочек за собой таскает. И они туда же, книжки читают всё про монахов каких-то да про святых. У самого крыша съехала, и эти такие же. Яблочко от яблоньки недалеко падает».

Дочки по характеру различались. Маня на Игоря похожа. В церковь ходить ей нравится. Книжки читать. А Нюта всё больше обновки любит. Наряжаться. Но Маню слушает. Маня – авторитет.

И вот как-то, дочери уж подросли, в девушек превратились, договорились они, как обычно, в Оптину на Пасху поехать. Пришли к нему Маня с Нютой за пару дней до праздника. И мнутя чего-то, мнутя.

– Ну, говорите уже, чего случилось?

Нюта покраснела вся и отвечает:

- Пап, мы сейчас с Маней в магазине были. Мы знаем, что ты недавно нам денег давал... Но там такие красивые джемперочки! И как раз на нас! Мы померили! Пап, ну выручи с деньгами! Нету?! А ты возьми на дорогу в Оптину отложенные! Обойдёмся мы без твоей Оптиной! Надоело уж каждый год одно и то же!

- А как же праздник? Пасха?

- Пап, отстань со своим праздником! Ты как будто не понимаешь, что мы молоды и хотим хорошо одеваться! Мать права, ты ничего не понимаешь в жизни! Ты... Ты... просто Муля какой-то!

Нюта хлопнула дверью. Маня молчала. Игорь как во сне достал коробку с документами, взял деньги, отложенные на Пасху. Протянул дочке. Маня взяла и молча вышла.

Игорь сел на пол как когда-то много лет назад. Всё, всё было напрасно! Не смог! Не получилось у него ничего в жизни. И дочек не сумел воспитать. Он - плохой отец. Он просто мамуля - Муля. Глупый Муля неудачник. У которого нет ничего. Никакого счастья в жизни нет. И уже не будет. Потому что он ничего не понимает в этой самой жизни. И его никто не любит.

Он прожил пару дней до Пасхи как во сне. Ходил на работу. И чувствовал себя роботом. В Оптину решил не ехать на Пасху. Всё стало каким-то бессмысленным. И сил не было. Он дошёл до своего любимого храма «Нечаянная радость». Посидел на лавочке у входа. Заходить не стал. Не смог. Сидел и думал, что первый раз на Пасху у него не будет крашенных яиц. И кулича. И вкусных конфет. Денег нет. Да и покупать их больше не для кого. И не с кем встретить праздник. А раньше он сам всё готовил к Пасхе. И прибегали дочери. И это было очень хорошо и радостно - вместе с ними готовиться к празднику и встречать его.

Он вяло подумал: «Ну какой ты христианин... Ты не умеешь достойно переносить скорби. Ты впадаешь в уныние». Потом сам себе ответил: «Да, я впал в уныние. И мне очень плохо. И я плохой». Голова очень болела. И всё тело ломило. Пошёл домой, с трудом лёг не раздеваясь. И провалился куда-то.

С трудом очнулся от звуков чужого голоса. Открыл глаза. Возле него сидел врач.

- У вашего отца грипп. Температура высокая, будете давать жаропонижающее, и вот рецепты ещё выпишу, надо что-то противовирусное. Пить больше жидкости.

Врач ушёл, и рядом остались Маня и Нюта. Его дочери. Вид у них был виноватый. Нюта помялась и сказала:

- Пап, прости меня... Ну, папочка, прости меня, пожалуйста! Ты же самый лучший отец на свете! Я тебя люблю очень! Я даже не знала, как я сильно тебя люблю! И как мы испугались с Маней! Мы пришли - а ты лежишь как мёртвый... Не пугай нас так больше, ладно?!

А Маня сказала:

- Всё, Нют, ему покой нужен. Пап, мы вот принесли всё, что нужно для праздника. Кулич купили. Смотри, какой красивый. Мы его в нашем храме «Нечаянная радость» освятили. И деньги мы не истратили. На билеты до Оптиной оставили. Мы же всегда в Оптину Пустынь ездим на Пасху. Мы же семья. Это ж наша семейная традиция. А традиции нужно поддерживать. Вот поправишься и поедем. На светлую седмицу. Да, пап?

Любовь к жизни (почти по Джеку Лондону)

«Дождись меня, пожалуйста! Не умирай! Тёплое весеннее солнышко так ласково пригревает, и скоро будут проталины. И зажурчат ручьи. И звонкая капель зазвенит весёлой песенкой. А если ты не умрёшь, мы с тобой дождёмся лета. И пойдём на травку. И она будет такая молоденькая, нежная, сладко пахнувшая. И ты найдёшь свою особенную кошачью травку и будешь уминать витаминчики и жмуриться на солнышке.

А я сяду рядом с тобой и тоже пригреюсь и почувствую себя моложе. Как будто позади нет череды этих долгих лет, будто скинула я их, как тяжёлую сумку с плеч. Мы представим с тобой, что мы совсем юные. И нас никто не обижал. Мы не знаем, что такое предательство. И одиночество никогда не стояло угрюмо за нашими плечами. И по нашим щекам не текли слёзы потерь, безвозвратных потерь. Я что, плачу? Нет, это просто ветер. От него слезятся глаза. Главные слёзы – их не видно. Это когда плачет душа. Ты знаешь, что такое душа, Кот?»

Я еду в поезде и вспоминаю своё знакомство с одним оптинским котом. И надеюсь встретить его по возвращении. Вообще-то оптинские коты – образец неги и покоя. Их обычно никто не обижает, и они толстые, сытые и медлительные. Кот, с которым я познакомилась в прошлый приезд в Оптину, был исключением из правил.

У меня было послушание – помогать одной старушке, духовному чаду оптинского игумена Н., которая жила рядом со стенами Оптиной Пустыни. В её небольшой комнате – тепло и уютно. Вместе с этой бабушкой жила белоснежная кошка Мурашка. Мурашка, подвергнутая в юные годы стерилизации, никогда не имела котят, была очень спокойной, покладистой и аккуратной. Питалась она исключительно «Вискасом» и проводила дни в сонном безмолвии. Казалось, мало что волнует Мурашку, иногда она больше напоминала мне растение, а не кошку.

И вот как-то, когда в особенно морозный денёк я возвращалась с утренней службы, в приоткрытую мной дверь проскользнул кто-то лохматый, нечёсанный, с опилками на спине. Кот! Как я его не заметила?! Кот казался очень больным. Дышал он хрипло, с трудом. Смотрел на меня обречённо, как будто ждал, что сейчас я пну его ногой и он окажется за дверью.

Бабушка с трудом поднялась с постели и, заметив кота, велела мне выгнать его вон. Объяснила, что это бездомный кот. Живёт на улице уже много лет. Как до сих пор не умер – непонятно. В драках ему порвали ухо, на сильном морозе он простыл и с тех пор дышит так тяжело и хрипло. Его все гоняют – кому нужен такой облезлый страшный кот?! А он всё ещё не умирает и, судя по всему, продолжает на что-то надеяться. А на что ему надеяться-то?! Уж лучше бы скорей сдох – отмучился бы. А он – смотри-ка – живёт! Вот это любовь к жизни!

И она тяжело вздохнула. Раньше она любила кошек. А сейчас, тяжело болея, не обращала внимания даже на любимицу Мурашку. И иногда грозилась выгнать её из дома. Что уж говорить про бродячего кота!

А меня зацепили её слова о том, что кот этот всё продолжает на что-то надеяться. Когда надежды на лучшее уже нет. И вдруг так странно защемило сердце. Ах, кот, как мы похожи! Ты тоже знаешь, как это – стоять под окном, в котором так уютно, так призывно горит свет. Но горит не для тебя. И не для тебя тепло его очага. Да и где он, этот дом? В каких краях его искать?

И вот теперь между мной и этим бездомным котом протянулась какая-то тонкая ниточка. И эта ниточка не позволила мне хладнокровно выставить его за дверь на мороз.

Кот дышал хрипло и обречённо смотрел на меня. И я схитрила. Сказала хозяйке, что сейчас выгоню кота и даже приоткрыла дверь. А потом закрыла её. Кот поднял голову и смотрел на меня с удивлением. Неужели он всё ещё в тепле? Бабушка, успокоившись, легла и, как все старые люди, быстро уснула. А я разогрела суп и дала коту тёпленького супчика. Положила на бумажку свой кусочек рыбы из монастырской трапезной.

Я думала, что он набросится на еду и сметёт её мгновенно. Но кот вёл себя как воспитанный аристократ. Он ел очень аккуратно. И внимательно посматривал на меня. Закончив есть, тщательно умылся и только тогда подошёл ко мне. Он подошёл к моим ногам вплотную, и из его лохматого и больного тельца раздалось неожиданно ласковое и благодарное мурлыканье. Оно прерывалось тяжёлым и хриплым дыханием, и от этого казалось ещё более трогательным.

Я показала ему на стул рядом с печкой, и он вспрыгнул на него и сел как вкопанный, всем своим видом демонстрируя, что готов слушаться меня и подчиняться. Я удивилась. А потом поняла, что он был очень умным. Не знаю точно, кто умнее: коты или собаки. Владельцы тех и других обычно спорят по этому поводу. Часто говорят, что кошки ничуть не глупее собак, просто не хотят подчиняться и выполнять приказы хозяев.

Мой кот больше напоминал собаку. Когда он попытался перебраться на мягкий диван, то вопросительно посмотрел на меня и изготовился к прыжку. Но я отрицательно покачала головой и сказала тихонько: «Нельзя! Здесь твоё место – на стуле!» И он замер на стуле и больше не делал попыток перебраться куда-нибудь ещё. А когда кот приходил потом в другие дни, то по моему слову: «На место» – он вспрыгивал именно на этот стул.

Моя близкая подруга Людмила, добрейшей души человек, рассказала мне, что хорошо знает этого кота. И тоже поражается его воле и любви к жизни. Несколько раз в трескучие от мороза вечера она спасала его: заносила в тёплый домик общественного туалета. Но взять его ей некуда.

Так у меня появился Кот. Я пыталась придумать ему имя, но все кошачьи имена, типа Барсик или Рыжик, казались для него неподходящими, слишком умный взгляд был у него для Пушка или Снежка. Я так и продолжала звать его – Кот. Он согрелся и ушёл. И стал приходить ко мне. Как будто знал, когда я вернусь в келью.

Как-то у меня не получилось накормить его обедом дома – хозяйка не уснула, как обычно, а сидела за столом. И я вынесла тёплую еду в миске на улицу. Когда вернулась в комнату, услышала громкий лай. У дома обитали несколько собак, принадлежащих жителям барака. Они дружно носились по улице и изображали охранников и сторожей. На незнакомых лаяли. Меня они признали быстро. Несколько раз я выносила им еду, и теперь они, встретив меня на улице, дружно изображали преданность и верность. Возможно, они напали на моего Кота из-за еды?! Я выскочила на улицу в ожидании беды.

Глазам моим предстала следующая картина: на старом шкафу сидели два местных домашних кота в ошейниках от блох. Они даже близко не решались подойти к моему Коту. Где там изнеженным домашним любимцам тягаться с бродягой?!

Но ещё удивительнее было то, что недалеко от Кота, спокойно поглощающего обед, с привычным хрипом простуженных лёгких, сидели два здоровых местных пса. Они тоже не решались подойти к миске и делали вид, что они-то никого не боятся, тем более какого-то драного и больного кота. Просто на данный момент они сыты и отдыхают. А что близко к миске, так просто любопытно – и чего там жрёт этот проходимец.

А проходимец ел не торопясь, иногда останавливался и поднимал взгляд на собак. На домашних котов он даже не обращал внимания. А во взгляде, обращённом на собак, читалось: «Ну, попробуйте, кто смелый?! Кто попытается отнять мою пищу, которую дала мне моя хозяйка?! Рискните здоровьем! Может, кто-то хочет полюбоваться на мир одним глазом?! Давайте!» И собаки не решались подойти близко.

Я остановилась как вкопанная, увидев такое необычное зрелище: лохматый и драный бродячий кот спокойно и неторопливо обедает, и за этим обедом робко наблюдают два здоровых домашних кота и два здоровых пса. А Кот, увидев меня, ещё и начинает своё тихое, такое нежное на фоне его хриплого дыхания мурлыканье. Ах, Кот, да ты у меня самый храбрый кот на свете! Моё храброе сердечко!

На следующий день бабушка мирно спит, и я кормлю Кота дома. Мурашка смотрит на него как на чудо. И взгляд у неё сонный и глупый. А он не обращает на неё внимания. Ах, Кот, наверное, твоей подружкой могла бы стать та, кто знает холод январских ночей и одинокую участь бродяги.

Как-то бабушка просыпается внезапно, и я не успеваю выставить Кота за дверь. Он понимает, что дело туго и всё может закончиться для него печально, и вдруг – исчезает. Ах, Кот, ты, случайно, не родственник Чеширского кота? Куда ты исчез? Я беру веник. Но не столько подметаю, сколько пытаюсь понять, куда делся Кот? Что за мистика такая?! Как сквозь землю провалился?! И хриплого дыхания не слышно... Бабушка, походив по комнате, ложится опять и засыпает.

И вдруг из глубин шифоньера показывается нос, ухо, и вот мой Кот медленно и важно вылезает на белый свет. На морде написано: «Кто прятался?! Я не прятался! Просто немного отдохнул в темноте. Прости уж, что не на стуле. Но я ж тебя подводить не хотел». Мурашка выглядит как придворная дама на балу: «Ах, я сейчас упаду в обморок!» Она тоже не успела разглядеть молниеносных перемещений бродяги. А он проходит мимо и наконец, будто в первый раз, замечает её – белоснежную, кроткую. И весь его вид, кажется, говорит: «Ну, что смотришь?! Жить захочешь – и не такому научишься!»

Постепенно Кот начал выглядеть лучше. Гуще стала шерсть, чище и яснее глаза, и даже ободранное ухо уже не казалось таким страшным. Близилась весна. Это значило, что зиму мы с Котом пережили и теперь совсем скоро – и травка, и солнышко. Небо над оптинскими храмами стало высоким и ярко-голубым. По утрам звон колоколов сопровождало бодрое пение пташек: весна – весна, тепло – тепло!

Мне нужно съездить на пару недель домой: ждут неотложные дела. Вот уже получено благословение духовного отца. И собраны вещи. «Кот, я не могу взять тебя с собой: у меня тяжёлые сумки, ноутбук, да и как мы поедем через полстраны с тобой на поезде? И я скоро вернусь, понимаешь?»

Кот смотрит внимательно. Он не мурлыкает, как обычно. И не пытается приласкаться у моих ног. Он что-то понимает? Отворачивается от меня и уходит. Спина напряжена. И вид у него необычно несчастный. Или мне это кажется?! Когда мы выходим с Людмилой на улицу, кота нет. А я хотела проститься...

Мы идём с Людмилой к автобусу, и я думаю: дождётся ли он меня? Может, умрёт? Кот, не умирай! Я ведь тоже больна и с трудом иду за Людмилой по тающей вязкой тропинке. Мне стыдно отставать от неё: она старше меня почти на двадцать лет. И несёт мою тяжёлую сумку. У меня в руке ещё пакет, а за спиной ноутбук. Сердце частит, и я задыхаюсь. Останавливаюсь,

чтобы отдышаться. Людмила возвращается, молча отнимает у меня пакет и бодро шагает дальше. Останавливается, ждёт меня и вздыхает по-матерински: «Оль, ну как ты там одна в Москве пойдёшь?! С твоим здоровьем нельзя тяжести носить! Нужно беречь себя!» «Ничего, Кот! Я буду учиться у тебя – твоей воле и храбрости!»

Я иду и думаю, что Кот может решить, что его предали. Эта мысль не даёт мне покоя. Когда ты уже знаешь, что такое предательство, бывает тяжело, невозможно довериться, открыть свою душу и впустить в неё любовь ещё раз. Когда не любишь – тебе не могут причинить такой боли. Самую сильную боль нам причиняют те, кого мы любим. Кот поверил мне. Поверил в то, что у него появился кто-то, кто заботится о нём, кому он небезразличен. И я представляю себе, как придёт он к двери, которую никто перед ним не откроет. И он будет долго сидеть на сыром весеннем ветру. Потому что теперь ему будет всё равно. И он равнодушно ляжет на снег и замёрзнет, потому что не захочет возвращаться в ту жизнь, где он был так одинок.

«Кот, дождись меня, пожалуйста! Не умирай! Я вернусь!»

Немного о котках

В 2009 году, в сырой и холодный весенний день, под стук колёс поезда дальнего следования, я написала рассказ про кота: «Любовь к жизни (почти по Джеку Лондону)». Кот этот жил рядом с Оптиной и поразил меня своей любовью к жизни, каким-то своим кошачьим мужеством. Я ехала в поезде, тревожилась о его судьбе и свои переживания записала.

Конец истории оказался добрым: вернулась я в Оптину через две недели, кот, которого по моей просьбе подкармливали, дождался меня и прожил со мной ещё два года. А потом умер. От старости. Всё-таки это был уже совсем немолодой и очень больной кот. Думаю, эти два года были счастливыми в его кошачьей жизни.

А рассказ я оставила таким, каким он был записан в поезде, потому что говорилось в нём об одиночестве, о мужестве и стойкости, о верности и предательстве...

С тех пор мне рассказали ещё два рассказа о котках, забавный и грустный. Вот они:

История первая - грустная

На днях, после Литургии в Оптиной Пустыни, я присела на скамейку в тени деревьев. Тихонько раскрыла Псалтирь. Осеннее солнышко не палит, а нежно ласкает спину, деревья чуть тронуты позолотой, цветы ещё радуют своими ароматами и оттенками красок, далеко разносятся в прозрачном сентябрьском воздухе перезвоны оптинских колоколов. Хорошо!

К скамейке подходит оптинский инок, отец В. Здоровается, кивает благодушно седой головой. Протягивает мне мою книгу «Монастырские встречи»:

- Прочитал, благодарю.

- Отче, присядь, передохни минуту.

- Некогда. На послушание нужно идти... Ладно, ненадолго присяду... Забегался с утра... Я тебе вот что хотел сказать: напиши-ка историю про моего кота. Рыжим звали.

- Про кота?! Но я...

- Точно. Про кота. Так, ладно, минут пять – десять я могу передохнуть. А про Рыжего –

полезная история, назидательная. Он, понимаешь, был кот очень благочестивый.

- Благочестивый кот?!

- Не перебивай. Слушай лучше да запоминай.

Отец В. прищуривается, смотрит вдаль, минуту молчит, а потом рассказывает мне свою историю.

Когда он жил в миру, с мамой в деревенском доме, у них были два кота: Рыжий и Тишка. Рыжий был весь рыжий-прерыжий, и даже нос у него тоже был рыжим. А Тишка был красивый сиамский кот.

Тишка был животное как животное, если напроказничает, то удирает в страхе от наказания. Когда с ним играли, мог и в руку вцепиться беспощадно, когтями поцарапать. Не разбирался особенно.

А Рыжий был совсем другим. Понимаешь, вот люди бывают - плотские, душевные и духовные. Иногда рождаются гиганты духа, такие, скажем, как преподобный Серафим Саровский. В некоторых душевных людях только проблески духовного, все же остальные устремления на сиюминутное, земное направлены. О Боге, о небесах почти не вспоминают. А есть и такие, в которых одни плотские страсти бурлят.

Так и животные - различаются по своему устройению. В одних только звериное и проглядывает, а в других есть какое-то благородство. У животных духа нет, но некоторые из них какие-то душевные качества у человека перенимают. Они ведь тоже - Божьи создания, и иногда через них Господь что-то человеку открывает.

Рыжий рос очень добрым. Даже когда маленьким был, никогда не оцарапает, всегда следил, чтобы не причинить боли, чтобы не укусить, даже когда ему самому боль причиняли. Терпел. Если ругали, он стыдился. Голову виновато опустит... Ты его шлёпнешь, а он трётся у ног ласково, как будто прощения просит.

Один раз прямо в огороде мыши развелись, Миша (в миру отца В. так звали) поворошил грядку, а там мышей полным-полно. Миша принёс к грядке Рыжего, а тот смотрит на мышей и вздыхает только. Так он ни одну мышь и не убил. Михаил потом смеялся:

- Ты, Рыжий, у меня кот монашеский, от мяса отказываешься.

Когда Миша утренние и вечерние молитвы читал, Тишка в этом деле не разбирался: летал по комнатам, как ему изволится. А вот Рыжий, когда хозяин лампадку зажигал, сразу шёл к печке и лежал смирно, не двигаясь: дескать, понимаю, хозяин, что дело у тебя важное и мешать не смею.

Вырос Рыжий огромным котом, весил больше четырёх килограммов. Иногда уходил из дома на несколько дней к своим кошачьим подругам. Несколько раз было: в лютые морозы пропадёт Рыжий из дому - и нет его. Мороз страшный трещит, а кот где-то на улице. Миша уж выйдет и там посмотрит, и сюда заглянет - нет нигде кота. Расстроится Миша, а потом скажет про себя:

- Ладно, постараюсь не расстраиваться - Бог дал, Бог взял.

Только так подумает - как за дверь: «Мяу!»

Рыжий вернулся! Кончики ушей подморожены, но сам живой и здоровый.

Первый раз заболел Рыжий, когда у Миши мама умерла. А кот очень любил её. И вот стал чахнуть на глазах. От четырёх килограммов очень быстро осталось только два. Еле ходит по комнате. Жалобно так смотрит. Подойдёт к любимому месту мамы, где она обычно сидела, ляжет и лежит – тоскует. Тишка вроде и не заметил потери хозяйки. Его кто накормил – тот и хозяин. А Рыжий угасать стал.

- Понимаешь, Оля, мы ведь все вместе – люди и их питомцы – мы вместе...

Отец В. не может подобрать слова, чтобы объяснить то, что он чувствует, что понимает его душа. Морщится, машет рукой и продолжает:

- Я тогда решил помолиться за Рыжего. Был как раз праздник святых Флора и Лавра. Стал молиться святым: помогите Божьему созданию, исцелите, если есть на то воля Божия.

И что ты думаешь – поправился Рыжий. Начал кушать, через месяц опять четыре килограмма весил.

Так мы и жили. А потом я собрался в монастырь. Уехал. В доме родственники поселились. Приезжаю через пару месяцев по делам, а мне говорят: «Рыжий по тебе так тоскует, что заболел опять. Как ты уехал, он и есть перестал. На глазах тает». Смотрю: а он снова стал худой-худой. Увидел меня – идёт ко мне, а сам качается от слабости. Прижался к ногам моим и не отходит. Как будто жить он без меня не может.

Вечером легли спать, Рыжего в ноги положил, он сам и на диван не смог вспрыгнуть. Ночью проснулся – нет Рыжего. Слышу: далеко жалобное такое мяуканье – как стон. Встал, пошёл искать кота. А он умирать ушёл, оказывается, в погреб. И тут не хотел причинять беспокойства. Спустился я в погреб, зажёл свечу, вижу: лежит Рыжий, сам в земле, и даже нос его рыжий тоже весь в земле. Я поднял его, лёгкого, почти невесомого, на руки, отряхиваю, а он прижался к мне всем своим тельцем кошачьим.

Умирает уже. Сел я прямо в подполе на приступок, держу его на коленях, глажу рыжую шерстку, а он, умирающий, из последних сил начинает мурлыкать – слово своё благодарственное мне говорит. Плохо ему, больно, а он мурлыкает из последних сил: дескать, люблю я тебя, хозяин мой, и благодарю за ласку.

Отец В. умолкает и отворачивается в сторону. Старается незаметно смахнуть слёзы. Откашливается и прерывающимся голосом говорит:

- Вот тебе и история короткая и грустная – про кота. Напиши про Рыжего. А я пошёл на послушание – и так уж засиделся здесь с тобой...

История вторая - забавная

Пару недель назад оптинский игумен Т. рассказал мне забавную историю. Добавил, что главный герой этой истории разрешил мне её записать, не называя его имени.

Один оптинский отец несколько дней подряд был очень занят на послушании и в келью возвращался уже ближе к ночи.

Здание с братскими кельями ремонтировали, и снаружи всё было в строительных лесах. В открытые форточки келий время от времени запрыгивали оптинские коты, вынюхивая что-

нибудь съедобное. Иногда отец Н., вернувшись с послушания, прогонял особенно навязчивого посетителя: голодающих среди этих котов не было, в монастыре их обычно подкармливают.

Как-то поздним вечером, вернувшись в келью чрезвычайно уставший, отец Н. заметил, что в форточку запрыгнула большая и красивая трёхцветная кошка. Он попытался выставить вон непрошеную гостью, но кошка уходить не желала, вела себя совершенно по-хозяйски и сердито шипела на отца Н. Он очень удивился, насторожился и решил понаблюдать за странной кошкой.

Та важно прошествовала к полуоткрытому шкафу и, недовольно бросив взгляд на озадаченного хозяина кельи, ловко запрыгнула внутрь. Отец Н. подошёл к шкафу, осторожно открыл дверцу и увидел следующую картину: в глубине шкафа возлегало целое семейство кошачьих – кошка и крошечные, ещё слепые котятки. Котятки, почувствовав мать, начали пищать и пристраиваться к ней в ожидании кормёжки. Сама же мамаша смотрела на отца Н. крайне недовольно и в её взгляде явно читалось:

– Я тут важным делом занимаюсь, а ты мешаешь только! Безобразие какое-то: нет покоя кормящей матери!

Отец Н. понимающе кивнул головой кошке, бережно прикрыл дверцу шкафа. Постоял немного, подумал, а потом вздохнул печально и пошёл в трапезную за ужином для своей новой постоялицы.

Звонок по сотовому телефону

Эта история случилась со мной на днях, когда я ездил из Оптиной Пустыни в Козельск по послушанию. Послушание выполнила. Пришла пора возвращаться в монастырь. А день уже заканчивается, маршрутки перестают ходить. Вот и в Оптину последняя по расписанию пошла. Бегу я за ней, а сумка тяжёлая. Нет, точно не успею... И не успела. Можно и пешком, конечно, дойти, но вот поклажа моя... Да и устала под конец дня...

Подходит рейсовая маршрутка, которая по городу ездит. Пустая почти. Сажусь я в неё и спрашиваю: «А вот только что оптинская маршрутка ушла. Мы её не догоним на какой-нибудь из городских остановок?»

Водитель оборачивается ко мне не спеша. Смотрит на меня тяжёлым взглядом. Сам здоровый такой. Ручищи на руле огромные лежат. «Вот это здоровяк», – думаю...

А он отворачивается и угрюмо так цедит сквозь зубы: «Не, не догоним». Достает из кармана сотовый телефон и начинает кому-то названивать. «Ну, – думаю, – конечно, если ты во время движения своей маршрутки ещё и по телефону будешь лясы точить, то точно не догоним». А он так спокойно чего-то там болтает. Сажу я и злюсь на саму себя, что на маршрутку опоздала, на погоду дождливую, слякотную. На здоровяка невежливого. Хотя знаю, что злиться – смысла нет. «Никогда не бегите за уходящим автобусом – это был не ваш автобус...»

И осуждать ведь тоже нельзя. Сажу и пытаюсь придумать добрый помысел об этом здоровяке. Я когда-то даже рассказ написала «Фабрика добрых помыслов». Там речь идёт о словах Паисия Святогорца. Старец писал о том, что необходимо терпеть немощи окружающих людей, покрывать их любовью. Не поддаваться помыслам осуждения, недоверия.

А для этого придумывать добрые помыслы в отношении окружающих. Пытаться оправдать их, пожалеть. Понять, что, возможно, у них были добрые намерения, просто не получилось

воплотить их в жизнь. Пожалеть, даже если этих добрых намерений не было, придумать добрый помысел о таких людях. Старец называет эту мысленную работу «фабрикой добрых помыслов».

Маршрутка наконец-то с места сдвинулась. Здоровяк наболтался. Еду я и пытаюсь добрый помысел о нём придумать. Чтоб не осудить его, а оправдать как-то. «Так, – думаю, – может, он маме звонит часто. Даже с дороги. Беспокоится о матери... Или нет. Вот ему срочно нужно детям позвонить. Проверить, что они там делают одни дома... А то, может, жена ждала звонка важного...» Еду и чувствую, что раздражение отошло. Вот и здоровяк мне уже кажется не таким вредным. А что? Хороший, наверное, человек... Просто вот озабочен срочными делами...

Смотрю в окошко: луч солнечный сквозь тучи пробился. Ура! Дождь кончается! Хорошо-то как!

Подъезжаем мы к остановке. Тут здоровяк ко мне оборачивается и говорит: «Догнали мы оптинскую маршрутку. Пересаживайтесь». Вот здорово-то! И с чего я взяла, что взгляд у него тяжёлый? Обычный такой взгляд... Можно сказать, даже добрый...

Быстро пересаживаюсь в оптинскую маршрутку. Она тоже полупустая. Протягиваю водителю деньги. А он спрашивает: «Ну что, чуть не опоздали?» Улыбаюсь в ответ: «Да, я уж настроилась пешком идти. Вот погода только сырая да сумка тяжёлая».

А водитель, парнишка молодой, улыбается мне и говорит: «Да, пришлось бы вам пешком топтать, если б не друг мой, водитель городской маршрутки, на которой вы ехали. Он мне позвонил и попросил притормозить немножко на остановке. Говорит: «Тут пассажирка одна к тебе опоздала. С сумкой большой такой. Ты уж её подожди, ладно? Жалко сестрёнку». Я и притормозил».

Вот тебе и здоровяк угрюмый! Сестрёнкой меня назвал...

Благодарю тебя, отче Паисий, за твоё наставление о фабрике добрых помыслов!

«Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей!»

Время на покаяние

Сегодня мне нужно навестить в больнице одну сестру монастыря. И вот я еду на машине с водителем Михаилом. Дорога пустынна. В окна автомобиля светит нежное майское солнышко, вокруг яркая, сочная весенняя зелень. Время от времени в кабину вливается нежный аромат черёмухи. Хорошо!

Михаил едет молча. Потом вдыхает весенний аромат и медленно начинает разговор. Дорога располагает к воспоминаниям. А с попутчиками, как давно известно, порой бываешь откровенней, чем с постоянными собеседниками.

– Как хорошо жить на этом свете, иногда понимаешь, только когда попадаешь на тот.

– А что, Миша, тебе случалось и на том свете побывать? – легкомысленно и весело спрашиваю я.

Но Михаил серьёзен:

– Случалось.

Моё легкомыслие и веселье мгновенно исчезают. Уже серьёзно я прошу:

- Расскажи, а?

Миша морщится. Рассказывать ему не очень хочется. Но уже поздно. Он бросает на меня испытующий взгляд. Потом вздыхает и не спеша, с длинными паузами, глядя на дорогу, начинает свой рассказ.

В миру Михаил работал машинистом передвижной электростанции. Он первым приезжал туда, где потом должна была появиться буровая. Прежде чем она появится, прежде чем приедут нефтяники или газовики, нужно приготовить к их приезду место. Чтобы было электричество, чтобы появились жилые вагончики, баня, столовая.

Так что Миша был первопроходцем. Жил в тайге один. Как-то раз под Сургутом, в тайге, прожил один больше месяца. «Здóрово! - говорю я. - Это, прям, как Робинзон Крузо! Интересно! А как ты жил? Зверюшек таёжных видел?»

- Видел. Лось приходил. Мишка косолапый разведку делал. Я бензопилой в реке лунку сделаю - воды наберу. Чай гоняю. Ну, припасы были с собой. Только одному долго в тайге нельзя без привычки. К концу месяца стал слышать, как в вагончике Владимир Высоцкий песни поёт. У меня приёмника не было никакого. А тут: слышу Высоцкого, и всё тут. Ну, думаю, пора к ребятам ехать в гости, чтобы разогнать одиночество. Надел лыжи и отправился к лесорубам. Рассказал им о концертах в своём вагончике. А они смеются: «Подольше поживёшь один, ещё и не такое услышать можно».

Скоро одиночество кончилось, приехали вахтовики на работу. А у Миши новая беда: у него желудок был больной. А тут ещё консервы сплошные на обед. И вот как-то чувствует он сильную боль в животе. Как будто клещами железными внутри всё сжали. Упал на кровать и встать не может. Слышит, машина с рабочими пришла. Вот, уже и уехала. Ребята в вагончик заходят, а он лежит бледный на кровати и слова вымолвить не может, только стонет. А машину рейсовую уже отпустили.

Стали снова машину вызывать. Пока вызвали, пока до больницы довели, время прошло. Целый день. В больнице сразу сказали, что нужна срочная операция. А Миша чувствует: вроде боль отпустила немного. Не хочет операцию. Стал домой проситься. Врач головой только покачал. Говорит: «Тебе что, жить надоело? Ну, пиши расписку, что отказываешься от медицинской помощи и иди куда хочешь».

Написал Миша расписку, доковылял домой. Вроде боль потише. А ночью опять сильнее. Лечь не смог, просидел всю ночь на стуле, голову и руки на стол положил. Еле дождался утра. Ребята в больницу отвезли. А там врач сердито говорит: «Что ж ты так рано-то? Надо было бы ещё немножко подождать! Чтоб нам и возиться с тобой не пришлось! Сразу в морг, и никаких хлопот!»

Повезли Мишу сразу же в операционную. А у него, оказывается, была прободная язва. Не успели наркоз дать, а он сознание потерял. Клиническая смерть. Внезапно почувствовал, что боли уже нет. А сам он находится прямо под потолком. Подумал только: «Падать-то высоко будет...»

И - увидел себя в аду.

- Миш, почему ты решил, что это был ад?

- Так там были бесы. Страшное место! Не приведи Господи! Спаси, сохрани и помилуй! Там испытываешь такое чувство отчаяния и обречённости...

Михаил не говорит ничего особенного, но я чувствую, как по спине начинают бегать мурашки. И тепло в кабине сменяется леденящим чувством холода.

Миша замолкает и включает акафист Божией Матери. Мы едем молча. Постепенно я снова замечаю весеннее солнышко, и чувство леденящего страха уходит. Акафист заканчивается, и рассказчик продолжает:

- Ещё там грохот, грязь. Всё чёрное, грязное. И какие-то люди в грязи делают какую-то бессмысленную работу. Я увидел там своего отца. Сейчас молюсь вот за него. Сколько уже панихид заказал! Ещё увидел одного парня, который за несколько лет до моей болезни другу моему отвёртку в спину воткнул.

Я не хотел оставаться в этом месте. Не хотел! Я вспомнил о своей маленькой дочке. А ей годика три всего было. Кто без меня её вырастит? Кто поможет? Я начал молиться. А в то время я в церковь не ходил. О вере не думал. Жил сегодняшним днём и о том, что какая-то там загробная жизнь существует, не помышлял даже. Знал только одну молитву. Да. Единственную. «Отче наш». Бабушка меня когда-то научила.

Собрался с силами и стал эту единственную известную мне молитву читать: «Отче наш, иже еси на небесех... Господи, помоги мне! Да святится имя Твое... Я ещё не готов к смерти! Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли... Господи, смилуйся, дай мне ещё время на покаяние! Я не хочу здесь оставаться! Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим...»

А бесы тут как тут. Навалились на меня, не дают молиться. Путают мысли. «Я неправильно жил, Господи! Я про Тебя не думал. Не оставь меня, как я оставил Тебя! Я исправлюсь! Дай мне время на покаяние! Мне ещё дочку нужно на ноги поднять! Ради дитя невинного, смилуйся, Господи!.. Отче наш... И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого!»

И вернулся. Ожил.

Врачи поражались. Слишком много времени прошло до операции. Они уже приготовились моё тело в морг отправлять. Медсестра потом говорила, что у меня как-то даже кровь загустела, нельзя было капельницу поставить. В общем, труп практически. И вдруг очнулся. Решили: медицинское чудо. А я-то знаю, кому это чудо принадлежит!

Вышел из больницы, пошёл в церковь. Первая моя служба была. Если б ты знала, как она мне тяжело далась! Видимо, грехов много было - еле достоял. В храме тепло - а я замёрз. Мёрзну - сил нет. И пот холодный по спине. Взмолился Господу: «Господи, помоги мне службу до конца достоять!» И достоял. Ну, а потом уже легче было. На других службах-то.

- Миша, ты поэтому в монастыре теперь трудишься на послушании?

- Ну а как ты думала?! Что меня от больших денег и мирской жизни могло в монастырь привести?! Я ведь привык жить по своей воле. Вот дочку выучил и уехал в обитель. Теперь на послушании у духовного отца живу.

О душе думаю. Потому что знаю, что с ней случиться может. Старец мне сказал: «Ты, когда в миру жил - спал. А сейчас проснулся. И понял, что такое жизнь, что такое душа и почему о спасении нужно думать до того, как умрёшь».

И Миша снова включает акафист. Мы едем дальше и слушаем. Я вспоминаю свою знакомую. Она не верит в Бога, некрещеная и креститься не собирается. Говорит: «Я знаю, что умру и исчезну. Какая мне разница, что будет с моим телом после смерти! Пускай меня кремируют! Душа? Какая душа?! Где доказательства, что она существует?!»

Господи, дай нам всем время на покаяние! Помоги очнуться от сна и вспомнить о Тебе! «Отче наш, иже еси на небесех...»

Время отдавать долги

Поезд, набрав скорость, несётся стрелой сквозь ночь. За окном темно, в приоткрытую створку двери светит тусклый свет из коридора. Вагон специальный, здесь купе начальника поезда, служебные купе и купе для инвалидов. Мы с мамой едем в двухместном купе для инвалидов-колясочников. Я сижу за маленьким столиком, а мама спит и тяжело, хрипло дышит во сне. Мои грустные раздумья прерывает внезапно вспыхнувший огонёк – на стене табло, и на нём загораются и мигают буквы: «Авария! Авария!»

Я иду в конец вагона к проводникам, и они вызывают мастера – неожиданная поломка. А я думаю, что никакая она не неожиданная – это у нас с мамой авария, у нас скорбь.

Две недели назад мне позвонила соседка мамы:

- Срочно приезжай. Твоя мама в больнице. Инсульт. Её парализовало. Нужно ухаживать.

Спешные сборы, поезд «Москва – Пермь», меня встречают мои дети, и вот мы с сыном едем по ночной дороге в Нижний Тагил. К маме. Сыночек устал, он работал весь день, но ждать нельзя, завтра уже пятница, если не застанем лечащего врача, то в выходные его скорее всего не будет в больнице. И мама там одна...

От Перми до Тагила шесть часов езды на автомобиле. Ночью ехать труднее – темно, на дороге бывают ямы, в одну такую мы влетели на полной скорости, и нас чуть не выбросило на обочину. Останавливаемся. Выходим из машины, нужно немного подвигаться. Я достаю бутерброды. Два часа ночи. Зябко, холодный ветер. Сыночек устал: я-то хоть немного дремлю, а он за рулём.

- Сильно устал, сын?

- Ничего, мам... А бабушка поправится?

- Она ещё нестарая – шестьдесят восемь лет, – конечно, поправится!

Мы едем дальше. Три часа ночи. Впереди пост ГАИ. Дорога пустынная. Едем медленнее. Патрульный машет жезлом. Мы останавливаемся. Молодой мужчина – ровесник моему сыну. Взгляд сонный, скучающий. При виде нас оживляется:

- Вы перед поворотом поздно включили фары. Нужно заранее включать, а вы припозднились.

Мой голос звучит просительно-виновато:

- Пожалуйста, простите нас! Мы торопимся к маме – она в больнице, инсульт.

Патрульный оживляется ещё больше: я выгляжу молодо, а в полумраке машины он, видимо, принимает нас за брата с сестрой:

- Детишки спешат к мамочке! А вот я вас задержу на час-другой и научу не торопиться!

Сын сердится:

- Мама, зачем ты?!

Выходит из машины, говорит патрульному:

- Повежливее, пожалуйста.

А тот уже совсем разгулялся и вроде бы предвкушает развлечение:

- Ах - повежливее?! Я вот сейчас вызову понятых и проверим вас на... на наличие наркотиков!

- Ну что ж... - слышу спокойный голос сына, - а я тогда сейчас позвоню на телефон доверия и расскажу о методах работы вашего поста.

Патрульный сразу мрачнеет и скучным голосом объявляет:

- Сто рублей штраф.

Выписывает штраф, и мы едем дальше. Первые пригородные дома - Тагил.

Маленькая квартирка мамы кажется ещё меньше и уютнее - без неё всё так пусто и безжизненно. Рыжий кот выбегает из кухни и бросается к нам, и мяукает жалобно, и плачет по-кошачьи о своём одиночестве.

- Здравствуй, Рыжий! Как ты тут один? Соседка тебя кормит?

Открываю шкаф: там множество разнообразной кошачьей еды и пакеты подписаны: «рыбка», «курица» - аккуратным маминым почерком. Мама любит Рыжего. Это кот моего брата.

Брат умер год назад. Тридцать восемь лет. Инфаркт. Стрессы, нехватка времени, болезни на ногах... Заболело вечером сердце. Мама вызвала «скорую». Скорая приехала, дали таблетку, сказали: ничего страшного. Уехали - вызовов много. А через полчаса он умер. Просто встал с кресла и упал. Упал - и уже не поднялся.

Мама кричала в трубку: «Он не может умереть! Понимаешь?! Не может!» И рыдала. А я слушала и тоже плакала. Брат был очень добрым, совестливым человеком. Всё принимал близко к сердцу. Может, поэтому оно не выдержало? Был верующим, любил читать Псалтирь. Перед самой смертью исповедался и причастился - как знал...

Как ты там, бедный мой братик? Упокой, Господи, душу раба Твоего Александра в селениях праведных, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, а жизнь бесконечная...

После его смерти мама прибаловала. Я звала её к себе, но она не хотела ехать:

- А кто на могилку ходить будет?! Ещё вот памятник надо поставить. И место такое сырое... Как же сыро ему там лежать!

И снова плакала.

Кормим Рыжего и ненадолго ложимся - нужно немного поспать - впереди трудный день. Долго не могу уснуть: так печально в пустой маминой квартире - сердце замирает, предвкушая

нелёгкие испытания. Засыпаю, когда уже начинает брезжить свет в окне.

Будит резкий долгий звонок в дверь. Серый рассвет. Включаю жёлтый электрический свет – уже девять утра. Принесли мамину пенсию. Деньги нам сейчас очень кстати... Дальше – как в мультфильме: принести принесли, но вам не отдадим.

- А вдруг вы врѐте, что ваша мама в больнице, а на самом деле – она уже умерла?! Чего это у вас лица так вытянулись?! Бывает-бывает! У меня вот случай был: приношу пенсию, а меня встречает сын пенсионерки с женой. Оба подвыпили. Просят пенсию им отдать, а то мама спит уже. Думаю, дай-ка я на спящую погляжу... Захожу в старушкину комнату – правда, спит бабушка. Подхожу поближе – а у неё руки на груди верёвочкой связаны. Померла то есть... Давайте в больницу позвоним, если врач скажет, что она, ваша мама, то есть живая, я вам денежку отдам, а если нет – то уж не обессудьте! У вас номер есть больницы? Так – звоним! Что, значит, по телефону справок о состоянии больных не даём?! Я вам не посторонняя, я при исполнении! Трубку бросили... Тогда я пошла... Не-не, не могу, и не просите!

Идѐм в больницу. Асфальт сырой, моросит дождь, холодно. Пятиэтажное здание, пятый этаж – неврология. Палата на шесть человек. При виде меня две женщины лет сорока начинают громко возмущаться:

- Наконец-то! Как мы устали от вашей мамы! Двое суток она тут одна лежит – то воды подай, то утку, а мы сами больные, нам совершенно не до вашей матери! Что ж вы так долго добирались?!

Извиняюсь, объясняю, что ехала на поезде. Они обиженно молчат. Мама не спит, лежит и молча смотрит на меня. Подхожу ближе, неужели она меня не узнает? Мама охает и начинает плакать – узнала.

Врач объясняет, что пока её нельзя забирать, нужно пройти курс лечения: капельницы, уколы. Предлагает мне остаться с ней в палате, потому что на всё отделение одна санитарка и лежачие больные остаются без ухода: санитарка просто физически не успевает покормить, дать воды, принести утку, посадить и положить, повернуть на бок уставшего лежать на спине больного.

Две недели в больнице пролетают мгновенно. У мамы парализовало всю правую сторону, она не может самостоятельно садиться, поворачиваться, её нужно кормить с ложки.

Больные в палате разные. Привезли старушку лет восьмидесяти. Худенькая, маленькая, вся седая. Несколько лет назад она сломала шейку бедра. У неё страшные пролежни – до мяса. Дочь ушла в запой и забыла о матери. Врач бегло осматривает, вздыхает: зажила бабуся на свете... Ещё и не нужна никому...

Санитарка привозит на каталке ужин для тяжѐлых. Я сажаю маму, кормлю с ложки, соседка тихонько кушает сама, остальные бредут в столовую на этаже. Санитарка подходит к старушке:

- Ну что, бабуся, кушать будешь? Ням-ням! Чего рот не открываешь? Не хочешь? Ну лежи тогда – мне некогда тут дожидаться!

Лена уходит. Так-то она добрая, но работы у неё на самом деле слишком много: она моет полы, туалеты, меняет бельѐ, выносит мусор, развозит на тележке завтрак, обед, ужин, да много чего... То и дело несѐтся по отделению крик: «Лена! Срочно подойди!» Начальников у Лены много. Вот и некогда ей кормить всех лежачих, если только родственники не заплатят. Чувство сострадания? Видимо, оно притупляется, когда целый день бегаешь по отделению...

Подхожу к старушке. Запах тяжёлый, не мыли её, наверное, очень-очень долго. Губы сухие, как бы в песке. У неё, наверное, обезвоживание... Два дня я отпаивала бабушку водой, и уже на второй день губы у неё порозовели, она съела ужин и повеселела. Старое поколение крепкое. Покушав, она тянется к моей руке. Я сначала не понимаю, а она тыкается губами в мою ладонь – целует. Мне хочется плакать. Поворачиваю старушку на бок, простыня в крови от пролежней. Иду просить мазь. Медсестра сердится:

- Нет у нас ничего от пролежней! У нас вообще не должно быть никаких пролежней в отделении! У нас тут неврология, а не хирургия! И лежачих больных тоже не должно быть! Поэтому санитарка ночная в штате не предусмотрена и средств для обработки пролежней тоже нет! И вообще... Тебе что – своей матери не хватает? Пусть о бабке её родственники заботятся! Ладно... Вот тебе зелёнка – обработай зелёнкой. Какую мазь купить? Для бабки, что ли? Ты что – богатая, да?! Мажь зелёнкой, тебе говорю! Самое лучшее... И подсохнет...

Главная трудность в больнице – недосыпание. Спать хочется постоянно. Ночью то встаю к маме несколько раз, то будят соседки по палате, а то включается свет, потому что в палату вносят новенькую и дежурный врач с медсестрой осматривают её и беседуют. Засыпаю под утро, но тут же просыпаюсь от громкого окрика:

- Температуру меряем! Так, быстро взяли градусники! Время скоро шесть, а они всё дрыхнут! Вы что – сюда спать пришли?!

- Началось в колхозе утро... – ворчит соседка.

Мама спит. Тихонько, чтобы не разбудить, ставлю ей градусник, тихонько достаю. Температуры у нас, слава Богу, нет и не было.

Выхожу в коридор: на кресле рядом с палатой дремлет немолодой седой мужчина. Видимо, муж новенькой. В этот день я новенькую не разглядела: она спала на боку, свернувшись калачиком, просыпаясь только для капельницы и уколов.

Её муж уходит ненадолго домой, вечером возвращается и снова всю ночь дремлет в кресле рядом с палатой. Время от времени заглядывает и озабоченно смотрит на жену.

- Вот это любовь! Вот это преданность! – думаю я.

На следующий день знакомлюсь с его женой поближе. Ей стало получше, она села на кровати и смотрит на меня. Седая, как и муж, обычная пожилая женщина. А глаза – необыкновенные: добрые, внимательные, ласковые... Заговаривает дружелюбно, и становится сразу понятно, что передо мной необыкновенно душевный, искренний и добрый человек. И я уже не удивляюсь, когда её муж дежурит у палаты и на следующую ночь, не хочет уходить домой.

Вот он заглядывает утром, а она смотрит на него так ласково, что этот немолодой седой мужчина расцветает и улыбается радостно. Конечно, кому же не понравится, когда тебя любят?! Позднее Вера рассказывает мне, что живут они с мужем душа в душу уже сорок пять лет.

А я думаю: «Вот и секрет счастливой семейной жизни... Так просто и так сложно... Она любит его, а он её... Что тут сложного? Может, дело в том, что нам невероятно трудно проявлять любовь, улыбаться так по-доброму, когда мы раздражены, взволнованы, когда мы устали или голодны? Мы нервничаем и взрываемся, гневаемся и вместо радостной улыбки встречаем нахмуренные брови, сердитый взгляд. Встречаем раз, другой, третий, и нам больше не хочется встречаться взглядом друг с другом...

Конечно, легко улыбаться, когда обстоятельства благоприятствуют. Но Вера улыбается мужу, когда ей плохо, когда дрожат ноги и самостоятельно она даже не может подняться... Может, дело в том, чтобы уметь радоваться мелочам, уметь постоянно поддерживать ровное и доброе расположение духа?»

У меня самой это точно не получается. Я унываю. И часто. Думала, что с мамой будет тяжело физически, а в остальном – мы будем вместе радоваться и печалиться, я буду читать ей книги, и мы вместе засмеёмся или заплачем над страницами. Но всё оказывается совершенно не так. Врач сказала, что мозг мамы сильно повреждён кровоизлиянием и реабилитации не будет, нужен только уход.

И вот мама у меня. Сразу же возникло множество проблем. Домик, в котором мне разрешили пожить, находится рядом с Оптиной. И это было раньше очень удобно: можно быстро добежать до монастыря. Отсутствие удобств меня не очень волновало: печь можно истопить, воду из скважины я качала ручным насосом и представляла, что у меня есть прекрасный тренажёр, туалет во дворе – пустыки.

Вечером я обычно сидела на скамейке у дома, работала на ноутбуке, наслаждалась лесной тишиной. В мае здесь всюду заливались соловьи. Вместо привычного городского грохота трамваев и автобусов – соловьи! У ног лежала Рыжая – бывшая беспризорная собака. Красивая и умная, только очень худая, одичавшая, брошенная кем-то собака раньше рылась по помойкам. Я шла на работу в монастырь и брала с собой пакет еды для Рыжей.

Она стала ждать меня и встречать, а потом как-то незаметно поселилась у меня, и мы очень хорошо поладили. Рыжая поправилась, похорошела, заблестела на солнце золотая шерсть, и она больше ничем не напоминает бродячую собаку. Сейчас ждёт щенков. Наверное, они будут такие же солнечные, как их мать... Часто забегает в гости большой толстый ёж, доедает кашу Рыжей, смешно фыркает носом. Романтика! Природа! Что значат по сравнению с этим бытовые неудобства?!

Но с мамой все эти бытовые мелочи вдруг выросли невероятно. Ежедневная стирка стала очень тяжёлым делом, потому что накачать нужное количество воды – процесс долгий и физически тяжёлый. Печь нужно топить не только вечером, но и утром, перед работой, чтобы маме было тепло целый день. У меня заболела поясница, потому что мама грузная и мне тяжело её поднимать, поворачивать, сажать...

Нужны деньги. Много денег: памперсы, лекарства, шприцы, полноценное диетическое питание. И много времени... Нужно вставать к маме ночью, потом с утра бежать на работу, прибегать к ней на обед, и часто я сама не успеваю поесть, как накормив маму, нужно бежать снова на работу.

Мама не в себе, она зовёт меня разными чужими именами, то Ниной, то Светой, а я понятия не имею, кто это такие. Иногда она жалобно кричит мне: «Мама, мама!» Часто сердится, раздражается, кричит на меня просто так, без всякого повода. Отталкивает мои руки, когда пытаюсь укрыть её, одеть, накормить.

Я унываю и, пытаюсь победить уныние, думаю: мы часто печалимся от того, что наши скорби кажутся нам какими-то неправильными... Вот неправильные у нас скорби – и всё тут! Мы хорошо знаем, что жизнь без скорбей не проживёшь... Но когда скорбь приходит – мы думаем: если бы это было какое-то другое испытание, было бы гораздо лучше, а вот то, что происходит с нами – это уже совсем ни в какие ворота не лезет! Ну, пусть бы мама болела, но вот, если бы у неё был светлый разум... Но разум мамы помрачён – и это именно то испытание, которое нам

с ней нужно нести.

Утешаю себя мыслями: когда я была младенцем, маме тоже было не до сна. Сколько раз за ночь я будила её?! Сколько раз ей приходилось менять пелёнки, стирать их, кормить меня, мыть. А я капризничала, не давала ей покоя. Может, причиняла ей боль, как бывает, когда кроха тянет мать за волосы или бьёт кулачком в лицо, не понимая, что делает...

Совершенно беспомощный младенец, я полностью зависела от матери, и её нежные тёплые руки пеленали меня, обнимали ласково, защищали от всех опасностей. А сейчас эти натруженные руки бессильно повисли, и мама беспомощна, как ребёнок. Теперь уже она полностью зависит от меня, а есть ли у меня столько любви, чтобы так же нежно заботиться о ней? Может ли моя дочерняя любовь сравниться с материнской любовью?

Мы очень любим наших детей. Но они вырастают и уходят, обзаводятся своими семьями, улетают из нашего гнезда. И вот в это время Господь не оставляет нас без попечения: наши мамы стареют и приходит время отдавать долги. Наши стареющие немощные родители и мы – кто из нас нужнее друг другу?

Иногда с самого утра всё не ладится, и рассуждения не помогают. Ночью вставала несколько раз к маме, а утром не услышала будильник, и теперь я опаздываю на работу. Качаю воду ручным насосом, иногда вода выплёскивается сверху. Вдруг насос выдаёт целый фонтан ледяной воды и окатывает меня с ног до головы. Стою вся мокрая и прихожу в себя.

Переодеваюсь. Быстро готовлю завтрак, ставлю маме укол, накрываю прикроватный столик. Отворачиваюсь на минуту, мама взмахивает рукой – и тарелка манной каши на коврик. Убираю кашу, быстро делаю омлет, но мама отказывается от омлета, она требует назад свою манную кашу. Она ругается, кричит на меня, и я внезапно сажусь на пол и начинаю громко плакать.

Я плачу жалобно и беспомощно, как в детстве. Мне кажется, что рядом со мной совсем не моя мама, а чужая и злая женщина, которая специально мучает меня. А моей мамы больше нет, и она никогда не вернётся.

Я уже рыдаю: все испытания последних дней, переживания и бессонные ночи слились в одно. И вдруг чувствую мамину ладонь на голове. И мягкая тёплая ладонь гладит меня, как в детстве. Это всесильная материнская любовь пробилась сквозь пелену болезни, и моя мама утешает меня, и я слышу тихие ласковые слова:

- Что ты, доченька? Не плачь! Олечка моя...

Моя мама вернулась. Она первый раз назвала меня по имени. Я снова давлюсь от рыдания, но только уже от умиления, радости, удивления: материнская любовь сильнее безутешных медицинских прогнозов, сильнее помрачения болезни.

Я потихоньку успокаиваюсь. А мама снова уходит в себя, и в глазах её – снова пелена беспомыслия. Но я уже хорошо знаю, что моя мама и её материнская любовь – здесь, рядом со мной.

Странник Божий

На святом источнике монастыря безлюдно. Конец ноября, тихо падает снег, деревья в инее. Часовенка стоит белоснежная. И от морозного воздуха вода купели кажется ещё холоднее. Топчусь нерешительно у купальни и собираюсь с духом.

- Смелее, сестричка! Это ж только на пользу - для здоровья...

Оборачиваюсь и вижу: рядом с часовенкой сидит путник. Одежда простая, но тёплая, для дороги - в самый раз, за плечами рюкзак, видно: паломник опытный. Очень добрые и умные глаза - они привлекли моё внимание. Завязалась беседа.

Так я познакомилась со странником Володей. Несколько дней мы вместе ходили на святой источник, расположенный километрах в трёх от обители. А потом Володя ушёл. Многие странники по обету не остаются в одном месте больше двух-трёх ночей. А я узнала его историю, которую он разрешил мне рассказать.

Володе пятьдесят лет, а выглядит он лет на десять моложе. Вообще, заметила я, многие верующие люди, внимательные к своей духовной жизни, выглядят моложе своих лет. Может, из-за постов и благочестия? А может, потому что к старости все наши страсти на лице проступают: и гнев, и похоть, и гордыня? А они со страстями всю жизнь борются? И чистота души внешне проявляется, светится в добрых глазах, во всём облике...

Отчего люди становятся странниками? Все по-разному... Сначала Володя был и не странником вовсе, а маленьким бродяжкой. Ему было восемь лет, когда умерла мама. В дом вошла мачеха.

- Почему ты убежал из дома? Мачеха плохая была?

- Почему плохая... Хорошая...

- Ладно. Осуждать ты не хочешь, понятно... Поставим вопрос иначе: она тебя любила?

- Она любила водочку...

В первый раз Володя убежал из дома, когда ему было двенадцать лет. А потом, ушёл из дома совсем. объездил всю страну на электричках. К спиртному его не тянуло никогда, Господь уберёт. Нравилось путешествовать, места новые видеть. Кто знает, может, и пропал бы, превратившись в бомжа. Но Господь промыслил о сироте. В Бога Володя верил с детства, мама была верующей. Но после её смерти в храме он не бывал. И вот как-то в электричке один убогий калека, сидя на скамейке и болтая обрубками ног, сказал юноше:

- Вижу я, что ты пока парнишка чистый. Что ты в миру-то трёшься? Чему ты здесь научишься? А ты вот поезжай в Почаев! Что это такое? А это, братец, монастырь такой... Сама Божия Мать там прошла... И стопочка её есть... Там так хорошо! Эх! Как начнут молиться, как будто и не на земле стоишь, а уже на небесах!

А Володя к тому времени ноги уже сильно обморозил во время своих путешествий на электричках. И очень захотелось ему в этот самый Почаев. Может, маму вспомнил, может, службы церковные, когда ребёнком был. Зима, сугробы, ветер завывает. А в храме тепло с мороза, лампадки так уютно горят, пахнет чудесно. Всё это ожило в памяти парнишки. И решил Володя: «Еду в Почаев!»

И ведь доехал! Это был конец семидесятых годов, и атеистической пропаганде не было видно конца. В монастыре не разрешали оставлять молодых насельников, регулярно устраивали облаву. Преследовали и паломников. Пойманных судили за тунеядство. А то и в психиатрическую больницу отправляли. Оттуда выпускали, превратив в инвалидов. Увидят, что не жилец уже, тогда и выпустят. В этой больнице мучили в шестидесятые годы и прославленного ныне в лике святых Амфилохия Почаевского. Вывело его живым оттуда только заступничество дочери Сталина, Светланы Аллилуевой, которую старец когда-то вылечил.

Будущая духовная мать Володи, схимонахиня, тоже этой лечебницы не избежала. Выпустили умирать. Ходить она уже не могла. Ноги отекли и стали как тумбы от сильнодействующих лекарств, которыми пытались «вылечить» её от веры в Бога. Священник соборовал умирающую. После соборования на ногах открылись язвы, и из них потоком хлынула дурно пахнущая жидкость. А потом ноги приняли обычный вид, и она отправилась в храм, благодарить Бога за исцеление.

Когда Володя добрался до Почаева и вошёл в церковь, у него было сильное искушение. Как будто кто-то шептал ему в ухо, да злобно так: «И зачем только ты сюда приехал?! Плохо здесь, плохо! Уезжай быстрее отсюда!» Смотрит Володя: действительно плохо. Не нравится ему здесь. Один клирос – мужской, поют слишком громко. И чего орут?! А второй женский, что ли? Или смешанный? Пищат чего-то... Ничего не разберёшь, что пищат. А вокруг бабульки с котомками толкаются. То одна его своей котомкой пихнёт, то другая. Нет, ничего хорошего нет здесь, надо скорее уезжать...

Решил Володя уехать, да побыстрее. Только поднял глаза на икону Божией Матери да так и застыл. Пережил он в тот момент настоящее чудо. Видимо, Богородица это чудо сотворила, чтобы бесовские прилоги от неопытного паломника отогнать. Почувствовал Володя теплоту, которая как бы сверху на него спустилась, на голову. И прошла через всё тело. И стало враз всему телу так тепло, так хорошо! И сами собой слёзы полились. Льются потоком, да и только.

А вокруг всё оказалось в каком-то розовом сиянии. И слышит он: один клирос поёт – мощная и сильная молитва. А другой клирос – нежно так, как ангельский хор. А толкают его со всех сторон – так это как будто волны в море покачивают. И стало Володе так хорошо, так хорошо! И понял он, что это его Божия Мать вразумляет. И показывает, как всё вокруг него духовно выглядит. В духовном мире.

Так и остался Володя в Почаеве. В самом монастыре прожил год. Но остаться там постоянно молодому человеку в то время было очень трудно: власти строго следили, чтобы молодых в монастырь не принимали. И Володя присоединился к божьим странникам. Странники эти знали ещё преподобного Кукшу и Амфилохия Почаевского. Они ходили по одному и тому же маршруту: Почаев – Божья Гора – источник святой праведной Анны. На Божьей Горе тоже был святой источник. Вот за ними и ухаживали странники.

Источник святой праведной Анны по преданию был построен на месте явления чудотворной иконы Божией Матери. В те времена было принято на месте обретения икон возводить часовни и устраивать купальни. И вот когда икона пресвятой Богородицы явилась людям, они рассказали об этом местному помещику. Тому жалко было денег на возведение часовни, и он заявил: «Какая там икона?! Я ничего не вижу!» После этих слов помещик на самом деле перестал видеть – ослеп. Прозрел он только после слёзного покаяния и строительства часовни. Сейчас здесь находится скит.

К святым источникам приезжали тысячи людей. Исцелялись, искупавшись, и приходили к вере или укрепляли её. Когда исцеление происходит на глазах у всех, то вера становится крепкой, живой.

Володя рассказывал, как на его глазах в источнике искупалась хромая женщина, которую с трудом привёл на Божью Гору её сын, молодой неверующий мужчина. Как с иронией и насмешкой наблюдал он за молитвой матери перед иконами. И как сменилась эта насмешка слезами раскаяния и радости, когда после купания мать оставила костыли и потихоньку пошла, а потом и побежала по Горе, ликуя от счастья.

Сам Володя, окунувшись в источник, увидел, что обмороженные когда-то ноги стали синими. Сначала испугался. А после купания увидел, как больные ноги принимают совершенно здоровый вид, какой был у них до обморожения. Так исцелился и начинающий странник.

Атеисты не могли, конечно, терпеть укрепления в людях веры в Бога. Собирался комсомольский актив сёл, общественники, коммунисты, с ними обычно были представители власти, милиция. И вот они приезжали и закапывали источники, просто забрасывали их мусором, битым стеклом, песком, лили масло. Ломали или сжигали иконы, каплицы. И уезжали. Источник святой праведной Анны вообще залили бетоном, но вода всё равно пробилась. Когда источник снова засыпали землёй, вода вновь ударила с новой силой, исцеляя и даруя жизнь.

А странники приходили и восстанавливали святые источники. Расчищали место, снова вешали иконы и чистые рушники, убирали песок и стёкла, весь мусор. И всегда находились люди, которые помогали им материально: давали краски и доски для икон, рушники, материал для восстановления. Интересно, что часто эти благодетели были из числа тех самых общественников и представителей властей, которые принимали участие в разрушении святых источников. Днём они делали то, что диктовала безбожная власть, а ночью – то, что шептал им голос совести.

Неделю, самое большее месяц, всё оставалось в порядке, после чего следовал следующий визит безбожников и снова – разрушение. А странники приходили и снова всё восстанавливали. Жили они милостью Божией. Спали где придётся – в лесу, так в лесу, под кустом. Пустят в баньку или в хату – спаси Господи! Ели тоже что придётся. Большинство из них сожгли свои документы, отказавшись быть гражданами безбожного государства.

- А ты, Володя?

- Я? Тоже, конечно, всё попалил.

- А вас ловили?

- А то как же?! И охотники на нас шли с двух сторон строем, а мы, как зайчики, под кустами сидели. И милиция приезжала, облаву на нас устраивала. И общественники преследовали.

- Тебя хоть раз поймали?

- И в милицию забирали неоднократно, и допросы устраивали. Но Господь хранил как-то. Приедет милиция с облавой к хате, где мы ночуем, из машины выйдут. А мы в окно их увидим – и все на колени. Читаем девяностый псалом «Живый в помощи Вышняго». Сердечко бьётся, трепещет. Молитва горячая... Они постоят, покрутятся вокруг хаты, в шеренгу выстроятся. А заходить – не заходят. Как будто решиться не могут. А потом или кто-то позвонит им по рации, или просто как будто они чего-то испугались – сядут все быстро в машину и уедут восвояси. А мы в изнеможении на пол опустимся...

Володя научился писать иконы, резать по дереву. Двадцать лет провёл он в Почаеве, оберегая и восстанавливая святые источники с Божьими странниками.

А потом пришли времена, когда канула в прошлое безбожная власть. И никто больше не разрушал святые источники. И отпала нужда прятаться по лесам от преследователей. Жизнь большинства странников Божьих, которые ходили с юным Володей по лесам и полям, подошла к концу. Переселились они в другие края, туда, где несть печаль, ни болезнь, ни воздыхание. Да и сам Владимир был уже не юношей. Годы перевалили сорокалетний рубеж.

И стал Володя странствовать по святым местам России. Опять на электричках, а когда и пешком. Был у любимой Матронушки в Москве, в Троице-Сергиевой Лавре, в Дивеево... Да где только не был! И на Дальнем Востоке, и в Крыму, и на Урале... А устав от многолюдства городов и сёл, он жил подолгу в лесу. Прошёл пешком всю Чусовую по уральской тайге. На перевале Дятлова чуть не погиб в снегопаде, еле успел спуститься вниз.

- Знаешь, как в тайге хорошо?! Город или село – люди, музыка, шум, крики... Где человеку отдохнуть?! А в тайге – хорошо! Очень я люблю лес! Зверюшек люблю... А они меня не трогают: чувствуют, что я человек мирный, не охотник, не рыбак.

- А кого из зверей видел?

- Мишку несколько раз видел... Иду мимо речки, смотрю: игрушка, что ли, такая большая плюшевая? Страх, главное, никакого нет... А он на меня смотрит – глаза круглые такие, нижняя губа отвисла, от удивления, видать. Я отвернулся в сторону, чтоб его не сердить, да и пошёл тихонько. А он рыкнул – и в другую. Я манси одному рассказал, что подумал про мишу: «мишка плюшевый». А манси смеётся: «Ну-ну... А он про тебя подумал: «завтрак туриста».

- А ещё кого видел?

- Косулю. Она кричит – как собака лает. Лося видел. Кабана. А знаешь, какие птицы любопытные?! Вот представь, две сойки на двух деревьях сидят и на меня по очереди выглядывают. Интересно им. А филин тоже – любопытный такой! Как начал надо мной летать! А потом сел и головой так – в разные стороны, как будто думу думает.

- И как тебе там – в тайге? Одному?

- Знаешь, так хорошо! Чувствуешь потом такой мир в душе, такой покой. И любовь. К людям, к зверюшкам, птичкам – ко всему миру Божьему. Чего, думаешь, злиться, сердиться... Смотрите, как хорошо! Как чудесно всё Господь сотворил! Красота!

- А не страшно одному-то?

- Так я ж с молитвой иду! Всех святых вспомню: Матронушку, батюшку Серафима Саровского, Николая Чудотворца. Батюшка Серафим один в лесу жил, снытью питался, травой такой... И Трифона Вятского вспомню, и Симеона Верхотурского. Тоже ведь странники были... Как о них подумаю, так сердце и взиграет! А начнёшь Иисусову молитву читать, так и тепло станет, согреешься весь...

- А если дождь, снег, мороз?

- Да я вот встретил в тайге туристов. Один из них, при полном параде, мне и говорит: «Что это на тебе одежда такая – прошлого века? И почему ты без палатки? Сейчас новые материалы есть – современные. Наденешь такую одежду – и холода не чувствуешь совсем! А палаточки! Лёгкие, комфортные! А ты – как первобытный человек! Так и замёрзнуть можно! Хочешь – я тебе подарю вот комбинезон из суперсовременного материала?» Поблагодарил я, но отказался. А про себя подумал: «Да уж... Если надеть современную туристическую одежду, да ещё палаточку, да ещё удочку и ружьишко... Так, может, тогда и вовсе никуда не ходить? Остаться в доме, в квартире? Тепло, и сухо, и комфортно... Все удобства...»

Володя улыбается по-доброму, а я вспоминаю оптинского схиигумена Гавриила (Виноградова). Он отказывался, когда чада пытались усовершенствовать быт любимого большого батюшки. Ему дарили заварочный чайник, а он его возвращал назад, приговаривая: «Так к такому»

чайнику нужно же ситечко! А потом и пошло-поехало!» Сколько лишних вещей можно приобрести, когда приобретение чего-то одного тянет за собой покупку массы другого...

Володя продолжает:

- Понимаешь, ты идёшь и сливаешься с природой. И молишься. Чувствуешь природу так, как будто ты - часть её. Не отгораживаясь синтетикой. Понимаешь?

- Володь, я понимаю, только мы вот с тобой с источника идём, и я замёрзла сильно после купания... Ветер ещё такой в лицо... Вот - как раз магазинчик. Давай зайдём - чуть согреемся?

- Зайди, зайди...

Я захожу и вдыхаю тёплый воздух магазина, тру ледяные щёки и нос. Оборачиваюсь и вижу, что Володя не зашёл вслед за мной. Жду пару минут и выхожу на улицу, где сильный ледяной ветер метёт позёмку. Володя спокойно стоит на ветру и ждёт меня.

- Ты чего не зашёл? Замёрз ведь?

- Да, замёрз. Так и хорошо... Когда мёрзнешь, ум просветляется...

- Ты и в тайге так же?

- Понимаешь, это не я такой супермен. Я - так себе, обычный, слабый человек. Вот те Божьи странники, которых я знал, - вот это были настоящие странники. Идёшь с ними - по колено в воде, по болоту, под дождём... Несколько суток напролёт мокрый. По естеству должен человек заболеть. А под защитой Божией - даже не чихнёшь. Есть, бывает, нечего несколько дней. Бывало, ели рябину, шиповник, грибы, даже листья смородины дикой. По естеству ты должен ослабеть от голода. Ведь проходишь много километров. А под защитой Божией голода не чувствуешь. Есть совсем не хочется.

Звери тебя могут в тайге растерзать. А ты идёшь - и чувствуешь Божий покров. И Божью помощь. Звери тебя не боятся, и ты их не боишься... Идёшь по дикой тайге и по естеству должен заблудиться. А с Божией помощью не заблуждаешься. Вот как преданная хозяину собака за много километров находит свой дом, даже если путь не знает. Так и ты - молишься, включается интуиция, как бы компас такой внутренний, и Господь ведёт тебя. А вот если начнёшь не на Бога, а на себя полагаться - на одежду суперсовременную, да ещё на ружьё или удочку, - тогда не знаю...

А ночью у костра откроешь Евангелие и читаешь, и как будто открывается тебе всё новое и новое. Читаешь главу, много раз перечитанную, смотришь - а вот то, что ты раньше не понимал! Смысл открывается...

Володя вздыхает. Он устал - давно так много не разговаривал.

Через несколько дней мы попрощались. Я смотрела ему вслед и думала: разными путями идём мы к Богу. Вот круг: к середине его, к центру, сходятся множество радиусов, идут они все к одной точке, но с разных сторон - сверху, снизу, справа, слева. Центр - Христос, радиусы - люди, идущие к Нему разными путями. Один спасается путем смирения, другой - терпения, третий - рассуждения, четвёртый - милосердия. Кто-то - благочестивой семейной жизнью, кто-то - монашеским подвигом, кто-то - путём Божьего странника. Как различны эти пути!

Мы - в кругу семьи, друзей, коллег, в монашеской семье (ведь это тоже семья), а он - один.

Душа и Бог. Мы покупаем и приобретаем и, даже когда полон дом вещей, находим, что ещё прикупить. А он всё своё носит с собой. Мы опасаемся денежных реформ и кризиса. А у него нет не только денег, но и пристанища, а часто и хлеба. Наши глаза и чрево вечно несыты. А он привык обходиться малым. Вот такие мы разные.

Но разве нам нечему поучиться друг у друга? Казалось бы: что общего между монахом-аскетом и мирскими замужними женщинами? А вот послан же был Макарий Великий поучиться именно к ним. Чему же мы можем поучиться у Божьего странника?

Может быть, умению видеть волю Божию в жизненных обстоятельствах? Уповать ежеминутно на Его Благой о нас Промысел? Терпению? Привычке обходиться малым?

А ведь на самом деле между нами - много общего... Все мы - странники по жизни, и время неумолимо отсчитывает часы нашей короткой земной биографии. Господи, Ты проведи нас Сам по нелёгкой нашей дороге! Нас, заплутавших, запутавшихся, заблудших, обремененных грехами многими и жестокими скорбями. Не оставь нас, милосердный Господи, не дай заблудиться твоим странникам. Помоги рабу Божьему Владимиру не сбиться с пути! А дай Ты, милосердный Господи, нам, блудным сыновьям Твоим, упование - в конце пути увидеть Тебя, Отца и Бога нашего. И устало вздохнуть, и тихо заплакать от счастья в Твоих Отеческих объятиях.

О знаках в нашей жизни

Эти истории рассказала мне постоянная оптинская паломница Марина. Разрешила записать истории, изменив имена всех героев. Марине около пятидесяти лет, невысокая, живая, она ездит в Оптину вместе с мужем Иваном много лет. Последние пять лет приезжают они в монастырь ещё и повидаться с сыном Максимом, который выбрал для себя иноческий путь.

Выбрал он этот путь с детства, когда вместе с глубоко верующими родителями ходил в храм. Став старше - пел на клиросе и даже алтарничал. Как-то мальчику приснился монастырь, и он испытал во сне такое чувство радости, умиротворения, благодати, что проснувшись, никак не мог забыть свой сон и описывал родителям вид этого монастыря и его храмы. Да так подробно, что они только удивлялись. Их удивление возросло ещё больше, когда приехали они первый раз в Оптину Пустынь и подросток сказал: «Мам, пап, вот это место я видел во сне! Я его узнал! И я хочу остаться здесь!»

Отслужив в армии, Максим приехал в монастырь и действительно остался в нём. Сейчас он уже послушник (а в Оптиной годами ходят в трудниках, потому что много желающих остаться и выбирают достойных). Также Максим поёт на клиросе и учится в духовной семинарии.

Познакомившись близко с этой дружной семьёй, я и услышала следующие истории.

Как-то глава семьи, Иван, трудился для одного монастыря. Делали ажурную красивую чугунную лестницу для спуска к чудотворному источнику. Работы было много. Начальник этого строительства оценивал нелёгкий труд достойно, но вот прораб попался нечистоплотный и постоянно недоплачивал работникам. Долг рос, и когда строительство было завершено, Ивану недоплатили довольно крупную сумму.

Прораб платить отказался, придумав какую-то невразумительную причину. Расстроился Иван - проработав несколько месяцев на строительстве, он не имел другого источника дохода, а семью кормить надо. И вот прошло около месяца после расчёта с прорабом, и было ясно, что долг Ивану уже никто не отдаст.

Четвёртого ноября, в праздник Казанской Божией Матери (а это любимая икона семьи), поехали они втроем в тот самый монастырь на службу. Приезжают и идут по дорожке в храм. И вдруг Иван видит: рядом с дорожкой, в траве, что-то блестит. Наклоняется он, поднимает – булавочка золотая. А на булавочке перстенок золотой и пара золотых колечек. Иван даже ахнул.

Показывает он золото жене и сыну, те тоже ахают. Потом Марина задумчиво так и говорит:

- Слушай, а может, это тебе Божия Мать посылает за неуплаченные деньги? Смотри, сколько народу прошло, и никто не заметил! А тебе – прямо в руки! Чудо-то какое! И ведь смотри – новое всё! Может, мы должны это себе оставить? Или отдать? Что скажете, мужчины?

Муж и сын задумались. А потом Максим и говорит:

- Мам, ты ж меня всегда учила, что чужое брать нельзя! Помнишь, мне лет пять было, и я нашёл десять рублей? И мы с тобой их в храме в ящичек опустили на пожертвование. Помнишь?

Иван подумал и тоже говорит:

- Не, чужое это золото! Давайте его в храм отнесём!

Посмотрела Марина на своих мужчин:

- Ну и хорошо! У меня даже от сердца отлегло! Не наше это золото – мы его брать и не будем! Вот если бы нам кто-то подарил – тогда другое дело! А так – нет! Отнесём в храм.

Отнесли они золото в храм. Попросили, если не найдётся хозяина, истратить на монастырь. Может, ризу нужно к иконе Казанской Божией Матери заказать... Или украсить...

Марина признаётся, что пока было у неё это золото в руках, чувствовала себя тревожно – как будто какое-то испытание она проходит. А как отдали – на душе стало так радостно, так легко!

Стоят они на службе, на сердце празднично. И вдруг к Ивану подходит высокий мужчина и шепчет что-то. Оборачивается Иван – а это начальник строительства. А сзади за его спиной прораб маячит. Начальник Ивана благодарит шёпотом за отличную работу и спрашивает:

- Вы деньги все получили?

- Нет, не все.

И Иван называет сумму долга. Начальник кивает головой и поворачивается к прорабу. Иван лица начальника не видит, но замечает, что прораб испуганно пятится, разворачивается и убегает. Удивляется Иван такому обороту, но молчит. Через пять минут прораб прибегает, в присутствии начальника Ивану долг отдаёт, несколько раз кланяется и, пятясь, исчезает за колонной.

Вот такой праздник у семьи получился...

Была ещё одна история с долгами. Работал Иван в строительной фирме, занимался монтажом. Монтаж закончили, рабочие ждут расчёта, а директор объявляет, что денег не будет. Фирма-де разорилась и ликвидируется. Стали рабочие возмущаться: работали несколько месяцев, все семейные, нужно семьи кормить. А получается, что бесплатно работали. Зашумели. Вышел к

ним начальник и говорит:

- Вам что - непонятно сказано?! Фирма ликвидируется! Кому я должен - всем прощаю! Претензии можете отправлять к Господу Богу! Всё поняли?!

Развернулся и скрылся за бронированной дверью.

Иван только и подумал: «Зря он так про претензии... Когда лишают человека заработанного - это ведь такой грех, который на самом деле по Библии вопиет к Богу о наказании... Лучше было бы ему так не шутить с обманутыми людьми...»

Пришёл домой, рассказывает жене, что рабочие собрались в суд подавать. Адвоката нашли. Что делать? Может, тоже заявление писать? Сели - написали. Правильно или нет - не знают. А Марина как раз хотела в храм на службу идти. Ну, решила вместо службы сбежать к тому самому адвокату, узнать, правильно ли заявление составили. Если правильно, то уж и отдать сразу.

Отправилась к адвокату. Надела новый плащ. А она только на днях купила плащ - красивый, польский. В то время трудно было такой купить. Хоть Марина никогда и не была к вещам привязана, но тут даже она любовалась, глядя на себя в зеркало: красивая обновка и пошита качественно.

Входит в здание суда, а там две двери: входная, чугунная, и дальше, через вестибюль, - ещё одна. И вот вроде не за что было Марине и зацепиться, а зацепилась она спинкой нового плаща об какую-то чугунную загогулину и порвала свою обновку. Да так сильно, что и непонятно, как это всё зашить можно. В общем, вещь испорчена. (Так она потом этот плащ уже и не носила.)

Заплакала Марина, развернулась и отправилась туда, куда с самого начала собиралась - в храм. Успела на конец службы, подошла после службы к священнику, всё рассказала. А он ей и говорит:

- А это ведь знак вам! Может, и не стоит вам это заявление подавать...

И рассказал ей про оптинского старца Льва:

«К старцу пришел горшечник, один из его духовных детей. Украли у него колеса от повозки, на которой он отвозил на базар приготовляемые им горшки. Он и сказал старцу, что знает вора и может отыскать колеса.

«Оставь, Семёнушка, не гонись за своими колесами», - ответил старец. И объяснил горшечнику, что тогда он малою скорбью избавится от больших.

Горшечник послушал старца, и, по его свидетельству, затем ему грозили большие несчастья, но Господь всегда уже избавлял его от них».

Так и не стали Марина с мужем подавать заявление. Прошёл год. И вот встречает Иван рабочего, который вместе с ним работал в той фирме. Спрашивает у него, чем закончилось дело, выплатили ли им долг.

Оказывается, директор после ликвидации фирмы открыл новую, назвал её по-другому и стал преспокойно работать дальше, наняв новых работников. Проработал несколько месяцев, выполнил заказ и стал поговаривать о разорении и ликвидации уже новой фирмы. Новые работники стали свои деньги требовать, а он по старой привычке:

- Кому я должен - всем прощаю! Претензии - к Богу!

Только в этот же день поехал он на своей машине куда-то по делам. С ним ехал его старый бухгалтер, который и помогал ему творить все эти махинации. Также в машине сидели трое новых рабочих. Произошла авария. И вот что удивительно: у рабочих - ни царапины. А директор с бухгалтером - насмерть. Вот такая история печальная...

Марина, видя, что погрузилась я от последней истории, пытается меня развеселить и рассказывает ещё одну. Произошла она с её приятельницей Светланой.

Светлана купила себе красивую норковую шапку в форме женской ушанки. Когда было холодно, она ушки закрепляла, подшила незаметно резинку, так и носила. А в это время в их небольшом городке какой-то воришка стал шапки с женщин срывать. Подкараулит одинокую женщину, сорвёт с головы шапку и убежит - попробуй догони его.

И вот идёт Светлана вечером с работы, припозднилась, темно уже. Вокруг - никого. Слышит - идёт кто-то за ней. Она шаг ускорила, и преследователь ускорил. Не выдержала Светлана - побежала, и мужчина за ней бежит. Вот уже и остановка рядом троллейбусная, только преследователь-то её почти догнал. Светлана чуть обернулась и видит, что он руку к её шапке протягивает.

А когда назад посмотрела на бегу - равновесие потеряла, поскользнулась и упала. Да так упала, что сбила с ног похитителя шапок. А когда руками всплеснула, падая, почувствовала, как кулак её пришёлся ему прямо в нос. Сама-то упала небожно, а вот преследователя сшибла с ног основательно. Чувствует - шапку свою уронила. Она руками пошарила возле себя, схватила шапку, поднялась и бросилась к подъехавшему троллейбусу.

Вскочила в троллейбус, он и поехал. Смотрит Светлана в окно: сидит мужчина на снегу и уходящий транспорт растерянным взглядом провожает. Опустила взгляд на шапку, что в руках держит - а это и не её шапка вовсе. А преследователя. А где же её собственная шапка-то? Она, оказывается, с головы слетела, но не упала: на резинке держится и висит сзади.

После этого случая как-то перестали шапки срывать с женщин. Пропал куда-то шапочный вор. Может, к сведению принял потерю своей собственной шапки? Как знак?

Я слушаю эти истории и думаю: как всё взаимосвязано в нашей жизни... Просто иногда легко проследить причинно-следственные связи, а иногда - трудно... Но они - точно есть...

Скорые помощники

В маленьком домике на окраине Козельска - тишина. Из окна видна Оптина. Нас разделяет лишь река Жиздра. Я печатаю рассказ и поглядываю на золотые купола оптинских храмов. Тихо, медленно падает снег. Мимо дома за день проходит один-два путника, а иногда и ни одного. Но я не чувствую себя одинокой.

В углу комнаты - молитвенный уголок. Большие иконы Спасителя и Пресвятой Богородицы. Поменьше - святых, заступников наших и ходатаев пред Господом Богом. Они смотрят с икон, и я чувствую их незримое присутствие. Они реальны. И даже более живы, чем многие из нас, проводящие жизнь в суете, в погоне за излишним, зачастую не очень нужным, а иногда и совсем ненужным. Правда, часто мы понимаем это слишком поздно. Мы иногда как будто спим и в этом сне проводим большую часть своей жизни.

Наш мир - мир символов и знаков. Тяжкая судьба ждёт тех, кто, словно неграмотный, смотрит

и не видит и, как глухой, слушает и не слышит. Исследователь патристики архимандрит Киприан (Керн) замечал: «Видимый мир святыми отцами ощущался как отсвет и отзвук иного невидимого мира. Мир явлений, внешняя природа, человек были для них только прозрачной оболочкой иного мира, отражением иных непреходящих реальностей».

Молитва к святым – возможность увидеть и услышать эти отсветы и отзвуки невидимого мира...

Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Когда мы молимся святым – вступаем в общение с ними. И это всегда диалог. Правда, мы не всегда понимаем ответы. Потому что они приходят не в виде слов. Они звучат в меняющихся обстоятельствах: приходит помощь, исцеление от болезни, освобождение от страсти, утешение в скорби.

Бывает, ответы задерживаются, но почему они задерживались, мы понимаем не сразу. Иногда спустя много лет. Они порой, на наш взгляд, бывают странными: мы чувствуем, что это ответ на нашу молитву, но он совсем не такой, каким мы его ожидали. И только потом мы понимаем, что именно этот вариант развития событий был для нас самым лучшим.

Много лет назад я молилась о том, чтобы избежать сокращения на своей любимой работе. Мне казалось, что потеря этой работы будет для меня полным крахом. И я недоумевала, почему же нет ответа на мою горячую молитву.

А сейчас, когда по милости Божией, я живу рядом с Оптиной Пустынью и даже несу послушание в монастыре, тружусь для православного издательства, для чудесной православной газеты, то с ужасом думаю, что ведь этого могло бы и не произойти, если бы моё горячее желание остаться на работе было исполнено.

Это очень похоже на то, как уставший и больной ребёнок сам уже не знает, чего он хочет. И плачет, и рыдает взахлёб, и тянется к розетке, горячей кастрюле на плите, к открытому окну. А мать бережно укачивает его и кормит и согревает в объятиях. И то, что она делает для него, и есть самое лучшее. Потому-то и прибавляем мы после молитвы: «Да будет воля Твоя, а не моя, Господи!»

Наша духовная жизнь подобна восхождению в горы. Чем выше мы поднимаемся, тем яснее видим всё, что нас окружает. Осмысливаем прошлое, постигаем смысл и направление настоящего, различаем в туманной дымке вершину будущего.

Святые прошли этот путь. Они смотрят на нашу жизнь оттуда, с вершины, и знают о нас больше, чем знаем о себе мы сами. Видят наш путь к Богу, часто витиеватый и сложный.

Оптинский инок С. до монастыря был частым паломником в Троице-Сергиеву лавру. У него был дядя-атеист, который наотрез отказывался верить в Бога. С. очень любил своего дядю и каждый раз, будучи в лавре, подавал записку за него на молебен преподобному Сергию Радонежскому. Через три года получил письмо, в котором дядя писал, что стал верующим

человеком и пишет это письмо после исповеди и причастия. С. светло улыбается:

- Батюшка Сергей Радонежский вымолил моего дядю!

Юный студент Н. разговаривал с однокурсниками о Боге. Кто-то считал себя верующим, кто-то сомневался. А Н., сам не знает почему, вдруг сказал:

- Скоро мы окончим институт, в армию призовут. Я вот поверю в Бога, если буду служить в Киеве и в Германии!

- Одновременно, что ли? Ну, такое невозможно!

- А я вот тогда и поверю, если случится невозможное!

Почему вдруг он тогда заговорил про Киев, да ещё и Германию прибавил, сам до сих пор удивляется. Однако когда Н. призвали в армию, то отправили сначала в учебку в Киев, а после учебки в Германию. Сейчас Н. - оптинский монах.

Игумен А. вспоминает о судьбе своего земляка. Василий был уже пожилым человеком, работал на водокачке. Как-то поделился своей историей. Он воевал, был в плену. Пережил голод и издевательства, очень ослаб и уже готовился к смерти. Был он в то время неверующим человеком. Когда в холодный октябрьский день пленных везли в ледяной теплушке, он, полураздетый, замёрзший, исхудавший, уже приготовился к смерти. Ноги так застыли, что не двигались. И когда теплушка остановилась и пленных стали выкидывать из неё, Вася взмолился Богу.

Он молился, вжавшись в доски теплушки, и ждал выстрела. К его изумлению, конвоир, проверявший теплушку, посмотрел прямо на него, но не заметил. Василий стал как бы невидимым для него. Колонна пленных ушла, а он вышел наружу и сумел перейти линию фронта. Этот день он запомнил на всю жизнь и, вернувшись домой, рассказал жене чудесную историю своего спасения.

- Я теперь 14 октября буду праздновать свой второй день рождения, - сказал он жене. На что та ответила:

- В церкви будешь праздновать, Вася! Я ведь всё утро в храме молилась Пресвятой Богородице, чтобы покрыла Она тебя Своим невидимым Покровом! Ведь это праздник Покрова Пресвятой Богородицы!

Нужно ли добавлять, что Василий стал верующим человеком?

Быстро слышат наши молитвы святые - скорые помощники. Один оптинский иеродьякон отец Н. очень почитает святителя Николая Чудотворца и взял себе за правило каждый день читать ему акафист. Как-то, узнав о возвращении знакомых из Бари, где хранятся мощи святителя, отец Н. печально вздохнул:

- Батюшка Николай Чудотворец, вот я тебе акафист каждый день читаю, а в Бари никогда не был и никакой возможности там побывать у меня нету...

Не прошло и нескольких дней, как отцу Н. позвонил один оптинский благотворитель:

- Отец Н., а не хотите ли вы поехать в Бари?

И так получилось, что за полгода отец иеродьякон побывал в вожденном Бари три раза, что было для него полной неожиданностью. Подарок от святителя Николая Чудотворца...

Помогал ему святой и в других обстоятельствах. Как-то посчастливилось отцу иеродьякону побывать на Афоне. Приехал он на пристань, откуда отправляются на остров, но опоздал на пароход. Скоро Всенощная начнётся, а последний катер ушёл. Вечереет, море штормит... Спустился он на пирс, а сам молитву святителю Николаю читает. Обратился к рыбакам на лодках. Но они все дружно отказались его везти:

- Штормит, отец! Никто тут тебе уже не поможет! Чего ты там бормочешь-то? Не, тут тебе и Николай Чудотворец не помощник! Пойдём-ка с пирса, хватит уже мёрзнуть...

Вдруг раздаётся шум катера, и под удивлённые возгласы рыбаков к пирсу пристаёт вернувшееся судно. Они, оказывается, забыли захватить пару мешков с почты. За ними и вернулись.

- А не возьмёте ли и меня с собой? Я заплачу!

- Возьмём, отец! И без денег возьмём! Ты нам поможешь мешок один до монастыря донести, а мы тебя провезём бесплатно!

Добрались они до Афона. Доносит отец иеродьякон небольшой почтовый мешок в Свято-Пантелеймонов монастырь и, не помня себя от радости, идёт на Всенощную.

*Проповедует мир весь тебе, преблаженне Николае,
скораго в бедах заступника:
яко многажды во едином часе,
по земли путешествующим и по морю плавающим,
предваряя, пособствуещи, купно всех от злых сохраняя,
вопиющих к Богу: Аллилуиа.*

Иногда святые не торопятся помогать нам в наших просьбах. На это есть духовные причины. Но они всегда молятся за нас.

Одна оптинская трудница Л. рассказывала мне о том, как её сын потерял работу. Мать очень переживала за сыночка. Она была вдова, трудилась в Оптиной на послушании и помочь деньгами не могла. Л. стала молиться своему любимому святому, Николаю Чудотворцу, с просьбой помочь сыну. Шли дни, каждый день она читала акафист, но помощи не было. Сын никак не мог найти работу.

Когда мать пришла за советом к оптинскому игумену А., он благословил её просить заступничества пресвятой Богородицы. Л. стала молиться Божией Матери. И сын её нашёл работу, да ещё и очень хорошую. Мать радовалась и благодарила пресвятую Богородицу со слезами на глазах.

Но Л. не могла понять, почему её любимый святой Николай Чудотворец не помог в этой ситуации. Когда она молилась в недоумении у иконы святого, как бы спрашивая у него причину, то внезапно вспомнила, причём очень ярко, как отказался её сын поставить в автомобиле подаренную ею иконочку Николая Угодника, сказав, что не верит в помощь святых и вполне обойдётся без иконочки.

Мать снова отправилась к игумену А. с вопросом: «Неужели святой обиделся?» Отец А. улыбнулся и объяснил ей, что святые не обижаются. Но Николай Чудотворец – святой строгий

и справедливый. Он, конечно, слышал материнские молитвы, но, возможно, просил у Господа для её сына не быстрого обретения работы, а смирения. Однако Николай Угодник не только строгий, но и очень милосердный, так что мать может быть уверена: пропасть бы её сыну не позволил.

Когда Л. поехала навестить сына, то на самом деле заметила в нём перемены. Ситуация с трудным поиском работы сбила с него юношескую спесь самоуверенности. Он стал как-то мягче, смиреннее. И когда сын встретил мать на вокзале и повёз домой, то в его машине на почётном месте она увидела подаренную ею когда-то иконочку святителя Николая Чудотворца.

Один оптинский инок М. рассказывал, что когда он жил в миру, случились у него большие финансовые проблемы. Деньги нужны были позарез для спасения его фирмы, и М. усердно молился своему любимому святому, Иоанну Предтече. Но ситуация не менялась, с деньгами было всё хуже, и как-то вечером, после акафиста святому Иоанну, М. с горечью сказал, глядя на икону:

- Вот, молюсь я тебе, батюшка Иоанн, молюсь, а ты меня совсем и не слышишь!

Этой же ночью в тонком сне М. увидел святого Иоанна Предтечу, который сказал ему строго:

- Ну что же ты просишь меня помочь тебе с деньгами?! Я ведь и при жизни их в руках не держал! Ты бы попросил отцов Николая Чудотворца или Спиридона Тримифунтского... Они - да, помогали и с деньгами...

А потом, помолчав, добавил ласково:

- А я - думаешь, я тебя не слышу?! Я за тебя молюсь. Только прошу для тебя другого... Лучшего...

Когда М. проснулся, то ласковый голос святого Иоанна Крестителя звучал у него в ушах до вечера. И когда он вспоминал о его словах «Я за тебя молюсь», то по щекам текли слёзы. Такие светлые и радостные. Потом М. вспомнил, что святой этот считается покровителем монашествующих. А затем жизненные обстоятельства сложились таким образом, что оказался М. в монастыре, о чём не только не жалеет, а с радостью говорит:

- Хорошо-то как, Господи! Какие там деньги?! Я о них и думать забыл! Какая милость Божия ко мне - жить в Оптиной Пустыни!

Стоит добавить, что М. живёт в оптинском скиту в честь святого Иоанна Предтечи.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский делился собственным опытом:

«...святые видят весьма ясно и далеко и широко, видят наши духовные нужды; видят и слышат всех призывающих их от всего сердца...

За земными помощниками надобно большею частью посылать и ожидать иногда долгое время, когда они придут, а за этими духовными помощниками не нужно посылать и долго выжидать: вера молящегося в мгновение может поставить их у самого сердца твоего, равно как и принять по вере полную помощь, разумею, духовную. То, что говорю, говорю с опыта.

Я разумею частое избавление от скорбей сердечных предстательством и заступлением святых, особенно предстательством Владычицы нашей Богородицы. Может быть, скажут на это некоторые, что тут действует простая вера или твердая, решительная уверенность в своём

избавлении от скорби, а не заступление святых перед Богом. Нет. Из чего это видно? Из того, что если я не призову в сердечной молитве известных мне святых, если не увижу их очами сердца, то и помощи никакой не получу, сколько бы ни питал уверенности спастись без их помощи...

Это дело бывает так, как и в обыкновенном порядке вещей земных. Я сначала увижу своих помощников сердечною верою. Потом, видя, прошу их тоже сердцем, невидимо, но внятно самому себе; затем, получив невидимую помощь совершенно неприметным образом, но ощутительно для души, я вместе с тем получаю сильное убеждение, что эта помощь именно от них, как больной, исцеленный врачом, бывает убеждён, что он получил исцеление именно от врача, а не от другого и не сам собою, а именно от врача».

*Апостоли, мученицы и пророцы, святителие, преподобнии и праведнии,
добре подвиг совершивши и веру соблюдоши, дерзновение имуще ко Спасу,
о нас Того, яко Блага, молите спастися, молимся, душам нашим.*

Живый в помощи Вышняго

Был обычный осенний день, когда к окнам старенькой избушки на улице Н. подошёл высокий полный мужчина лет пятидесяти с маленькими бегающими глазками. Он оглянулся вокруг и тихонько заглянул в окно. Хозяйка избушки и не подозревала о постороннем.

Анна Максимовна, или, по-простому, баба Нюра, сидела на стареньком любимом диване и вязала носки. Баба Нюра была невысокая, худенькая, седая и казалась хрупкой. Этакая старушка-одуванчик. Но видимость эта была обманчивой: мало было дел, которые не умели бы делать её до сих пор ловкие, натруженные руки. И голова ещё, слава Богу, работала хорошо, умная она была, эта Нюра. Вот только память в последнее время подводила...

В окна стучали мокрые ветки и бил затяжной октябрьский дождь. А в доме было уютно: потрескивали дрова в печке, горела лампадка перед образами, серая кошка Муся дремала рядом с хозяйкой и потягивалась во сне.

Нюра подняла голову, посмотрела вокруг: хорошо дома! Дом старинный, ему лет сто пятьдесят будет. Когда-то здесь было шумно и весело. Нюра прикрыла глаза, и воспоминания понеслись чередой. В последнее время она всё чаще вспоминала детство, юность. Забывала недавние события, иногда долго вспоминала, какой день сегодня или что случилось вчера.

А вот далёкие воспоминания приходили как будто въяве, вплоть до голосов братишек, запаха маминого пирога, журчанья весеннего ручья, где пускали они детьми кораблики, вплоть до мелодии школьного вальса... Нюра вздохнула: когда прошлое помнишь лучше, чем вчерашний день, – это называется одним словом: старость... Как быстро она пришла...

Нюра была юной девушкой, когда погибли родители под колесами грузовика пьяного совхозного шофёра. Нюра не отдала в детдом младшеньких: Колю, Мишу, Клаву – вырастила, на ноги поставила. Коля с Мишей до сих пор мамой кличут, как и взрослые уже дети Клавы. К ним и поехала Клавдия в гости, навестить. А она, Нюра, осталась совсем одна в этом стареньком доме, таком же стареньком, как сама хозяйка.

– А вот и не одна, – сказала тихо Нюра серой кошке Мусе. Отложила вязание, подошла к иконам, взяла Псалтирь:

– Живый в помощи Вышняго, в крове Бога небеснаго водворится, речет Господеви: Заступник

мой еси и Прибежище, Бог мой, на Него аз уповаю...

Сильный стук в окно прервал молитву. Нюра вздрогнула, подошла: в залитом дождевыми каплями стекле маячило мужское лицо. До хозяйки донеслось:

- Откройте, пожалуйста, мне очень нужна помощь!

Нюра открыла дверь, и неожиданный гость с порога зачистил:

- Такое дело, значит, я тут вчера ехал, подвозил одного человека. Колесо спустило, и пока я возился, обронил как-то случайно кассету. А она очень ценная! Я снимал свадьбу своего начальника в Германии. И потерял... Начальник сказал: не найду - уволит! Вот приехал объявление дать, чтобы, значит, кто найдёт, вернул. За вознаграждение, конечно! Я за эту кассету... да тыщ десять не пожалею!

- А какую помощь вы от меня ждёте? - строго спросила Нюра.

- Да я ведь не местный, разрешите мне ваш адрес в объявлении указать. Кто найдёт, пусть вам занесут, а я приеду - заберу. Вот телефон вам оставлю свой. Помогите, пожалуйста!

Нюра вздохнула:

- Ну что ж, ладно...

Записав адрес и имя хозяйки, мужчина распрощался. Нюра из окна посмотрела вслед автомобилю и пошла тихонько на кухню. Для себя одной готовить совершенно не хотелось, но всё же нужно было сварить хоть какую-то похлёбку. Да и Мусю пора рыбкой покормить.

Грибная похлёбка была почти готова, и по избе разливался аромат грибов, когда в дверь постучали. На пороге стоял молодой симпатичный парень. Он вежливо улыбался:

- Здравствуйте, я по объявлению. Вот как прочитал ваше объявление, так и пришёл. Вашу кассету я вчера подобрал, принёс в целости и сохранности. Вот, пожалуйста! А мне как раз очень деньги нужны! Семья, знаете ли. Жена, детишки. Вот третьего ждём. - И он улыбнулся открытой доброй улыбкой.

- Третьего... - повторила Нюра и тоже улыбнулась парню. Он ей сразу понравился. Потом подумала: «Да та ли кассета?» Набрала оставленный ей номер полного мужчины. Тот ответил сразу. Да, кассета была определённо той самой. И на ней было написано: «Германия. Свадьба».

Одна незадача: полный мужчина мог приехать за кассетой только вечером, а обаятельный парнишка не мог ждать: уезжал из города со всей семьёй в деревню к теще. То на бензин денег не мог найти, а тут такое чудо: на вознаграждение за кассету он теперь и продуктами в дорогу запасётся, и теще с тестем подарки купит. А теща ждёт: день рождения у неё, юбилей.

- Юбилей... Продукты в дорогу, - тихо повторила Нюра.

- Вы нас выручите, правда?! - Голос полного мужчины в трубке был умоляющим. - Дайте этому пареньку денег, а вечером я вам привезу все десять тысяч... Мы, православные, должны помогать друг другу, правда?

- Правда... - ответила Нюра.

Накинула плащ, взяла зонтик, и они пошли в сберкассу. На книжке у Нюры деньги были: на

смерть откладывала... Скоро восемьдесят пять стукнет, пора уж и о смерти позаботиться. Ребятишки, конечно, и сами похоронили бы, но ведь у всех семьи, а похороны нынче недёшевы... Пока шли, парнишка рассказывал о семье, о детях, о том, как ждут они с женой третьего. И Нюра растроганно слушала его бесхитростный добрый рассказ, любовалась искренней, обаятельной улыбкой.

В сберкассе была длинная очередь, и парнишка остался ждать на улице. Нюра стояла в очереди и думала: «Слава Богу, что деньги у меня есть, смогу людям помочь».

Стоять было тяжело, ноги быстро устали, и она стала молиться про себя, как привыкла. Она знала многое из Псалтири наизусть: «Не приидет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему, яко Ангелам Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих...»

Нюра сняла деньги и вышла на улицу. Она уже хотела протянуть ждущему её парнишке пачку новеньких купюр, но вдруг как будто кто-то подтолкнул её под руку, и она неожиданно для себя самой сказала:

- Деньги-то я сняла. Только на улице не отдам. Сейчас ко мне домой вернёмся, там у меня младшие братья должны приехать в гости. Кассету глянут. Я ж в них сама-то не разбираюсь.

Тут же ей стало стыдно за себя: она как бы недоверие проявила к человеку хорошему. И, стараясь загладить вину, добавила:

- Дом рядышком, сейчас быстренько обернёмся... Я тебя похлёбкой угощу... Грибная... Сама собирала грибочки - одни белые.

Лицо парня скривилось, а глаза перестали быть добрыми. Он оглянулся по сторонам: кругом шёл народ. Парень злобно прошипел:

- Пошла ты вон, дура старая, со своими белыми грибочками!

И, развернувшись, быстро скрылся в толпе.

А Нюра отшатнулась как от удара, постояла немного, приходя в себя, и побрела домой. Шла и плакала. Было такое ощущение, как будто потеряла она хорошего знакомого, к которому уже успела почувствовать симпатию. Как будто на глазах её исчезла куда-то замечательная семья: обаятельный парнишка, и его жена, ждущая третьего ребёнка, и двое малышей, и тёща с тестем, которые где-то в деревеньке собираются праздновать юбилей и надеются на встречу с детьми и внуками.

Потом потихоньку стала читать про себя Псалтирь, и на душе стало легче. От слов молитвы ушли обида и печаль. Под ногами шуршали жёлтые листья, а дома ждали горячая печь, и серая Муса, и грибная похлёбка. Хорошо!

Подходя к дому, увидела соседку, добродушную и разговорчивую Татьяну. Поздоровались, и Таня с ходу запричитала:

- Баба Нюра, ты смотри, никому двери не открывай, тут мошенники объявились, они за пару дней пол-улицы нагрели! Чего ты там бормочешь? Молишься?

И вдогонку Нюре проворчала:

- Ох уж эти бабульки, всё молятся да молятся, а сами ж как дети малые - любой мошенник

обманет... Двери, говорю, получше запирай!

Есть ли сейчас в Оптиной старцы?

Как Володя старца искал

Я снова в Оптиной. Дома, на Урале, лежит снег. А здесь сыро, слякоть. Зима ещё не пришла в Оптину. Оптинские коты не спеша разгуливают по мокрой траве, им не холодно. Стаи птиц не торопятся улетать в тёплые края. Звуки оптинских колоколов раздаются звонко и гулко в осенней непогоде. Редкий морозящий дождь подпевает им своей грустной ноябрьской песенкой.

В этот приезд в Оптину моё новое послушание – быть келейницей у старенькой монахини, заботиться о ней. Мать С. – духовное чадо оптинского старца, отца Илия. Он и постриг её в монахини. Над её кроватью – фотография духовного отца. И первый взгляд, который она встречает по утрам, – это взгляд старца. Я пристально вглядываюсь в фото: глаза добрые, мудрые. Я смотрю на схиигумена Илия, а он внимательно и пронизательно смотрит на меня. И я совсем не удивляюсь, когда события моей жизни вдруг удивительным образом начинают переплетаться с образом старца.

Так иногда мы слышим звук и пытаемся вспомнить старую, знакомую песню. Где же она? Вот ещё звук – грустный, как натянутая струна. А через некоторое время мы слышим такую родную мелодию, что сердце щемит. Или идём по улице и удивляемся – как похож этот незнакомец на старого друга. И в памяти – его образ. Милый и родной. А вечером друг приходит в гости и радостно кричит с порога: «Сам не знаю, как собрался к тебе! Дел невпроворот! Но целый день о тебе почему-то вспоминал и вот решил – нужно навестить!»

Так и у меня. Я чувствую, что старец каким-то образом входит в мою жизнь. Но как это произойдёт? Может, я услышу историю о нём?

Мне нужно съездить из Оптиной в Москву, в книжное издательство, подписать договор. Сделать это нужно быстро, потому что нельзя надолго оставлять матушку одну, она нуждается в уходе. С ней соглашается остаться на день одна из сестёр монастыря, а мой путь лежит в издательство. «В Москву, в Москву!»

На автобусе я не смогу обернуться быстро, нужна попутка. И я совсем не удивляюсь, когда с попуткой мне помогает архидьякон, отец Илиодор, любимое чадо старца схиигумена Илия. Отец Илиодор – очень близкий старцу человек, друг без друга, по мнению оптинцев, они жить не могут. Говорят, что если они далеко друг от друга, то хоть раз в сутки да созвонятся. Ещё говорят, что отец Илий дал своему любимому чаду своё имя.

Я прислушиваюсь к внутренней музыке, которая, кажется, звучит где-то там – в глубине души. Да, вот ещё один верный звук! Скоро зазвучит мелодия! Как это называется? Предчувствие? Предощущение? Да, наверное. Ведь боли и радости часто приходят к нам с предвкушением. Не из прошлого, а из будущего.

Машина едет быстро, но скорость почти не чувствуется. За окном серый сырой ноябрьский день, а в машине тепло и уютно. Ничуть не удивляюсь множеству икон. Мой вопрос приветливому водителю – звучит камертон. Да, всё правильно! Отец Владимир – московский дьякон, духовный друг отца Илиодора, чадо старца, схиигумена Илия. Пять лет Володя был оптинским послушником, по его словам, это была хорошая школа, давшая внутренний стержень для всей дальнейшей жизни.

Я прошу рассказать мне о старце, и внутри уже звучит знакомая мелодия, и я знаю, что услышу интересный рассказ. И отец Владимир действительно рассказывает мне истории про старца, которые, с его разрешения, я и передаю.

Произошла эта история довольно давно. Отец Владимир тогда ещё не был дьяконом. И от церкви был далёк. А был он молодым бизнесменом. Занимался строительным бизнесом. И вот дела его стали идти всё хуже и хуже. Навалились всевозможные скорби и испытания. Да так тяжело стало, что и не знал он, как пережить такие трудные и запутанные жизненные обстоятельства. В общем, жизнь зашла в тупик.

И тут кто-то из верующих друзей посоветовал: «Тебе нужно к старцу обратиться. Он тебе совет даст. Ты совет-то исполнишь, вся жизнь твоя и наладится. Да ещё и помолится за тебя старец-то. Вот и будет у тебя всё в порядке, заживёшь лучше прежнего». Как это лучше прежнего – тогда Володя и не представлял. Бизнес лучше пойдёт? Конкуренты исчезнут? Проблем не будет?

Вот сейчас отец дьякон сидит за рулём, и для него главное – духовная жизнь, жизнь по заповедям. А тогда он не знал, как выбраться из жизненного тупика. Но слова о старце крепко запали в душу. Где искать этого старца – Володя не имел ни малейшего представления. Скорби продолжались, и время от времени он вздыхал: «Совсем не вмоготу... Эх, вот найти бы старца...»

Как-то раз вечером ехал Володя на машине по городу, и так вдруг на душе тяжело стало, что остановился он на первом попавшемся месте, положил голову на руль и сидит. Вдруг – слышит – кто-то стучит в окошечко. Поднимает голову – стоит священник в рясе с крестом на груди и просит его подвезти.

Володя встрепенулся:

- Батюшка!

- Да! Я он самый и есть!

- Батюшка, я вас, конечно, подвезу! А у меня вот проблемы... Старца я ищу...

- Старца? Ну тогда тебе надо в Оптину ехать. Сейчас ты меня подвези, пожалуйста, до Ясенево. Там оптинское подворье. А завтра, если хочешь, поедem вместе в Оптину. Хочешь?

А был это, оказывается, отец Симон. Сейчас-то он уже игумен, а тогда был молодым оптинским иеромонахом. Назавтра они и поехали.

Приезжают в Оптину, и Володя первый раз в монастыре оказался. Приехали уже поздно, ночью. Пришли в скит, заходят в большую келью. А там нары двухъярусные. Народу много. Кто молится, кто спит-храпит. «Батюшки-светы, куда это я попал?» – думает Володя. С дороги устал сильно. Попросил соседей разбудить его пораньше и отключился.

Просыпается, глаза открывает и понять не может, где находится. Светло уже. Вокруг пустые нары и никого. Смотрит на часы – время одиннадцать. И на службу опоздал! Расстроился сильно. Всё на свете проспал...

Пошёл Володя по утоптанной тропинке к монастырю. Бредёт, головы не поднимая.

Слышит, – снег скрипит под ногами – кто-то навстречу идёт. Поднял с трудом свою унывающую

головушку - а это какой-то старенький монах идёт с палочкой. Остановился и говорит Володе: «С праздником! С воскресным днём! Что невесел?»

А Володя так унывает, что и отвечает с трудом:

- Здравствуй, отец. Не знаешь, где бы мне старца найти?

- Старца? Нет, не знаю. А что у тебя случилось-то?

Володя немного приободрился. Обрадовался, что хоть кто-то его проблемами интересуется. Думает: «Как хорошо, что я старого монаха-то встретил! Хоть и не старец, но жизнь-то повидал. Может, мне его Господь послал. Может, он мне чего и посоветует...»

Начал рассказывать. А монах слушает, да так внимательно. Головой кивает. Так, понимаешь, слушает хорошо. Не все ведь слушать умеют. Иногда рассказываешь и понимаешь, что человек только из вежливости делает вид, что слушает. А проблемы ему твои не нужны, ему своих хватает. Или слушает, а ты видишь, что он только и ждёт, пока ты рот закроешь, чтобы выложить тебе свои умные мысли. А этот старенький монах так слушал, как будто Володя ему сын родной. И все его беды для него тоже - боль. Так и захотелось этому старому монаху всё, что на душе камнем лежит, рассказать.

Всё ему изложил. Все проблемы. Так, дескать, и так, отец, совсем немоготу, дескать. Как и дальше-то жить - не знаю. А монах выслушал внимательно и говорит: «А ты хоть кушал сегодня?»

- Да какое там кушал, отец! Не разбудили меня! На службу и то опоздал. И со старцем не встретился! Понимаешь, старцев нет нигде!

- Понимаю, старцев нет, одни старички. Пойдём-ка вместе в трапезную.

И пошли. Только чувствует Володя, что настроение у него резко изменилось. Голову поднял, смотрит вокруг - красотища! Снегу навалило! Сугробы белые, снег белоснежный, в Москве такого не бывает. Искрится на солнышке. Воздух чистый, морозец лёгкий. Солнышко в небе голубом. Хорошо! Идёт, дышит свежим морозным воздухом. Слушает, как колокола звенят. Золотым крестом маковки купола на фоне голубого прозрачного неба любит. И на душе всё легче и легче становится. В воздухе как будто благодать разлита, хочется радоваться жизни и кувыряться в снегу. И монах старенький вместе с ним идёт со своей палочкой, улыбается себе под нос. А Володя вдруг такую любовь к нему почувствовал - как к отцу родному.

Не успели они пятьдесят метров пройти, навстречу толпа людей. Смотрит Володя, а они все к старенькому монаху бегут благословляться. Радостные такие. «Батюшка, батюшка!» - лепечут. Вот уже и Володю оттеснили. Каждый что-то спросить у монаха хочет. Володя посмотрел-посмотрел, да и спрашивает у одной пожилой паломницы:

- Простите, а что, здесь всех старых монахов такой толпой встречают?

- Чего ты там такое говоришь-то? Каких таких старых монахов? Да ты знаешь - кто этот старый монах? Да ведь это старец!

- Как старец?!

- Да я же тебе говорю, что это старец известный оптинский, схиигумен Илий. Что ж ты такой бестолковый-то!

Володя даже присел.

- Как так - старец?! А он сказал, что старцев нет, одни старички! А я-то ему даже вопросы свои не задал. Вот была возможность - и ту упустил!

Тут из толпы паломников тот самый монах, который старцем оказался, выбирается и машет Володе рукой - за собой зовёт. Все сразу на него внимание обратили и стали в спину подталкивать:

- Иди скорей, батюшка зовёт!

Пришли они со старцем в трапезную. Володю с послушниками посадили. А он и есть-то толком не может - переволновался. Да ещё в куртку, в карман нагрудный полез за телефоном, а там привычного пакетика нет. А в пакетике - права. Неужели потерял?!

После трапезы послушник один к Володе подходит и говорит:

- Вас батюшка, отец Илий, зовёт. Пойдёмте, я вас провожу.

Приводит он Володю к старцу, а у того все вопросы из головы вылетели. Всё, что хотел спросить, - всё забыл, ничего не помнит от волнения. Только и смог промямлить:

- Батюшка, как же я домой-то доеду?!

И замолчал. Про права не знает, что сказать: потерял, выронил? Может, на нарах в келье лежат?

А схиигумен Илий ему и говорит:

- Это ты про права, что ли? Ничего, найдёшь. Ты дома их оставил, они у тебя в другом костюме в кармане лежат. А до дому-то ты действительно можешь не доехать. Отгонишь машину свою в мастерскую, там пусть её посмотрят хорошенько. И ещё. Нужно тебе здесь, в Оптиной, пожить - потрудиться, помолиться. А теперь давай-ка благословлю на дорогу. Ангела-хранителя!

Вышел Володя из трапезной. Чувствует - а на душе так легко! И вопросы все показались такими мелкими и ненужными. А главное - так захотелось в Оптиной пожить!

Когда машину в мастерской посмотрели, оказалось - действительно серьёзная неполадка. И могла быть даже авария.

Едет Володя домой без документов, на полпути - пост ГАИ. Скорость сбавил. Дорога пустынная, и смотрит он - к нему гаишник идёт, жезлом крутит. Сам на Володю так весело посматривает, чуть ли не подмигивает. Володя начинает тормозить и думает: «Ну, всё».

Только гаишник свой жезл стал поднимать, как у него в кармане сотовый зазвонил. Гаишник сразу же в другую сторону отвернулся, телефон достал и стоит - разговаривает. Володя и проехал.

И доехал так легко, так быстро, как будто машину вместе с ним ангелы донесли. А дома, как старец и сказал, документы нашёл. В кармане другого костюма лежали.

И проблемы у Володи сами собой решились. Ну, не сами, конечно. Старец хоть и ничего особенного ему не сказал, морали не читал, а помог. Он просто помолился за Володю. «Многое может молитва праведного...»

И жизнь Владимира стала совсем иной. Пять лет послушания в Оптиной, а сейчас вот дьяконом служит. Видимо, с Божией помощью, скоро рукоположат в священники. Вот как закончились Володины поиски старца.

* * *

Я слушаю этот бесхитростный добрый рассказ и вспоминаю слова святых отцов о промысле Божиим, запавшие в душу. Достая свою толстую, потрёпанную записную книжку и в полутьме машины читаю почти на память вслух:

«Господь, которому вся возможна, силен устроить любые внешние обстоятельства для своих избранных. Нет сомнений, что в подходящее время Он приведёт ищущего спасения человека в нужное место и поместит его в подходящие условия».

Отец Владимир согласно кивает и сворачивает к заправке. Заправляем машину, пьём кофе и едем дальше. Быстро спускаются ноябрьские сумерки. А отец дьякон, передохнув, рассказывает мне ещё одну историю.

История о завтрашнем дне

Отец Владимир знает многих чад своего духовного отца, схиигумена Илия. С кем-то знаком близко, кого-то только несколько раз встречал. Был знаком с одним бизнесменом и его водителем, с которыми и произошла эта история.

У бизнесмена этого дела плохо шли. А он ездил иногда в Оптину. И вот как-то раз удалось ему, видимо, по милости Божией, обратиться за помощью к старцу. По молитвам старца дела пошли на лад. Рост материального благосостояния был налицо. На радостях бизнесмен приезжает к батюшке:

- Батюшка, дела хорошо так пошли! Вот хочу поблагодарить Господа! Благотворительностью хочу заняться! Что бы мне такое хорошее сделать? Батюшка, отец Илий, может, Вам что-то пожертвовать?

- Мне ничего не нужно. А если хочешь доброе дело сделать, Господа поблагодарить, то помоги вот храму одному. Он, правда, не здесь, не в Оптиной, но я тебе адрес дам. Храм бедствует, нужно помочь с восстановлением.

- О чём разговор, батюшка дорогой?! Конечно, помогу! Давайте адрес, завтра же и пожертвую!

Проходит месяц, другой, а ему то некогда, то неохота куда-то ехать, то вроде и денег уже жалко станет.

Приезжает в Оптину, постоит на Литургии, исповедуется, причастится. Опять сердце загорится у него. Дела-то хорошо идут. Подойдёт к старцу под благословение:

- Батюшка, я вот хочу пожертвовать что-то, доброе дело сделать! Кому помочь?

- Ну что ж, если хочешь доброе дело сделать, вот приюту помоги. Очень они нуждаются.

- Да я завтра же поеду в этот приют! Да я им так помогу! Книги духовные могу купить! Игрушки! Фрукты! А то иконы пожертвую!

Проходит месяц, другой, забыл о приюте. Да и адрес куда-то завалился.

И повторялось подобное много раз. Только как-то, в очередной приезд в Оптину, когда начал он, как обычно, спрашивать у старца, какое ему доброе дело сделать, батюшка как-то странно ему отвечать стал. Он батюшке:

- Какое мне доброе дело сделать? Вот иконы кому-нибудь пожертвую! Завтра же! Много икон!

А схиигумен Илий вместо того, чтобы, как обычно, адрес какой-то назвать, отвечает очень странно:

- Да ты теперь хоть одну только иконочку купи и пожертвуй.

- Почему одну?! Да я завтра же много икон куплю и пожертвую!

- Да нет, тебе теперь хоть одну бы успеть.

Вышел бизнесмен из храма, садится в машину и говорит водителю:

- Какой батюшка сегодня странный. Я ему говорю, что хочу много икон купить и пожертвовать. А он мне про одну икону отвечает. Дескать, чтобы я успел хоть одну пожертвовать. Странно очень. Ну ладно, одну-то купим. Сейчас, что ли, купить? Ладно, иди, сходи в лавку, купи одну икону.

А водитель, человек верующий, обычно всегда кроткий был. А тут вдруг не согласился. «Не пойду, - говорит. - Вам старец благословил купить, вы сами и купите».

- Ну, какая ерунда! Да что вы сегодня сговорились все, что ли, спорить со мной?

Вышел он из машины, сходил, купил икону, поехали домой. Проезжают мимо одного храма. Видно, что храм нуждается в ремонте.

- Во, сразу видно, что храм бедный. Вот ему и пожертвую.

Вышел бизнесмен из машины, унёс икону в храм. Вернулся. Едут дальше. Только километра не проехали, он водителю и говорит:

- Что-то я как-то устал сегодня. Останови-ка машину, я немного отдохну.

Вышел из машины, прилёг на траву. И умер.

Я слушаю эту короткую историю и молчу. Потом говорю: «Всё-таки старец-то не бросил его, не отвернулся. Молился за него, наверное. Вот он и сделал доброе дело-то перед смертью. Разбойник тоже вот только и успел сказать: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем».

Отец дьякон кивает головой и отвечает грустно: «Да, оно так, конечно. Суды Божии - бездна многа. Но помнить нужно всегда: всем обещано прощение исповеданных грехов. Но никому из нас не обещан завтрашний день».

И мы едем дальше и долго молчим. А сумерки сгущаются, и день подходит к концу.

Оптинский старец

Узнав, что я тружусь в Оптиной Пустыни, часто спрашивают «А сейчас в Оптиной есть старцы?» Или: «Как можно поговорить со старцем?»

Первое время смущалась этими вопросами... Ведь чаще всего мы – даже давно живущие в церкви – новоначальные. Младенцы духовные... Мой первый духовный наставник, игумен Савватий, имеющий за плечами сорок лет жизни в церкви и двадцать пять лет хиротонии, иногда говорит о себе: «Я в духовной школе хорошо если два класса окончил... Вот мой духовный наставник, отец Иоанн Крестьянкин, он – да... он был профессор духовный...»

Да, старец – профессор духовный... Но зачем духовному младенцу – профессор? На вопросы новоначального может ответить любой опытный оптинский духовник... А люди упорно ищут старца. Ищут оптинского схиигумена, а ныне схиархимандрита, отца Илия (Ноздрина). Задают вопросы, просят молитв, ищут старческого благословения.

Рассказала я о своём смущении известному оптинскому духовнику, игумену А. И он ответил:

– Не смущайся. Старцы – это красота православия, дух православия, свидетельство истинности нашей веры. Через старца человек видит Бога. Разве смущались люди девятнадцатого века, когда тысячи приезжали в обитель к преподобному Амвросию? Иногда можно услышать от наших современников: «Сейчас и старцев не осталось – «оскуде преподобный»... А в каком веке псалмопевец Давид это сказал? То-то... Иисус Христос вчера и днесь тот же, и Дары Духа Святаго те же...

Все, кому случалось встретиться с отцом Илием, уверены, что даже мимолетная встреча с ним – событие большой духовной значимости в их жизни. Я чувствую то же самое. По милости Божией, мне довелось несколько раз беседовать со старцем, исповедаться ему, принимать из его рук Святое Причастие. А когда отец Илий в 2009 году расспросил меня о моих первых рассказах, то благословил на писательский труд. И вот, после благословения старца, самым чудесным образом, неожиданно для меня самой, никогда не имевшей дела с книжными издательствами и издателями, в течение трёх лет были написаны и изданы мои книги «Монастырские встречи» и «Непридуманные истории».

Я начала бережно записывать истории о старце, которыми щедро делились со мной его чада и те, кто просто имел опыт встречи с отцом Илием. Истории эти были какие-то очень «тихие»: смирение и кротость старца как бы распространялись и на эти рассказы, и на самих рассказчиков... Их хотелось рассказывать вполголоса, как рассказывают люди о чём-то драгоценном, сокровенном.

О своей встрече со старцем поведала и разрешила записать её рассказ монахиня Филарета.

Мать Филарета, а тогда просто Людмила Гречина, в Бога верила всю жизнь, но воцерковилась, будучи уже зрелым человеком. Она окончила Московский авиационный институт (МАИ) и работала инженером по запуску спутников в отделе памяти. Думает, что, если бы не пришла к Богу, то её уже не было бы в живых, как нет в живых некоторых её ровесниц, работавших вместе с ней. Но когда человек растёт духовно, Господь даёт ему время, не срывает незрелый плод.

Воцерковление Людмилы Гречиной произошло довольно-таки чудесным образом. Она вместе с сыном проводила отпуск в Италии. Выходила вечером гулять, любовалась холмами вдаль и каким-то монастырём, прекрасный вид на который открывался с пригорка. И вдруг услышала голос:

– Вернёшься в Россию – пойдёшь в монастырь.

Сказано это было так ясно и чётко, что, вернувшись в Россию, Людмила, которой в то время было уже 57 лет, решила обратиться к старцу. Она приехала в Оптину Пустынь к оптинскому

старцу, отцу Илию.

К отцу Илию попасть всегда трудно, желающих посоветоваться со старцем, попросить его молитв или просто благословения всегда больше, чем может вместить день даже такого подвижника. Но Людмила, с Божией помощью, не только сразу же смогла поговорить с ним, но и стала его духовным чадом. Старец прозорливо предвидел её монашеский путь. Он сразу же предложил Людмиле поехать в Новодевичий монастырь.

- Как - в Новодевичий? Да там же музей, батюшка!

Старец улыбнулся и ответил:

- Там монастырь. Уже четыре месяца как открыт.

- А кто меня туда возьмёт в мои-то годы?!

- Иди-иди! Тамошняя игуменья тебя возьмёт, не сомневайся!

И он дал характеристику игуменье, хотя никогда в жизни её так и не увидел.

Людмила поехала в Новодевичий монастырь. И живёт там уже восемнадцать лет. Отец Илий стал её духовным отцом. Правда, приезжает она к нему нечасто. Как-то раз она, уже будучи монахиней, подумала: «Редко я батюшку вижу, может, и не считает он меня своим чадом-то?» И загрустила. Через пару дней получает письмо от старца. А начинается оно словами: «Чадце моё духовное!» Утешил батюшка...

Мать Филарета вспоминает о случаях прозорливости духовного отца: «Батюшка иногда мог дословно повторить слова, сказанные в келье Новодевичьего монастыря, хотя находился за четырьмястами километрами от Москвы - в Оптиной Пустыни».

Как-то раз она привезла духовному отцу подарок из паломнической поездки в Александрию - подрясник очень хорошего качества, из натурального хлопка. Положив подарок в пакет, отправилась на поиски старца. Что в пакете - никому не видно, сюрприз для батюшки будет... И вот идёт она по Оптиной и видит: старец у храма с паломниками беседует.

Встала мать Филарета в сторонке и ждёт, пока отец Илий освободится, чтобы, значит, подарок ему свой подарить. Ждёт, а сама вспоминает, что старец все подарки тут же раздаривает. Как-то паломница ему банку клубничного варенья дарит, а он тут же её матери Филарете передаёт и говорит: «Давай вот матушке варенье-то отдадим, ей нужнее».

И стали её помыслы додумывать о подряснике: не будет ведь носить батюшка, передарит кому-нибудь! Хоть бы уж сам поносил! Такой подрясник хороший! Нет, не будет сам носить... Точно кому-нибудь передарит...

В этот момент старец к ней оборачивается и говорит:

- Ну, давай, давай уже свой подарок! Да буду, буду я его сам носить!

Мать Филарета улыбается...

Как-то она познакомила меня со своей духовной сестрой, также чадом отца Илия, схимонахиней Елизаветой. И мать Елизавета рассказала мне свою историю встречи со старцем...

К вере она пришла тоже зрелым человеком, будучи не только матерью семейства, но и бабушкой. Пришла так, как будто искала веру всю жизнь, и, найдя, припала, как к целебному источнику, врачуящему раны души. Быстро воцерковилась, охладела к телевизору, полюбила пост, церковные службы. Испытав необходимость в духовном руководстве, поехала в Оптину.

Дальнейшие события развивались стремительно. Она увидела старца, отца Илия, окружённого паломниками, и очень ей захотелось хотя бы пару минут побеседовать с ним. Но народу было слишком много, и она решила подождать до следующего дня.

А на следующий день старца не оказалось в обители: он уехал на подворье в Москву. Узнав телефон подворья, осмелилась позвонить и, хоть и не верила в то, что возможно это, спросила, нельзя ли ей поговорить с батюшкой. В трубке помолчали, спросили её номер телефона и вежливо попрощались. «Вот и всё, – подумала она. – Не получилось... Глупо было и надеяться... Мало разве у старца дел, чтобы ещё со всеми желающими тётушками беседовать?!»

А на следующий день телефон зазвонил, и она, оторвавшись от домашних хлопот, взяла трубку. Взяла, да чуть не уронила – батюшка сам позвонил ей! И пригласил приехать для встречи и беседы на подворье.

Волнуясь, сама не своя, приехала – и вот она уже сидит рядом со старцем. А он разговаривает с ней так, как будто знает её всю жизнь. В конце беседы отец Илий сказал: «А ты знаешь, что путь твой дальнейший – монашеский?» И дал будущему чаду молитвенное правило.

Несколько лет окормлялась она у батюшки, и вот пришло время, когда старец предупредил: «Готовься к постригу». Запереживала она крепко: как готовиться-то – непонятно... Подошла к архиерею, отцу Илиодору, давнему чаду старца: «Как готовятся к постригу?» Отец Илиодор – человек добрый, заботливый, тут же повёл её снова к старцу и спрашивает у духовного отца:

– Батюшка, благословите вот сестру в Шамордино свозить, чтобы ей там монашеское облачение к постригу пошили.

Отец Илий оборачивается, смотрит на них внимательно. А у него иногда бывает такой взгляд зоркий, пронизательный – кажется, что видит он не только стоящего рядом собеседника, а и прошлое его, и будущее. И вот, посмотрев так пристально и пронизательно на чад своих духовных, старец ответил:

– Не надо вам никуда ехать. Пошьют облачение. В Даниловом монастыре.

А у неё и знакомых никогда в этом монастыре не было. Ну что ж, старец сказал – ему виднее. Возвращается будущая монахиня в Москву. А она в то время была прихожанкой храма царевича Дмитрия, и при храме они организовали первое училище сестёр милосердия в честь святой великомученицы Елизаветы. Настоятелем храма служил отец Анатолий. И вот поделилась она с ним своим беспокойством насчёт монашеского облачения. А он и говорит:

– Мы сейчас одну сестру нашего училища спросим, она как раз облачения шьёт. Ну-ка, Валя, иди сюда.

Валя подбегает, радостно соглашается помочь. И на следующий день объявляет, что пошьют это облачение, и пошьют бесплатно – во славу Божию.

– Где же такие добрые люди трудятся?

– Как где? Я в Даниловом монастыре работаю, шью облачения. Там и пошьют...

И замкнулся круг. А ведь старец никогда эту Валю в глаза не видел...

Так и постриг батюшка своё чадо в честь святой великомученицы Елизаветы.

Часто спрашивают: «А какой он – старец Илий?» На этот вопрос ответить трудно: как нам, душевным людям, понять человека духовного? Духовный человек он видит и понимает всех, а душевный не понимает духовного... Мы только чувствуем благодать Божию, любовь, смирение, которые исходят от духовного человека – и наши сердца тянутся к нему, открываются перед ним...

Вот батюшка выходит после службы на солею храма в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы, к нему тянутся руки паломников: просят благословения, молитв, передают записки с именами. Рядом со мной высокий мощный мужчина, на лице у него выражение горя. Он пытается подойти к старцу, но перед нами слишком много народу. И я с ужасом замечая, что мой сосед тихо плачет от муки душевной и страдания. Тяжело видеть мужские слёзы, перехватывает дыхание, и я лихорадочно пытаюсь сообразить, как бы помочь ему подойти к старцу.

А отец Илий, невысокий, полностью закрытый от нас толпой, уже духом слышит это горе. Толпа расступается, и он сам подходит к страдающему человеку, и мы видим, как старец обнимает его ласково, подобно матери, утешающей плачущее дитя. Мужчина сквозь слёзы пытается объяснить, рассказать о своём горе, и окружающие понимают, что это потеря близкого человека. И вот мужчина уже рыдает, склонившись к плечу старца, а батюшка сам почти плачет и ласково обнимает рыдающего. И такая любовь на лице старца...

Так они стоят, прижавшись друг к другу, и все понимают, что батюшка молится за этого страдающего человека со всем напряжением своих сил. И постепенно рыдающий успокаивается, лицо его каким-то неуловимым образом меняется. Это трудно определить словами: отчаяние и надрыв сменяются надеждой, утешением... Так бывает, когда кто-то берёт на себя твою боль и твоё страдание.

На следующий день на вечерней службе оптинская братия выходит на полиелей и встаёт в два ряда по старшинству хиротонии. Мы с сёстрами стоим среди молящихся паломников недалеко от центра храма и слышим, как один из братии, решивший, что старец встал на место недостаточно почётное для его духовного сана, говорит старцу: «Батюшка, вы не туда встали». И старец смиренно переходит на другую сторону. А там братии кажется, что старец должен стоять на более почётном месте, в другом ряду, и ему опять говорят: «Батюшка, нет, не сюда, туда». И старец опять смиренно переходит. Там ему снова говорят: «Нет же, батюшка, не сюда», – пока кто-то из старшей братии, уразумев, что происходит, не взрывается: «Вы что делаете?! Оставьте старца в покое!»

А сам батюшка, абсолютно без всякого смущения, спокойно переходит каждый раз туда, куда его просят перейти. Он, духовный наставник братии, нисколько не гневается, нисколько не смущается. Смущение обычно свойственно гордости, тщеславию: как это я да что-то не так сделал! А смирению и кротости смущение не свойственно. И в то же время эта кротость и смирение – не униженность, совсем нет!

Вот батюшка благословляет одного послушника прочитать пятидесятый псалом. А тот не понимает и взволнованно спрашивает: «Пятьдесят раз читать?» И все стоящие рядом смеются. А старец не смеётся. Он такой тонкий и деликатный человек, у него такая любовь к людям, он даже и вида не подаёт, что ошибся его собеседник. Как будто всё в полном порядке. И кротко, с любовью батюшка объясняет: «Нет, не пятьдесят, один раз прочитаешь». И нам всем,

смеявшимся, становится стыдно, что мы смеялись над человеком, который просто не понял...

Господь по милости Своей дарует нам старцев... Епископ Смоленский и Вяземский Пантелеимон (Шатов) писал о современном старце, отце Павле (Троицком): «Вы знаете, я пришёл к вере, будучи уже взрослым человеком, и у меня, когда я стал уже священником, иногда возникали помыслы неверия. Когда я узнал отца Павла, на эти помыслы я отвечал всегда так: если есть отец Павел – значит, есть Бог. То, что есть отец Павел, для меня это было самым лучшим доказательством того, что существует Бог.

И как бы ни сгущалась тьма, какие бы мысли ни влагал дьявол в мою пустую глупую голову, какие бы чувства ни теснились в моём злом, ожесточённом сердце, вот эта память о том, что есть отец Павел и знание той благодати, которая даётся человеку Богом, конечно, удерживала меня от неверия, удерживала меня от уныния, удерживала от соблазнов различных, которых так много в нашей жизни».

Через просветы

Оптинские отцы смиренные. Хранят оптинские монашеские традиции. Похвалить монаха – то же самое, что бегущему подножку поставить. Пока живы, все подвизаются, а о святости человека судим мы уже после его смерти. Хорошее высказывание по этому поводу прочитала у Святых Отцов: «Перед самым сбором урожая град может уничтожить виноград, и праведник перед смертью может согрешить. Поэтому не спешите ни к кому приступать с похвалами». Читаю и представляю крупные и ароматные, налитые соком грозди винограда. Но ведь может пройти град или снег выпасть...

Наверное, поэтому из уст в уста передаётся оптинская байка. Спросили старца, отца Илия: «Батюшка, правда, что все оптинские отцы – прозорливцы и чудотворцы?» На что старец с улыбкой ответил: «Не знаю насчёт прозорливцев, а чудотворцы точно все».

Значит ли эта шутка, что перевелись старцы в монастырях? Слава Богу, не перевелись! Утешает Господь людей своих, но чудеса эти прикровенные, даются по нужде. Рассказывает мне в очереди на исповедь жительница Козельска, Елена, как недавно в этой очереди стояла её соседка. Приехала к игумену Н. со своим горем – сын пропал. Выслушав рыдающую мать, ушёл он в алтарь, долго молился, а вернувшись, сказал: «Не плачь, через пару дней вернётся». И действительно, на второй день сын вернулся.

На послушании в гостинице раба Божия Надежда рассказывала мне о том же батюшке, как уговаривал он остаться в монастыре одну уже не очень молодую женщину. Не слушала она уговоры, и батюшка сказал: «Что ты там будешь делать в миру, страдаешься, да ещё и с ребёночком». Про ребёночка было совсем непонятно, но понятно стало, когда женщину соблазнил и бросил с ребёнком заезжий молодец, и она действительно много страдала.

Признанный старец Оптиной Пустыни – отец Илий (Ноздрин). Когда человек ещё подвизается, о его подвигах и духовном росте лучше не говорить. Но отец Илий – всероссийски известный старец, о его прозорливости все знают. Поэтому, чада его и просто паломники делятся своими переживаниями и опытом встреч со старцем открыто – светильник под спудом не прячут...

Первый рассказ про оптинского старца Илия рассказала мне на совместном послушании в братской трапезной Оптиной Пустыни паломница Ольга: «Хотела я спросить у старца, есть ли воля Божия на моё монашество, но никак не получалось побеседовать с ним. И вот стою после службы, вдруг народ задвигался, хлынул за вышедшим старцем. Кто-то вопрос хочет задать, кто-то попросить молитв, кто-то просто благословиться желает. Ну, думаю, не подойти мне к

старцу.

И вдруг народ выталкивает меня прямо в спину к батюшке. Недолго думая громко спрашиваю: «Батюшка, отец Илий! Буду ли я монахиней?» И батюшка не оглядываясь отвечает: «Да, ты будешь монахиней. Обязательно будешь монахиней!» И уходит, сопровождаемый народом. А я остаюсь и чувствую, как охватывает меня недоверие, а за ним уныние. Старец даже не взглянул на меня. С таким же успехом я могла спросить, буду ли я космонавтом.

В унынии плетусь к братской трапезной. Стою и плачу. Рядом ещё паломники стоят. Кто-то своего духовного отца ждёт. Кто-то старца дожидается. Стою без всякой надежды. И вдруг появляется отец Илий. Сразу тянутся к нему руки с записками, народ вопросы наперебой задаёт. Но батюшка подходит прямо ко мне. Внимательно смотрит на меня и спрашивает: «Ну что, ты уже выбрала себе монастырь, где хочешь жить?» На этом месте глаза рассказчицы увлажняются - утешил батюшка! Хоть и не взглянул при вопросе, но духовным зрением он видит многое».

Гостиничная Елена делится со мной: «Как права пословица: Что имеем - не храним, потерявши - плачем! Вот был наш оптинский старец, отец Илий, рядышком - мы это не ценили в полной мере. Подойдёшь иногда - благословишься. А иногда смотришь, как много людей батюшку окружили, и мимо пройдёшь, думаешь: надо побережь старца, не досаждай лишний раз. А сейчас вот уехал он подальше, духовник у самого Патриарха, так как же ждёшь его приезда! Как солнышка красного!»

Только поскорбели мы, что нечасто теперь старец в Оптиной бывает - он и приехал. И благословились, и записочки отдали. Поднимаюсь по лестнице паломнической гостиницы - а схиигумен Илий мне навстречу спускается. На лестнице ещё две сестры стоят - как и я, от радости чуть не прыгают.

Благословил нас батюшка, поговорил немножко с каждой, а в руках у него книги духовные - как раз три. Он одной сестре подарил, другой, я следующая. А я стою и думаю: «Есть у меня уже такая книжечка-то. Мне её вчера только архидьякон отец Илиодор подарил». Посмотрел на меня отец Илий внимательно, улыбнулся... и не дал мне книгу. А снизу уже новая паломница поднимается. Ей и подарил.

Вот ведь думаю - батюшка всё видит! Как же мне хочется о нём побольше узнать!

Вот бы ещё кто-нибудь рассказал о нём!

На следующий день еду я по делам в Калугу, возвращаюсь поздно, на автобус опаздываю. Звоню своему духовному отцу и объясняю, что припозднилась. Отвечает он мне, что в Калуге как раз оптинская машина. Сейчас назад, в монастырь, поедет, меня и захватят.

И вот я сижу рядом с водителем, молодым ещё парнишкой, Сергеем. Несмотря на молодость, он уже несколько лет в монастыре работает, сейчас прораб на одной из многочисленных монастырских строек. И оказывается, что он чадо отца Илия.

- Брат, расскажи мне хоть немножко про старца! - прошу я.

Он соглашается. И рассказывает мне о своих встречах со старцем.

Сначала Серёжа не всегда к старцу за благословением обращался. Вот сдал на права, начал машину водить - без благословения. «Что, - думает, - старца по мелочам беспокоить, мало ли у него забот! Не будешь обо всём сообщать - вот, дескать, водителем заделался!»

А отец Илий приехал из Греции и всем иконочки дарит. И всем – разные. Посмотрит на человека – приберёт иконочки и достанет какую-то одну. Сергею благословил иконочку святого Николая Чудотворца. Отошёл Серёжа в сторону, а сам ропщет: «Есть у меня дома Николай Угодник! Лучше бы батюшка какую-то другую икону подарил!» Переворачивает иконочку, а на обратной стороне – молитва водителя!

А рядом стоит мужчина в годах, видно, что в Оптиной впервые. Держит в руках иконочку Целителя Пантелеймона и спрашивает у Сергея: «Я недавно только в храм ходить начал. Вы не знаете, что это за иконочка?» А Серёжа спрашивает: «А у вас, простите, здоровье хорошее?» «Да что вы! Я серьёзно болен. Болезнь меня и в церковь привела, если честно». Объяснил Сергей ему, что к Святому Целителю Пантелеймону обращаются в болезнях.

И вот что интересно: пока Сергей подаренную батюшкой иконочку в машине хранил – ни разу его ГАИ не останавливала. А потом решил унести икону домой, чтобы на солнышке не выцветала. Только унёс – на четыре месяца права отобрали за нарушение. Как так нарушил – и сам не понял. Теперь только с иконочкой – батюшкиным благословением – и ездит.

После этого случая стал он все серьёзные решения принимать только с благословения старца – своего духовного отца. Хотел купить старый «КамАЗ», деньги долго копил, в долги влез. Нашёл и «КамАЗ» подходящий. Проверил – хорошая ещё машина! Пошёл к старцу благословиться. А старец не благословляет – без объяснений. Ну, что делать, послушался Сергей, не стал покупать. Хоть и расстроился. А выходит, что расстроился-то он зря. Были, оказывается, какие-то незаметные, но серьёзные неполадки в машине. И через неделю сломался «КамАЗ», по выражению Серёжи «в хлам».

А как-то приехал Сергей к духовному отцу, а он ему и говорит: «Ну что, путешественник мой, путешествуешь?» «Да нет, – отвечает Сергей: из монастыря никуда». Старец только улыбнулся. Возвращается Серёжа в Оптину, а его тут же отправляют в Воронеж, к Тихону Задонскому, Воронежскому Чудотворцу. Вот только недавно вернулся. И в Калугу поехал. Тут мы с ним и встретились.

– А расскажи ещё что-нибудь, – прошу я.

Сергей думает недолго.

– Ну, вот жениться я собирался несколько лет назад. Невеста моя объявила, что хочет учиться поступать. Поедет, дескать, документы отвозить. Деньги заплатить нужно. Ну, я с деньгами помог ей. Проводил. Жду. А я только ещё начинал у батюшки на стройке работать – для монастыря строительство. Нужно было песок ехать нагружать. И подобрались мы так, что все ребята здоровые, рослые, а я самый молодой, меньше всех ростом и худее.

И вот благословляет отец Илий, чтобы меня отправили песок этот грузить. Я ещё в душе возроптал: ну, думаю, нашёл батюшка, кого выбрать! Ну, поехал, конечно. И вот еду – и вижу девушку свою с другим. Было у нас объяснение, после чего мы расстались. О чём я сейчас нисколько не жалею. Она за этого, другого, замуж вышла, ребёнка ждёт. А я вот в монастыре работаю. Может, совсем сюда переберусь. А ведь жениться хотел... Ну, скоро приедем уже. Видишь, как незаметно за разговором дорогу скоротали? Что тебе ещё рассказать – напоследок?

Вот представляешь, недавно совсем – на стройке работаю. Бетономешалка грохочет вовсю. Приезжает отец Илий. Батюшка никогда на машине в ворота не въезжает.

– А почему не въезжает?

Ну, как? Он смиренный очень. Не хочет, как начальник. Всегда из машины выйдет, сам ворота начинает открывать. Поздоровается со всеми, поклонится всем. Вот и в этот раз выходит из машины, подходит к воротам. Я одну створку тяжёлых железных ворот открываю, а он вторую начал открывать. А потом благословил меня и спрашивает: «Слышишь: как по кресту стучат – тук-тук?»

Я отвечаю: «Какое там стучат, батюшка, по какому кресту! Я ваш голос-то с трудом слышу!» Он улыбнулся и пошёл. И что ты думаешь? Через пять минут иду по делу строительному к отцу Иоанну, который тут недалеко, метрах в двадцати. А он крест из меди отбивает себе в келью. И стучит – тук-тук. Как это можно было услышать на таком расстоянии под грохот бетономешалки – ума не приложу. Ну, да у старца ведь другой слух, не такой как у нас с тобой. Понимаешь?

Вернулась я в Оптину и на следующий день, после послушания, захожу в книжную лавку. Смотрю: книга интересная – архимандрита Рафаила Карелина – «На пути из времени в вечность». Купила я эту книгу, прихожу в келью, открываю её на первой попавшейся странице и читаю: «Чем выше стоит подвижник на духовной лестнице, тем труднее писать о нём... Потому что духовное видит душевное, а душевное не видит духовного. Только лишь через какие-то просветы человек может соприкоснуться с внутренним миром подвижника как с откровением благодати...» Да, только через какие-то просветы...

Участники вечной Пасхи

*Верю, что Господь, призвавший их в первый день
Святого Христова Воскресения через мученическую кончину,
сделает их участниками вечной Пасхи
в не вечернем дни Царствия Своего.*

Патриарх Алексий II, 18 апреля 1993 года

Когда ко мне обратились с просьбой написать о братии, убиенной в Оптиной Пустыни сатанистом на Пасху 18 апреля 1993 года, сначала я растерялась. До 18 апреля – дня памяти оставалась неделя. И хоть тружусь я на послушании в Оптиной Пустыни пять лет и знаю многих насельников монастыря, но успеть за неделю расспросить оптинских отцов первого призыва, обремененных многочисленными заботами духовников обители, представлялось нереальным.

Прошли два, три дня, а я так и не успела побеседовать ни с кем из отцов, знавших иноков, убитых на Пасху. Кто-то пообещал рассказать, но позднее, после Поста, так как очень занят. Кто-то отказался, ссылаясь на то, что уже рассказывал всё, что знал, и рассказ этот вошёл в широко известную книгу «Красная Пасха» Нины Павловой.

Каждый день перед началом послушания стараюсь приложиться к мощам старцев оптинских и поклониться убиенной братии – иеромонаху Василию, инокам Трофиму и Ферапонту. И вот сегодня, войдя в часовню Воскресения Христова, месту упокоения убиенных, попросила:

– Отцы дорогие! Простите, что дерзаю просить вас о помощи и ясно чувствую недостойность своё, но так хочется напомнить о вас людям, почтить вашу память и ещё раз поклониться вам... Если можно, помогите, пожалуйста!

Оптинцы опытным путём знают, как скоропослушливы отец Василий, отец Трофим и отец Ферапонт, как хотят они, чтобы никто не ушёл из обители неутешенным. И дальнейшие

события могут стать ещё одной страницей летописи о молитвенной помощи убиенной братии всем, кто обращается к ним с молитвой.

В этот же день я записала воспоминания о братии сразу трёх человек.

Иеромонах Роман, в то время просто оптинский паломник, был студентом ростовского вуза. Когда он стал задумываться об иноческом пути, в храме ему посоветовали найти в Оптиной отца Ферапонта, который до монастыря также ходил в Ростове в кафедральный собор. Отец Роман вспоминает:

«Я беседовал с иноком Ферапонтом дважды. Было видно, что он очень собранный. Углублённый внутри себя. Он деятельно занимался Иисусовой молитвой. А это сразу видно. Как видно? А сосредоточенность... Когда человек напряжённо удерживает молитву, когда он старается быть в предстоянии перед Богом, это ощущается... Отсекаешь помыслы и хранишь молчание... Внутреннее и внешнее.

Знаю людей, которые держали Иисусову молитву, в Оптиной были и сейчас, конечно, есть многие братья, которые стараются держать эту молитву, но ни у кого из них тогда не чувствовалось такой внутренней сосредоточенности, как у отца Ферапонта.

Я стремился к внутреннему деланию, искал таких людей, и он был такой. Насколько он продвинулся в молитве – одному Богу известно. Но то, что он находился в этом делании – это да.

Великим Постом я приехал в Оптину и, побеседовав с отцом Ферапонтом, спросил у него совета про себя самого. Но он не стал от себя ничего говорить, а отправил меня к старцу, отцу Илию. И старец благословил меня остаться в Оптиной на год, сказал поступать в семинарию.

Я размышлял. А после убийства почувствовал такой духовный подъём! Знаешь, когда за Православие страдают, это очень вдохновляет! Понимаешь? Они своей жизнью заплатили, а ты вообще ничего не сделал...

Вот – рассказал. Поделился. А сейчас, извини, нужно идти служить панихиду».

А спустя несколько минут воспоминаниями делится со мной иеросхимонах отец Серафим, в 1993 году – иеромонах Михаил:

«Отец Василий, отец Трофим, отец Ферапонт – это люди, которые подвизались, искали Бога и созрели для вечной жизни. Отец Василий был ярким человеком, ему Господь даровал мощный дар проповеди, дар слова. А стихи духовные какие он писал! Молитвенник. На нём была такая благодать... Он шёл впереди всех!

Отец Ферапонт молился. Он и молчал, потому что молился. Когда молишься – не до суетных разговоров... У него в дневнике – последняя запись – слова Исаака Сирина: «Молчание – есть таинство будущего века». Царской силы был человек и физически, и духовно. Он каждую ночь вставал и делал пятисотницу. Ночью – отрывая время у сна. Пятисотницу ночью мало кто делает... На пол – телогрейку, чтобы звук заглушить от земных поклонов...

Отец Трофим всегда всем помогал. Богатырь. На траулере работал – несколько коробок тяжелых в одной руке нёс. Он постоянно находился в доброделии. Божий человек.

Все трое убиты подло – в спину.

Многие чувствовали, что произойдёт что-то страшное. Я после Пасхальной заутрени во Введенском храме шёл в скит, чтобы готовиться к средней Литургии. Шёл, как обычно, дорожкой к скиту в предрассветной темноте и вдруг почувствовал ужас. Он охватил меня так сильно! Никогда в жизни я не чувствовал такого ужаса! Отец Мелхиседек делился потом, что испытывал страшное уныние.

А ещё раньше, у храма, на меня вдруг вышли трое, в кожаных куртках. Они шли прямо на меня, и у них были такие взгляды, полные злобы, что я сразу подумал: «Убийцы!» Хотя ещё ничего не знал о предстоящем убийстве. А там снимали фильм об Оптиной. И как раз – мощный луч света. И эти трое ступевались, развернулись, ушли в темноту. Я сейчас думаю, что тоже мог погибнуть. Но я был не готов тогда, и Господь не попустил.

А они были готовы. На них печать Божия была – Господь взял лучших из нас. Их привезли потом на машине, а они лежали – как живые – мягкие, на лицах – мир и покой. Иногда говорят: «Убили первых попавшихся...» Нет. Они были избранники Божии. Умереть за Христа – это честь, которую ещё нужно заслужить.

Всё, сейчас будет Чин о Панагии. Помогите Господи!»

После послушания в этот день мне нужно было на почту. Приезжаю, а в почтовом отделении – огромная очередь. Душно, жарко. А тут ещё передо мной стоит пожилая женщина очень словоохотливая и начинает со мной разговаривать. Я, уставшая, отвечаю неохотно, а потом вслушиваюсь в её слова и понимаю, что эта встреча – не случайна. И рассказывает она мне – о чудесной помощи убиенной братии! Вот что рассказала мне Галина Дмитриевна, жительница Козельска:

«Тяжело стоять, жарко... Ну, ничего... А ты, милая дочь, в Оптиной небось трудишься? Как узнала? Ну, вас, оптинских, видно: молодые сейчас нечасто юбки длинные и платки носят... Я раньше в монастыре часто бывала... Да... Сейчас вот редко езжу, а раньше часто... Почему редко? Думаешь – сколько мне лет? Не-ет. Не семьдесят. Мне восемьдесят лет! Так что уже тяжело... В ближний храм хожу. С мужем. У меня три года назад муж появился! Может, тебе это и забавно покажется: в такие годы замуж выходить... Но ты сначала послушай...

Знаешь, в жизни у меня много скорбей было. Росла с мачехой. Она меня не любила. Обижала очень. Потом замуж вышла, а муж пить начал. Также сильно обижал. А потом дети выросли, разъехались далеко, муж умер. И осталась я совсем одна. И была у меня такая скорбь – одиночество...

Вот как-то, три года назад, приехала в Оптину, смотрю: а там люди окружили отца Илия. Знаешь старца Илия? Я тихонько подошла. А он вдруг ко мне поворачивается: «Как поживаете, матушка?» А я смутилась и отвечаю: «Да вот старая уже, а пожить ещё хочется...» А он улыбается и спрашивает: «Двадцать лет хватит?» А мне как раз семьдесят семь исполнилось. Я и выдала: «Тогда уж, батюшка, двадцать три – чтобы как раз до ста лет дожить!» Он улыбнулся. Я унывала, а от его улыбки сразу легче на душе стало!

Пошла в часовню к убиенной братии. Смотрю: там девушка записку за крест прячет. Я у неё спрашиваю: «Что это вы делаете?» Она засмушалась, но всё же отвечает: «Вот, прошу у отцов помощи... Они помогают... Господь их слышит...» И вышла из часовни.

Подумала я, подумала и тоже решила написать записку. Вслух поделилась:

– Отцы наши дорогие, любимые! Вот, пока нет никого в часовне, я вам расскажу... Так мне тяжело одной, так одиноко! Помогите, пожалуйста! Знаете, жизнь несладкая была. И

пролетела так быстро! Вот, может, ещё поживу, даже и лет двадцать... Только тяжело мне очень одной... А ещё домик я хотела продать. Никак не продаётся... Давно уж... Помогите, если можно...

Это я сказала, а в записке только и написала: «Очень одиноко мне. Раба Божия Галина».

И что ты думаешь, милая дочь?! Не прошло и недели, как продала я очень удачно домик! И на этой же неделе познакомилась я со своим дедушкой! Где? А в храме! Дедушка у меня знаешь, какой хороший! Георгий! В честь Георгия Победоносца! Очень верующий и добрый человек. Он у меня ветеран войны...

И так мы с ним хорошо зажили, что теперь и умирать не хочется... Вот три года живём... Мне - восемьдесят, ему - восемьдесят шесть. Может, кто-то и думает, что в таком возрасте спутник жизни не нужен...

Только нам так хорошо вместе! После моего одиночества мне это так утешительно! Утром он встанет, я-то забываю часто, а он - никогда: всегда сам святой воды попьёт и частицу просфоры скушает и мне принесёт. На службу в храм всегда вместе ходим. Ещё гуляем вместе, природой любимся... Иногда ночью он встанет, я тоже проснусь, смотрю а мой дедушка уже - у икон, стоит, тихонько молится... И так мы и живём мирно, дружно - отец Василий, отец Трофим и отец Ферапонт обо мне позаботились! Очередь моя подходит... Видишь, сколько я тебе рассказала...»

Вот такие три рассказа... И закончить мне хотелось бы стихами отца Василия на смерть иеромонаха Рафаила. Звучат стихи так, как будто написаны о нём самом и об иноках Трофиме и Ферапонте:

Нашёл бы я тяжёлые слова
О жизни, о холодности могилы,
И речь моя была бы так горька,
Что не сказал бы я и половины.

Но хочется поплакать в тишине
И выйти в мир со светлыми глазами.
Кто молнией промчался по земле,
Тот светом облечён под небесами.

Отец Василий, отец Трофим, отец Ферапонт, молитесь Бога о нас, грешных!

Истории монастырского киоска

Про пирожки

Люблю проводить свой отпуск в паломнических поездках. Не просто побыть пару дней в святом месте второпях, наскоком, а пожить там, потрудиться во славу Божию, почувствовать себя почти своим в Святой обители, увидеть её жизнь изнутри.

И вот я в Оптиной. Любимая моя Оптина!

В каждом святом месте своя благодать. Приехав, услышала такой диалог двух паломниц. «Я только что от святого Александра Свирского». - «Да что вы?! И в Оптину? Ну и как вам Оптина?» - «Знаете, в обители Александра Свирского более строгая атмосфера. А здесь как-то

мягко, как дома. Что-то тёплое, родное. Может, это из-за природы?»

Я живу в Оптиной уже месяц. На этот раз моё послушание – в хлебном киоске. Хлеб монастырский, бездрожжевой, на хмелю. Вкусный! А уж про пирожки и говорить нечего – объедение. С творогом, с рыбой, с грибами, с картошкой, с изюмом, с повидлом, с курагой. Глаза разбегаются – какой пирожок попробовать? Плюшки с сахаром и маком! Только успеваю подавать покупателям пакетики с пирожками. И наливать чай.

Сначала послушание кажется игрой. Вспоминаю детство. Во дворе под кустами сирени строим магазин. Игра захватывает всех. Рыжий Вовка приносит кирпич и доску. Это весы. Собираем листья лопуха – это овощи в нашем магазине. Когда магазин полностью обустраивается и совершается пара покупок, игра заканчивается. Весь интерес заключался в создании магазина. А процесс покупки лопухов, разноцветных стёклышек и другого «товара» уже не так привлекателен.

Теперь я могу поработать в настоящем монастырском киоске. Справа – стены и блестящие золотые купола Оптиной. Виден ангел с трубой на одной из башенок, собирающий верных под крылья обители. А если встать на крылечко киоска, то видны луг, жёлтая дорога, убегающая вдаль, сочная июньская зелень. Густой и тёплый воздух, солнце любовно и мягко согревает оптинскую землю. Голубое лёгкое небо с белыми невесомыми тучками. Несколько домиков с огородами, прилепившихся рядом с монастырём. Щебечут птицы, петух важно кукарекает. Смотришь вдаль, и сердце замедляет своё биение, мир и покой царят в душе.

Рядом с киоском – важные галки, шумные голуби, шустрые воробьи, ждущие от меня вкусных крошек. Самый крохотный и смелый воробышек дважды влетает через окошко ко мне в киоск и расхаживает по прилавку. Приходит важный рыжий кот и требует внимания. Кормлю его, и он, насытившись, укладывается на пороге, там, куда падают солнечные лучи. Греется на солнышке и мурлычет.

Уходя на обед в трапезную, забываю кота в киоске, не заметив, что он в тенёчек перешёл, за табуретку. Возвращаюсь назад, Миша – о нём речь ещё впереди – кричит: «Иди скорей, у тебя там кот торгует пирожками!» Я пугаюсь: «Батюшки, кошмар-то какой! Неужели проказник залез в пирожки? Ну всё, конец моему послушанию!»

Нет, рыжий и близко к ящикам с пирожками не подошёл, не обманул доверия. Видно сквозь окошко палатки, как он важно сидит на моём табурете, голова на уровне стола рядом с калькулятором. На подошедших паломников-покупателей смотрит важно и спокойно: дескать, всё в порядке, ждите, сейчас вы получите свои пирожки.

С утра послушание кажется лёгким и весёлым. Но к концу дня ноги болят, в голове гудит, соображаю плохо. И считаю уже медленно. Скоро нужно уносить столы и стулья, а послушника, который этим занимается, не видно. И тут на помощь приходит Миша.

Про Мишу, который не знает о кризисе

Миша достался мне по наследству от предыдущей послушницы монастырского киоска. Начинаю работу и вижу, что неподалёку подолгу сидит мужчина лет 45. Одет он худо, небрит, на голове лыжная шапочка. На ногах тапочки. А глаза добрые и ясные, как у ребёнка.

Миша помогал тем, кто нёс послушание в монастырском киоске. Нужны мужские руки: воды в бочку натаскать для чая, расставить столы и стулья утром и убрать их вечером или в случае дождя. Протереть столы и убрать одноразовую посуду, забытую покупателями-паломниками.

Вообще-то принести воды и расставить столы и стулья – это послушание брата, который привозит хлеб и пирожки на тележке и увозит пустые ящики. Но он очень загружен работой, и не всегда его можно дождаться. А Миша тут как тут.

В выходные, когда народу в обители много, желающих попить чая с монастырскими пирожками так много, что я порой остаюсь без обеда. Выйти на улицу и прибраться некогда. А тут Миша:

- Водички принести, а?
- Давай тряпку, там детишки чай пролили, надо стол вытереть, во!
- Щас дождяра ливанёт, давай мебель твою начну убирать.

Миша сейчас нигде не работает. Решил отдохнуть летом. А осенью собирается опять устраиваться на работу. У Миши летние каникулы.

Знающие Мишу люди говорят, что он всю прожитую жизнь работал грузчиком. А этой зимой работал на мойке автобусов. Говорят, что он не пьёт. Очень добрый и кроткий человек. Но умственное развитие у Миши – как у ребёнка.

Он говорит про себя:

- Я, это, не очень умный. Живу, во!
- Миша, как ты учился?

Смущённо улыбаясь, показывает один палец, а затем два пальца:

- Колы да двойки! Во! Восемь классов закончил!
- Миша, ты почему с работы ушёл?
- Автобусы мыл! Зимой! Во! А ты попробуй зимой холодной водой автобусы мыть!

У Оптиной иногда стоят нищие, просят милостыню. Миша денег не просит.

- Миша, ты на что живёшь? Ты не просишь милостыню?
- Не! Я машины мою. Мне за это дают денежку. А иногда ничего не дают. Смеются.

Сегодня Мише за работу дали сто рублей. Миша счастлив. Он гордо показывает мне сторублёвую бумажку: «Деньги!» Сидит за столом. Время от времени достаёт сто рублей, разглаживает, рассматривает, снова бережно кладёт в карман.

К киоску подходит блаженненькая Мария, она уже пожилая, но улыбка у неё как у ребёнка. На плакате, висящем на груди, написано: «Помогите сироте Марии на лекарства».

Миша суетится, подбегает ко мне:

- Во! Марии дай чаю! И пирожков! Это... С картошкой и булочку с маком! Во! Я заплачу! У меня есть деньги!

И Миша радостно протягивает свою драгоценность – сторублёвую бумажку. Миша покупает

Марии то, что любит сам, ведёт старушку, усаживает и радостно угощает. Он счастлив. У него есть деньги, и он может потратить их на более нуждающегося человека.

Миша радуется простым вещам – солнцу и дождю. Чаю и булочке. Воробьишке, клюющему крошки с его ладони. Рыжему коту за калькулятором. Возможности помочь людям. У Миши нет кризиса. Он не читает газет и не знает о нём.

- Миша, у тебя родители живы?

- Не! – Миша отвечает коротко и отходит.

Сидит за столом, думает, видимо, о грустном, затем подходит:

- Алёнушка! А я свою мамочку знаешь, где похоронил? На новом кладбище! У меня мамочка очень хорошая была. Она меня строго держала – во! И любила! А теперь я один совсем. Плохо, Алёнушка, одному.

- Ну, ничего, Мишенька! Да и не один ты! Ты же со мной!

- Да, я с тобой! Я тебе помогаю, да?!

Мишу угостили конфетами. Он приносит их мне:

- Алёнушка, сестрёнка, конфеты, во!

Ему приятно поделиться своей радостью.

У Миши есть мечта.

- Алёнушка, а знаешь, хочу я свой домишко! У меня там банька будет, во! Хочу завести два поросёнка, барашка, гусей. Хорошо!

К киоску подходит милиционер:

- Миша! Мишка! Ты чё не брешься? Ты у нас этот, как ево, комильфо! Дон Жуан!

И обращаясь ко мне:

- Он вам не мешает?

Миша смущён словом «комильфо». Я вижу, что он очень деликатен. При всей простоте Миша своей скромностью и тонкостью чувств мог бы соперничать с самым образованным человеком. Миша краснеет и пытается улыбаться милиционеру, и я чувствую, как ему неудобно за грубые шутки. Душа у него детская и чистая.

Сегодня у Миши сплошные искушения. После милиционера к киоску приехал холёный мужчина на дорогой иномарке. Купил, долго выбирая, пирожок с рыбой и кофе. А потом подошёл к сидящему за столом Мише и, присаживаясь, бросил ему: «Пшёл вон отсюда! Развелись тут, бомжи несчастные!»

Миша покраснел и встал. Бросил взгляд в мою сторону и кротко отошёл от киоска.

Сел на бордюр рядом с колонкой. Сидит. Голову опустил.

Мужчина из иномарки подходит ко мне второй раз: «Налейте, пожалуйста, ещё кофе».

Я глубоко вздыхаю. Мысленно прощаюсь с полюбившимся мне послушанием и отвечаю: «Простите, но я не могу налить вам кофе, пока вы не извинитесь перед моим братом, которого вы только что обидели».

Мужчина поражён:

- Перед вашим братом?!

- Да, Миша - мой брат. И ваш брат. Он очень расстроен. Утешьте его.

Я смотрю в глаза мужчине. Добавляю мягкости в голосе:

- Пожалуйста!

Выражение лица мужчины меняется. Как будто, встретившись взглядом со мной, он понимает меня и чувствует мою нежность к Мише.

Мужчина идёт к Мише, что-то говорит ему, хлопает по плечу. Они возвращаются вместе, и Мишу даже угощают кофе, хотя он деликатно отказывается. Мир восстановлен.

Мужчина садится в иномарку, вид у него весёлый. Он машет нам рукой и кричит: «Привет Оптиной!»

Мишин день кончается благополучно.

Кому-то Бог даёт ум, кому-то богатство, кому-то красоту. А Мише - кроткий нрав и доброе сердце.

У киоска снуют Божьи пташки. Те самые, которые не сеют и не пашут. А Господь их кормит. Всем посылает милосердный Господь на потребу. По словам псалмопевца Давида, Господи, «насытишася сынов, и оставиша останки младенцем своим!» И крох этих хватит рабу Божьему Мише...

Почти детективная история о щенках и конце света

Многое можно увидеть и услышать у монастырского киоска. Трогательное и комичное, грустное и весёлое...

Вот ребятишки - дети кого-то из паломников - принимают трогательное участие в судьбе собаки и её щенков. С утра в большой коробке щенков выносят и предлагают желающим. «Подарок из Оптиной!»

Мамаша сидит рядом. Это большая беспородная белая собака. Взгляд умный, заботливый и грустный. От коробки не отходит, даже будучи голодной: переживает о своих детишках. Когда её кормят, еду берёт очень деликатно, внимательно смотрит на благодетеля.

Щенки толстые и забавные, многие останавливаются и любят ими. Но брать домой не решаются: кто знает, какой величины и вида вырастут собаки из этих забавных щенков.

Один паломник веселит всех байкой про то, как мужик с медведем на ошейнике по рынку ходил. А когда у него спрашивали, кого он ищет, мужик сурово отвечал: «Да вот, ищу продавца, который мне год назад хомячка всучил недорого. Хочу познакомить его с подростком»

хомячком!»

Все смеются и с опаской смотрят на пузатых щенков.

Мне тоже приходится принять участие в их судьбе. Ребятишки прибегают за большой коробкой. Приходится перекладывать товар и жертвовать коробкой.

Немного погодя:

- Налейте нам в миску тёплой воды!

Недоумеваю: рядом колонка, из неё воды можно набрать сколько угодно.

- Но там вода холодная! Щенки могут простудиться! Налейте нам, пожалуйста, тёплой кипячёной воды для наших щенков!

Забегая в келью после обеда, взять старый шарф для щенков - на улице похолодало.

В общей келье новая паломница. Одета в чёрное. Требует называть себя матушкой. Вид строгий, устрашающий, речи такие же.

Матушка вещает замогильным голосом о знамениях конца света. Вокруг - испуганные паломницы. Слушают молча, с почтением. Подзывают меня, матушка «вербует» группу поддержки.

- Смотрите! Везде признаки антихриста! Крест попирают!

Мне в нос тычут тапки, на подошве которых узоры в виде ромбиков.

- Но это не кресты, это просто ромбики, сёстры! - говорю я успокаивающим голосом.

Взрыв негодования. Матушка возвышает голос:

- Наивная! Вот таких антихрист и обольстит в первую очередь! Нужна бдительность! Покажите, покажите ей, как крест попирается!

Где-то я это уже слышала, а да, у Гоголя в «Вие»: «Откройте, откройте мне веки!» Мне становится жутковато. Что же они мне покажут?

Мне торжественно подносят под нос женское гигиеническое средство, материал на котором в целях лучшей гигроскопичности сделан в виде ромбиков.

- Вот, смотри, смотри, как оскверняют распятие!

- Сёстры, здесь нет распятия. Это геометрический узор из ромбиков!

Теперь отношение ко мне меняется. Матушка в чёрном смотрит подозрительно:

- А ты кто такая вообще? Да ты православная ли?

Маленькая старушка выскакивает и ехидно докладывает: «А я видела, как она щенков кормит!»

Матушка в гневе:

- Соба-аки! Во свято-ом месте! Оскверняют обитель! Вот из-за таких, как ты, и приближается конец света!

Но народ уже потихоньку расходится, испуганный её напором.

Скорее беру шарф и ухожу.

Вечером заступаюсь за молоденькую паломницу. Она за столом газету читала, «Аргументы и факты». Эту газету я тоже читала. Купила её из-за речи Святейшего Патриарха Кирилла, напечатанной во всю третью страницу.

Матушка в чёрном неистовствует:

- Вы своими газетами мирскими, мерзкими, стол осквернили! Как мы теперь трапезничать будем?

Когда я заступаюсь за испуганную этим криком девушку, матушка окончательно теряет ко мне доверие. Взгляд убийственный. Я понимаю, что теперь я её враг.

На следующий день, как обычно, несу послушание в киоске. День будний, в обители пустынно. Выхожу протереть столы, пока покупателей нет.

Вдруг дружный рёв. Ко мне знакомые ребяташки подбегают, лица перепуганные, взгляд дикий. Заикаются. Кое-как добиваюсь от них: пришла тётка в чёрном с дядькой в телогрейке, собаку на верёвке дядька утащил, а щенков эта тётка в лес понесла. «Во-о-н она пошла!» - Ребята показывают в сторону реки.

Неужели топить? Мне становится страшно. Оглядываюсь вокруг. Никого из взрослых не видно.

- Ничего не бойтесь. Ничего страшного со щенками не случится. Найдите кого-нибудь из взрослых, какого-нибудь доброго мужчину. И идите за нами. Только одни не ходите! Всё поняли?!

Закрываю киоск на ключ и бросаюсь за скрывающейся из виду матушкой в чёрном. Мне жутко. Матушка явно не в себе. Конечно, она уже в годах, старушка, можно сказать. Но, с другой стороны, она меня ростом выше и тяжелее килограммов на двадцать. Догоняю её в роще.

В голову приходят ужасные картины: вот я разделяю участь щенков и тону в стремительной Жиздре. Смешно становится. Матушка, конечно, не в себе, но ведь не станет же она меня топить!

Матушка действительно не стала меня топить. Она просто врезала мне как профессиональный боксёр-тяжеловес. И я впечаталась в ближайшее дерево. Вот это удар! Кличко отдыхает! Тихонько сползаю вниз и оказываюсь сидящей на траве.

Во взрослом возрасте вроде бы я ни с кем в рукопашную не вступала. От шока не пытаюсь встать. Молча сижу и наблюдаю, как матушка кричит и размахивает руками перед моим носом.

Вот эта страсть матушки в чёрном к публичным выступлениям и помешала её блестяще задуманной операции по топлению щенков и отодвиганию конца света.

К нам подбегают ребяташки. А с ними... отец Н. Ну, конечно, умные мои детишки! Самый добрый дяденька - священник. Дальнейшее происходит как в тумане. Матушка в чёрном

неистовствует, почти прыгает. А отец Н. спокойно осеняет её несколько раз крестом.

И она сдувается как воздушный шарик, из которого выпустили воздух. И куда-то пропадает. Отец Н. подходит ко мне и помогает подняться.

- Как голова, не кружится? Стоять-то можешь?

- Батюшка, это просто какой-то иронический детектив. Бабулька отправила меня в полный нокаут. Но сила у неё какая-то нечеловеческая.

- Да, вот в этом ты права. Сила нечеловеческая. Ну ничего, не бойся, больше ты с ней не встретишься. Давай-ка пойдём потихоньку.

Ребятишки радостные убегают вперёд вместе с коробкой и щенками.

А я отчего-то начинаю плакать. И, почти заикаясь, сквозь слёзы, рассказываю отцу Н. про газету, и про ромбики, и про конец света. Отец Н. успокаивает меня:

- Ну, ничего-ничего. Конец света, говоришь? Ничего-о, Господь милостив, поживём ещё. Успокойся, тише, тише. Всё хорошо. Смотри - солнышко выглянуло. Весь мир Божий осветило. И травку, и людей, и пёсиков. Все Божии создания. Блажен, кто милует скоты. Иди с Богом, трудись. День-то только начинается...

Когда вечером я вернулась в келью, даже вещей матушки в чёрном не было видно. А на её койке сидела розовощёкая улыбчивая паломница с Украины.

Про Сашу и его сокровища

У киоска сегодня пустынно - будний день, а паломники приезжают в основном в выходные. Одинокий гость - паломник Саша. Любит монастырские пирожки и часто приходит попить чайку с пирожками. Наливаю Саше полную кружку горячего чая, он пьёт небольшими глотками и рассказывает о себе.

Раньше Саша работал мотористом на корабле. Несмотря на свою молодость, успел побывать в 24 странах мира. Саша любил весёлые и шумные компании. Мог много «принять на грудь». С одним выпьет, тот уснёт, а Саша к другому другу отправится, ему хочется общаться. Много было у него приятелей, многих он угощал. Хорошо зарабатывал, но так же быстро и тратил.

И вот как-то перестал он видеть в этой весёлой жизни смысл. Чего-то Саше стало не хватать. Плачет душа, ищет чего-то, а чего, сама не знает.

Один раз Саша ушёл из пьяной компании, потому что на душе стало очень плохо. И так бессмысленно всё показалось, что он отправился в храм. Приходит пьяный Саша в пустой храм, подходит к свечной лавке и начинает требовать священника:

- А где у вас тут поп толоконный лоб?

- Не поп, а батюшка.

- Хорошо, мать, батюшка так батюшка. Подай мне сюда батюшку! Плохо мне, мать, очень плохо. Помоги.

В свечной лавке оказалась по-настоящему верующая женщина. Она не вызвала милицию, а

строго сказала Саше:

- Батюшки сейчас нет. Служба давно закончилась. Вот тебе молитва Ангелу-хранителю. Это он тебя от пьяной компании оторвал и сюда привёл. Вставай вот сюда к иконам и читай вслух молитву!

И Саша не стал спорить. Он сам не знает, как и почему, но беспрекословно опустился перед иконами на колени. Стоит и пытается читать молитву. А буквы разбегаются. Никак прочитать не может.

- Матушка, почитай мне!

И сестра из свечной лавки опустилась рядом с ним на колени. Стала громко молиться. И заплакала. Так и молилась она сквозь слёзы. А Саша плакал вместе с ней. Слушал, плакал и шептал:

- Господи, ведь Ты же есть! Помоги мне! Ангел мой хранитель, помоги мне!

Когда они встали с колен, Саша почувствовал себя почти трезвым. Он вернулся домой.

И с этого дня всё в его жизни пошло по-другому. Исчезли пьяные компании. Саша поступил учиться в институт и поменял работу. Женится на верующей девушке. У них родился сыночек, Ярослав. «Хорошее имя - Ярослав, - говорит Саша. - Когда маленький, можно звать Ярик или Ясик».

У Ясика режутся первые зубки, и Саша каждый день звонит домой.

Он приехал в Оптину на 9 дней. Приезжает сюда уже семь лет подряд. Исповедуется, причащается, ходит на все службы и Акафисты.

Саша оглядывается вокруг и бережно достаёт свои святыньки. Он показывает их мне - это молитва-книжечка Ангелу-хранителю, старенькая, любовно обёрнутая в пакетик. Та самая, первая молитва, которую дала Саше сестра из свечной лавки.

Затем Саша показывает бумажную иконочку Святого Амвросия Оптинского, которую он приобрёл в свой первый приезд в Оптину. Иконочка потёрта на сгибах, но так же любовно обёрнута в полиэтиленовый пакетик. Эти иконочки Саша каждый раз прикладывает к мощам. Он хранит их в особом отделе бумажника.

Он бережно кладёт их обратно, при этом небрежно отодвигая крупные денежные купюры.

- Я эти иконочки всегда ношу с собой. Вот видишь - по карману, будто невзначай, похлопаю - здесь, со мной, мои святыньки. Знаешь, деньги не боюсь потерять. Деньги - что, их можно снова заработать. А вот иконочки - это да! Это мои сокровища!

Да, Саша! Где сокровища ваши, там и сердце ваше будет. Помоги тебе, Господи!

Про неслучайные случайности

Эта история паломницы Ольги. Ольга давно ездит в Оптину, окормляется у духовного отца - игумена А. Вот о чём она рассказала:

«Перед приездом в Оптину были у меня заботы многотрудные. И вот во время этих забот-

испытаний ещё раз убедилась я, что все случайности, происходящие в нашей жизни, - не случайны.

Началась эта история холодным апрельским вечером нынешнего года, когда я спешила домой после работы. Устала, замёрзла. Погода холодная, сырая, слякотная. Сейчас, думаю, под горячий душ, а потом чайку ароматного, книгу, тёплый плед - и в любимое мягкое кресло.

И вдруг вижу: у соседнего дома мужчина на костылях стоит. Вид у него совсем больной. Одет как бомж. Запах от него на версту дурной. Покачивается. Еле стоит на самом ветру.

Ну, думаю, стоишь и стой себе. Мало мне своих забот! Пошла к подъезду - оглядываюсь - стоит, покачивается, того и гляди - упадёт. Стыдно мне стало.

Понимаешь, когда в храме проповедь слушаешь о том, кто мой ближний, помнишь такую из Евангелия? Как мимо избитого и израненного разбойниками человека люди проходили и никто не останавливался? Все шли дальше по своим делам, как будто это их не касалось. И только один самарянин сжалился, перевязал ему раны и позаботился о нём. Вспомнила?

Так вот, когда читаешь Евангелие или проповедь слушаешь, возмущаешься: ну какие бесчувственные люди, как они могли мимо пройти? Не помочь в беде человеку?

Вот, думаешь: я бы ни за что мимо не прошёл! А потом проходишь и даже не замечаешь этого! Потому что израненный человек из Евангелия никак не связывается у тебя с бомжем, от которого дурно пахнет. Понимаешь?

- Понимаю, Олечка! Ну, а дальше что?

- Ну, что дальше? Вздохнула я тяжело, простилась в мечтах с пледом и чаем. Ну, думаю, похоже, горячий душ отодвигается на неопределённое время. Повернула назад. Подхожу и спрашиваю:

- Что с вами? Может, вам помощь нужна?

А он посмотрел на меня и вдруг всхлипнул, как ребёнок.

- Вы первая, кто остановился. Все мимо проходят. А я больше не могу стоять. Думаю, ну и ладно, упаду, значит, лежать буду. Замёрзну, значит, отмучаюсь. Не могу больше так жить, жизнь моя хуже собачьей.

Поняла я, что это надолго. Но делать нечего. Назвался груздем - полезай в кузов. Первым делом усадила я его на скамейку и спросила, где он живёт.

А он уже так замёрз, что губы не шевелятся. Показывает пальцем вверх. Ну, пошли мы с ним кое-как по подъезду, вверх по лестнице. Опирается он на меня полностью почти, а я только нос отворачиваю.

Думаю, вот «везёт-то» тебе, Оля, точно, пятый этаж! Оказалось, не этаж, а чердак! Так, думаю: в нашей жизни всегда есть место приключениям! Их даже искать не надо. Они находят нас сами. Привет самарянину!

Теперь меня надо будет подвергнуть полной санобработке. Иначе с работы завтра выгонят.

Поднялись кое-как. На чердаке у него куча тряпок - постель не постель, гнездо не гнездо. В

общем, ужас тихий! И говорит он:

- Я третий день не ел ничего.

Сбегала я в магазин, принесла еды, домой забежала, чаю горячего в термос налила. Поднялась на чердак, покормила его, чаем напоила. Смотрю: порозовел немного. А то бледный был, краше в гроб кладут! И рассказал он мне, как на чердаке очутился.

Боря когда-то бросил жену с маленьким сыночком. Ушёл от них к другой женщине, с которой и прожил 20 лет. Про бывшую жену и сына и не вспоминал никогда. Ничем не помогал. С новой сожительницей отношения не оформлял, прописка у него была старая у жены с сыном.

И вот пришло время, когда прошлое властно вторглось в жизнь Бори. Видимо, настал черёд платить по счетам. Сожительница умерла, а Борю из квартиры выгнали родственники этой женщины, заявившие о своих правах на наследство.

Куда деваться Боре? Жить-то где-то надо.

Отправился он по месту прописки. А там взрослый сын ему отвечает: «Я маленький тебе был не нужен. А теперь мне ты не нужен. Иди себе туда, где ты 20 лет был».

И Боря вернулся в дом, где прожил он двадцать лет, устроил себе постель на чердаке. И стал там жить. Скоро он потерял нормальный облик, от него стало дурно пахнуть. Соседи начали выгонять Борю с чердака. Потом он отморозил себе ноги. Увезли его в больницу. А потом он снова на чердак вернулся.

Начал сильно болеть. Несколько раз вызывали соседи ему «скорую», но потом и «скорая» перестала приезжать, потому что у Бори не было прописки.

Вот и сегодня вызвали «скорую», но она даже не приехала.

Я позвонила своему духовному отцу, и батюшка благословил меня привезти Борю в приют, который он построил рядом с Оптиной. Но сначала нужно было подлечить Боре ноги в больнице.

Ну, думаю, вот уж проблемы так проблемы! В такси его не посадят, может, и в больнице без прописки откажут.

А получилось всё так, как будто ангел нас охранял, все двери перед нами открывал и все препятствия устранял.

Вывела я Борю на улицу, подняла руку, голосую. Первая попавшаяся машина останавливается. И водитель соглашается отвезти нас в больницу.

Едем мы, я смотрю - а у него на панели - иконочка дорожная. Обычно на таких иконочках - Спаситель, Божия Матерь и Николай Чудотворец. А у этого водителя - ещё Амвросий Оптинский.

Я и спрашиваю: «Почему у вас иконочка Амвросия Оптинского»? Он даже немного обиделся: «А почему бы и нет, - говорит, - я в Оптину часто езжу, оптинских старцев почитаю. Окормляюсь там у игумена А. Очень духовный батюшка!» А я обрадовалась и говорю: «Да это же мой духовный отец! Вот по его благословию Борю в больницу везу».

Смеётся водитель: «Ну, мы с тобой как в индийских фильмах: брат сестру нашёл! А и правда, мы с тобой – духовные брат и сестра!»

Так что довёз он нас с Борей до больницы и денег не взял. Телефон оставил. Обещал помочь Борю в приют отвезти.

В больнице говорят: «Только с согласия главного врача можно вашего Борю в больницу положить. А к главному врачу на приём записываться нужно заранее!»

Только проговорили, смотрю – шепчут: «Вон, главврач пошёл!» Подбегаю к строгому высокому мужчине в белоснежном халате и быстро выпаливаю: «Нужно в приют Борю отправить, а перед этим в больнице подлечить!»

А врач смотрит на меня внимательно и спрашивает: «Это какой такой приют?»

- Приют, – отвечаю, – рядом с Оптиной.

- Ну-ка, пойдёмте ко мне в кабинет. Вы не от отца А. будете?

В общем, сплошные «неслучайные» случайности. Главврач, как ты, наверное, уже догадалась, бывал в Оптиной, и не раз. И приходилось ему дело иметь и с игуменом А., и с его приютом.

Так что подлечили Борю и в приют отправили.

Видишь, наш мир и вправду тесен. И как же все мы тесно связаны между собой особой духовной связью!»

Так заканчивает Ольга свой рассказ. Я слушаю эту историю и думаю: «А я бы остановилась или прошла мимо?» И понимаю, что нет у меня уверенности в ответе.

Про Гену, который потерял квартиру и работу, но чувствует себя счастливым человеком

Гена – высокий бородатый трудник в Оптиной. Его послушание заключается в том, чтобы привозить пирожки и хлеб в монастырский киоск, увозить пустые ящики, расставлять столы и стулья. Приходится и дрова колоть, и воду таскать. Работы хватает. Но Гена неизменно добродушен и весел. Он всегда улыбается.

- Ген, ты устал?

- Я-то? Слушай-ка: приходит отец домой, смотрит, а сын сидя дрова колет.

- Сынок, а чего это ты их сидя-то колешь?

- Да, я, батя, пробовал лёжа, да хуже получается!

И Гена смеётся счастливым смехом.

Гена очень добрый. Его невозможно обидеть. Он просто не обидится, потому что кроткий человек.

Блажени кротции... Может быть, Господь призрел именно на кротость Гены и привёл его в Оптину?

Потому что особых успехов и достижений в его жизни не было. Алкоголик-отец бросил семью. Мама много работала и мало интересовалась жизнью сына. Её сил хватало только на то, чтобы их маленькая семья выжила, не умерла с голоду.

Гена рано начал пить. А когда мама умерла и он остался совсем один, то стал горьким пьяницей.

Работал Гена дворником. На работе его ценили, потому что работал он хорошо, на совесть. По своей доброте и кротости никогда не отказывался от дополнительной работы, ни с кем не ругался.

- Ген, как же ты умудрялся работать, если сильно пил?

- Да как? Я ж напивался к вечеру. А с утра-то похмелюсь да и работаю весь день в приподнятом настроении. Чего люди попросят - я и сделаю. Просят - дак как откажешь-то? Идет народец по моей улочке - а у меня всё чисто!

Пути Господни неисповедимы. Как знать, что было бы с Геной дальше, не сведи его судьба с квартирными мошенниками. Сам Гена уверен, что «не было счастья, да несчастье помогло».

- Да это ж благодетели мои! Кабы не они, так я бы где был?! Знаешь? В земле бы давно лежал! А так я здесь, в Оптиной!

Мошенники позарились на квартиру Гены, а квартира ему по наследству двухкомнатная досталась в центре Москвы. Обмануть пьющего дворника было для бандитов делом нехитрым. Хорошо, что жив остался!

И вот пришлось Гене заключить под угрозами фиктивный брак. А когда фиктивная жена вошла в квартиру вместе со своим настоящим мужем, Гена мгновенно оказался в сумасшедшем доме.

- Это же просто фильм ужасов какой-то, Ген!

- Да не, в сумасшедшем доме ничего, нормально было. Меня лечащий врач любил, лекарствами особо не пичкал. А то бы я мог оттуда овощем выйти. Знаешь, это вообще-то страшное дело! Кладут нормального человека, а потом сделают пару уколов - и всё.

Был один, я с ним в шахматы играл. Умнейший мужик! Не угодил он сильно какому-то начальству. Я про это и дознаваться не стал. Меньше знаешь - крепче спишь. Полечили его немножко - вроде и есть человек - и нет человека: пузыри пускает и под себя ходит. Стал как овощ - понимаешь?

А меня в церковь отпускали, стал я чего-то в церковь ходить. Постоишь там - и на душе полегче. Двор я им в больнице убирал. Но чего-то тосковать начал. Родственников нет, никто обо мне не переживает, не заботится. Никому, думаю, ты, Ген, не нужен, ни одной живой душе. И квартиры у тебя нет теперь. Там теперь чужая женщина с мужем живут.

Сидят на твоей родной кухне, в окошко на твою любимую сирень смотрят. Матушкин портрет выкинули, конечно, на помойку. И твои модели самолётов, которые ты в детстве мастерил, тоже. А ты их берёг. Лётчиком когда-то мечтал стать. А какой ты лётчик?! Дворник ты, Гена, и пьяница!

И пёсика твоего Гриньку, наверное, усыпили. А пёсик у меня умнейший был, я тебе скажу! Я, бывало, сам не поем, а Гринька у меня всегда сыт и доволен. А зачем им мой пёсик? Он, как я,

беспородный!

И улицу твою родную какой-то другой дворник обихаживает.

Начал я, стало быть, тосковать. Вот, думаю, жил ты, Гена, как дурак, и умрёшь ты в дурдоме.

А тут ещё и приболел я, воспаление лёгких началось. Температура 40 градусов. И вот вкололи мне какое-то лекарство новое, импортное. Я и потерял сознание. Потом рассказали, что была у меня остановка сердца. Смерть клиническая. И попал я в другой мир.

- А как там, Ген, в другом мире?

- Ну как? Это нельзя объяснить. Вот наш мир - трёхмерный. А там - нет. Про тот мир рассказывать - это как слепому объяснять, какого цвета небо. Или дерево. Только когда назад возвращаешься, всё что здесь - не так важно. Одна мысль - осталось ли время на покаяние?

Стал я поправляться - и снится мне сон. Иду это я по дорожке, вокруг здания деревянные, ангелочек с трубой на часовенке, впереди храм. И чувствую, что так мне хорошо во сне-то, что понимаю я - здесь моё место. Вдруг упал. Встаю, отряхиваюсь и в храм захожу. Тут и проснулся.

Стал на ноги вставать и в церковь отпросился. Прихожу, а там праздник. Иконы Божией Матери. Одигитрии. Теперь я знаю, что Одигитрия - Путеводительница.

Стою на службе. Вдруг подходит ко мне монахиня и говорит: «Что, сынок, плохо тебе? В Оптину поезжай! Туда твой путь!» Оглянулся - нет её. Ну, думаю, вот, Гена, и галлюцинации начались. Недаром в дурдоме лежишь.

Но про Оптину запомнил. Хотя и не знал тогда, что это за Оптина такая.

Выписали меня из больницы. Врач мой, хороший мужик, тихонько мне говорит: «Домой не ходи. Если, конечно, не хочешь снова к нам попасть. Или куда подальше. На вечный покой, например». Я и поехал в Оптину.

Приезжаю, иду и вижу - вокруг здания деревянные, вот и часовенка, а на ней ангелочек с трубой. Впереди храм. Всё как во сне.

Ну, думаю, надо идти поосторожней, сейчас упасть должен, как во сне. Пошёл медленней, а там лёд снегом припорошен, я поскользнулся и - бац! Упал! Лежу себе, а упал мягко, немного и думаю: ну надо же! Встаю и иду к храму.

Вот так я в Оптиной и остался. Вот, живу уже два года. Бог даст, хотел бы жить тут до конца жизни. Чтобы тут и умереть.

А недавно меня брат, с которым на одном послушании работаем, подозвал:

- Смотри, - говорит, - Ген, чудо какое! На такой роскошной машине муж с женой приехали, сами одеты с иголочки, богатые, видать! Час вокруг монастырских стен ходят, а войти не могут! Как будто их невидимая сила не пропускает! Смотри, смотри - щас уедут!

Я посмотрел - «моя» жена с мужем со своим! Сели в машину - злющие! И отбыли восвояси. Ну, думаю, наверное, помолиться надо за них. Это благодаря им я в Оптиной-то оказался!

Рассказ Гены прерывает крик трудника Вити:

- Ген! Иди, подсоби! Помощь твоя нужна!

Мне жалко Гену. Он сегодня много работал, и видно, как сильно он устал.

- Ген, это не твоё послушание, передохни!

- Просят - дак как откажешь-то? Пойду уж я... Давай с Богом, до завтра!

Как Таня собиралась выйти замуж, да не вышла

В келье моей новой соседкой оказалась очень милая девушка. Назовём её Таней. Тане немного за тридцать, но выглядит она гораздо моложе. Густые каштановые волосы, добрые и выразительные карие глаза, во всём облике Татьяны - мягкость, доброжелательность.

Таня старалась всем в келье помочь, услужить. Кому-то воды для чая принесёт, кого-то разбудит на службу, кому-то поможет вещи упаковать, до автобуса проводит.

Мы с ней подружились быстро. Таня слушала мои рассказы о паломничествах, про Псково-Печерский монастырь, про Киево-Печерскую лавру. Она была такой благодарной слушательницей, что хотелось рассказывать ей всё новые и новые истории.

Когда Таня узнала, что у меня осталось маловато денег, она предложила мне помощь, от которой я вежливо отказалась. Когда я провожала Таню, мы обе чуть не плакали, так сдружились, пообещали не теряться и писать друг другу, что сейчас и делаем. После её отъезда я нашла у себя под подушкой подарок и довольно большую сумму денег, которые она мне оставила. И записку, где старательным, почти детским почерком было выведено: «Милая сестрёнка! Если кто-то хочет сделать доброе дело, то не нужно ему мешать».

Таня рассказала мне свою историю о том, как собиралась замуж, да не вышла.

Она работала бухгалтером в университете, начальником отдела. Любила в свободное время паломничать по святым местам. Очень нравилось ей в храме, особенно на монастырской долгой службе. Забудешь обо всём. То ли на земле ты, то ли на небе? Так бы и осталась навсегда в монастыре... Последний год они ездили впятером с друзьями, потом друзья потихоньку отпадали от общей компании, пока наконец не осталась Таня вдвоём с Сашей.

Отношения были у них чисто дружеские, ездили они вдвоём на Ганину Яму, по святым местам Урала. И потихоньку поняла Таня, что очень ей Саша нравится. Вот и замуж за него бы выйти не отказалась.

Но Саша относился к ней как к другу и замуж звать не хотел. В минуты откровенности Саша объяснил, что нравятся ему фигуристые блондинки. А Таня и не блондинка, да и фигура у неё обычная, ростом невысокая, полноватая. В общем, не топ-модель.

Но для общения и дружбы Таня ему очень подходила. Кому расскажешь о всех своих проблемах? Тане! Кому поплачешься в жилетку? Тане! Она добрая - и выслушает и поддержит. Так что как друг она Сашу вполне устраивала.

Только Тане стало тяжело так жить. Тебе человек нравится, а он в тебе только друга видит. Но оттолкнуть Сашу она тоже не могла - как-то не по-православному это. Ведь друг говорит, что нуждается в тебе, помощи ищет, поддержки - как его бросишь? Так и продолжалась эта дружба.

Саша всё бодрее и жизнерадостнее выглядит, но Тане продолжает душу изливать, переживаниями и проблемами делиться. А она всё Сашу утешает, советы даёт, опекает. Только что-то всё печальнее становится. Вот и личико осунулось. И глазки грустные постоянно.

Долго ли, коротко ли это продолжалось, только собрались они ехать на выходные в очередную паломническую поездку – в С-ий монастырь. Приезжают. И очень там Тане понравилось. И храм. И сосны вокруг монастыря. И сёстры. И батюшка – схиигумен С. Ещё не старый, но весь седой. А глаза – как будто в душу смотрят. Как рентгеном просвечивают.

Посмотрел отец С. на Таню и говорит ей: «Хорошо было бы тебе в монастыре остаться. Если захочешь – оставайся».

- Я, батюшка, не знаю. Иногда о замужестве думаю. И не знаю, есть ли воля Божия на замужество моё. Мне за тридцать уже. А жениха нет. Очень мне нравится молодой человек, который со мной приехал. Да он меня не любит. А по монастырям-то давно я езжу. И очень мне нравится в монастыре жить. Если нет воли Божией на мою семейную жизнь, то очень бы мне хотелось остаться в монастыре. Как узнать-то волю Божию насчёт меня, батюшка?

Посмотрел отец С. на девушку внимательно, улыбнулся и вдруг подзывает девчущку лет десяти, Марину, и при Тане начинает с ней разговаривать:

- Понравился Марине Толя. Думает она: может, замуж выйти за него. А я этого Толю к себе подзываю и спрашиваю у него: «Возьмёшь ты её в жёны?» А Толя молчит. Я второй раз спрашиваю: «Готов ли ты на ней жениться?» А Толя покраснел как рак, с ноги на ногу переминается, молчит. Я в третий раз спрашиваю: «Если жениться не хочешь на ней, я её в монастыре оставлю. Берёшь её в жёны?» А он только молчит да головой мотает – нет, дескать, не возьму. Вот так-то... Поняла, Таня? А ты, Марина, беги, деточка, играй!

Девчущка, слушавшая в недоумении, начинает улыбаться. Видно, что через пять минут забудет, о чём речь шла. А батюшка у неё ещё и спрашивает: «А ты хоть Толю-то знаешь?» Девчущка мотает головой – никакого Толю она не знает. И, весело улыбаясь, убегает.

А отец С. говорит Тане:

- Вот видишь, как оно бывает. Бывает, что в миру-то человека ничего хорошего не ждёт. Потому что Господь ему другой путь уготовал.

И ещё, деточка, запомни, что тебе скажу: будет тебя кавалер склонять на незаконную связь, так ты нипочём не соглашайся. Скажи, что если хочет близости – пусть женится, венчается. А на блуд не соглашайся. Запомнила? Ну, иди с Богом, служба скоро.

Пришла Таня к Саше и рассказывает, что отец С. ей в монастыре предложил остаться. Саша вознегодовал:

- Как в монастыре?! Зачем в монастыре?! Что это он придумал! А я-то с кем останусь?! Кто будет меня поддерживать?! Ну-ка пойдём, я хочу сам с ним поговорить!

Взял её за руку и за собой потащил. Подходят они к отцу С. А он вдруг и говорит Саше, показывая на Таню:

- Возьмёшь ты её в жёны?

А Саша, который до этого кипятился и поговорить хотел, вдруг замолкает. Молчит. Второй раз

бабушка спрашивает:

- Готов ли ты на ней жениться?

Таня стоит ни жива ни мертва, а Саша покраснел как рак, с ноги на ногу переминается, молчит. Бабушка в третий раз спрашивает:

- Если жениться не хочешь на ней, я её в монастыре оставлю. Берёшь её в жёны?

А Саша только молчит да головой мотает - нет, дескать, не возьму.

Тут бабушка к Тане поворачивается и говорит ей печально:

- Вот так-то...

А когда поехали Таня с Сашей домой, Саша, до этого относившийся к ней как другу, вдруг начал уговаривать её «попробовать», стал добиваться близости с ней.

Аргументом было:

- Ты мне как женщина не нравишься совсем. Но хочется посмотреть, а вдруг ты мне и понравишься?

На что Таня, помня слова отца С., ответила категорическим отказом. И предложила любителю экспериментов законный брак. После чего он быстро исчез с горизонта.

Ну, а Таня сейчас трудится на послушании в полюбившемся ей монастыре. Только зовут её теперь не Таня, а мать Сергия.

Оптинские истории. Записки экскурсовода

Небольшое вступление

Давно ли я писала: «В Оптиной я тружусь на послушании уже месяц». Пять лет прошло - как один день. И теперь я могу написать: «В Оптиной Пустыни я тружусь на послушании пять лет». Последние два года - старшим экскурсоводом Оптиной экскурсионной службы. За это время записала много историй: радостных и печальных, поучительных и просто забавных. Решила поделиться несколькими историями с вами, дорогие читатели.

И чего я тут не видела?!

Приехала в Оптину паломница. Идёт по обители и громко вслух возмущается:

- И чего я сюда только приехала?! И чего я тут не видела?! Несколько храмов да несколько домишек - больше и нет ничего! Оптина Пустынь, Оптина Пустынь! И чего я сюда толькоехала?!

А ещё экскурсовод...

Муж с женой во время экскурсии:

- Вы знаете, мы прочитали в книге «Пасха красная»: космонавты видели из космоса, как от Оптиной Пустыни поднимается столб света. Мы поняли так, что это благодать, по-видимому...

Не могли бы вы нам показать место в Оптиной, откуда столб света исходит? Ну, точку дислокации, так сказать... Как это не можете?! А ещё экскурсовод...

Родительское пожелание

- Будьте добры, расскажите нам, пожалуйста, на экскурсии по Оптиной что-нибудь этакое... Какое? Ну, вы же понимаете, такое... Богодухновенное! Чтобы мои дети-подростки сразу - раз - и в Бога уверовали!

Тихон сидит тихо

- Мы на экскурсию к вам - с ребёнком. Восемь месяцев. А куда же нам его?! Да, младенец... Да, экскурсия длится больше часа... Не, вы ему не мешаете! И он - вам! Он - Тихон и будет вести себя тихо!

Маленький Тихон действительно ведёт себя тихо, слушает про оптинских старцев и блаженно улыбается все полтора часа.

И всё для того, чтобы...

Паломница жалуется:

- Вот наша жизнь - грешить да каешься... Бегаешь за батюшкой, ищешь его, ищешь - и всё для того, чтобы наговорить про себя кучу гадостей! Ага, это я про исповедь!

Праздник преподобной Марии Египетской? Сегодня? Ну, что я могу сказать по этому поводу?! Мария Египетская, конечно, имеет отношение ко всем нам... Вот только мы к ней никакого отношения не имеем!!!

Деликатно и неделикатно

Паломник опровергает недостоверную информацию:

- Если говорить деликатно, то это недостоверно... А если говорить неделикатно - то это бред сивой кобылы!

Ум в голове сидит!

В очереди на исповедь - высокая полная дама уже в годах, с пышной химической завивкой, на самом верху которой узенькая полоска шарфика, на лице явный перебор косметики. Дождавшись очереди, громко:

- Отец Н.! Вот молитва Иисусова чего-то не идёт у меня! А чего - не понимаю! Вот вы мне объясните: как это ум в сердце опускать надо? А то он у меня никак не опускается. Так в голове и сидит! Ум-то!

Отец Н. что-то деликатно и тихо отвечает. В ответ всё так же громко, на весь храм:

- Как это - не надо мне опускать ум в сердце?! Как это Господь Сам устроит?! Я книжки духовные читаю! Я вам не какая-нибудь бескультурная!

Можно вам исповедаться?

- Алло, это экскурсионная служба?
- Да, здравствуйте.
- Оптиная Пустынь?
- Да, слушаем вас.
- Можно вам исповедаться?

Тогда я тоже постою

В Оптиной на Литургии всегда очень много паломников. Начинается причастие. Стоим в очереди. Очередь очень большая. Меня дёргают за рукав. Оборачиваюсь: за мной с ноги на ногу переминается паломница средних лет, на брюки повязан платок, губы ярко накрашены. Глаза удивлённые.

- А куда это очередь?
- На причастие.
- А... Тогда я тоже постою.

Сестра рядом со мной спрашивает:

- А вас благословили причащаться?
- Где меня должны были благословить?
- На исповеди.
- На какой такой исповеди?
- Где в грехах каются...
- В грехах?! У меня нет никаких грехов!

Присяду, пожалуй

Идёт вечерняя служба. Сестры достают маленькие стульчики и присаживаются. Одна из паломниц за моей спиной возмущённо шепчет:

- И-ишь, расселись - как в театре!

Пожилая монахиня ласково успокаивает её:

- Простите нас, немощных, когда можно сидеть, мы присаживаемся...
- И-ишь, какие! Я вот - стою перед Богом!

Молодой паломник, стоящий рядом, не выдерживает и ехидно спрашивает:

- И часто вы в храм ходите, стоите перед Богом?!

- ...Ну, раз в месяц или в два. - Голос паломницы теряет свою воинственность.

- А они - каждый день после послушания, и монастырские службы - длинные...

Читают кафизмы, и паломница за моей спиной громко вздыхает, перетаптывается с ноги на ногу. Предлагаю ей свой стульчик:

- Отдохните.

- Да, чего-то я сильно притомилась... Присяду, пожалуй...

Девушка с голубыми волосами

Паломница рассказывает:

«Дело было в нашем храме. Скромно одетая девушка подходит к священнику после службы:

- Батюшка, я вот хочу свою подругу к нам в храм привести...

- Бог благословит, приводи.

- Да она, батюшка...

- Что такое?

- Да она... Совсем никакая... И выглядит...

- Ну, как она выглядит?

- Да одежда и причёска - совсем для храма неподходящие...

- Ничего... К нам тут вообще ходила девушка с голубыми волосами и кольцом в носу...

- Батюшка, это я была - год назад...

- ...»

Это я, но не к вам!

Захожу в паломническую гостиницу. На мне чёрная длинная юбка, чёрный жилет, на голове платок - так одеваются все, кто трудится на постоянном послушании в Оптиной. Мне навстречу - радостные паломницы, которые заждались дежурного администратора паломнической гостиницы:

- Ой, это вы! Наконец-то!

- Нет, это не я! То есть это, конечно, я, но не к вам...

И мы дружно смеёмся.

Как Ока?

Едем из Оптиной на автобусе. Весна, половодье, сильный разлив всех рек в Калужской области: Оки, Жиздры и других. На остановке – рядом автобус из другого края. Наш водитель, не обратив внимания на номера, высовывается из кабины и спрашивает у другого водителя:

- Как Ока?

Неместный водитель не понимает вопроса. Слышит только непонятное: «Ка-ка-ка?» Страшно удивляется. Крутит в ответ пальцем у виска и передразнивает:

- Ко-ко-ко!

Вы знаете, что такое благодать?

В Оптину приехал старец, отец Илий. Батюшку окружает толпа, все стараются что-то спросить, получить благословение. Вниманием старца завладевает одна паломница:

- Батюшка, вы знаете, в нашем городе один храм – такой благодатный! А другой – не очень... Есть ещё один – там благодати совсем нет!

Старец печально:

- А вы знаете, что такое благодать?

Вот это любовь!

Игумен Н. рассказывает про своего духовного отца, старца Иоанна Крестьянкина:

«Как-то ждал я очереди к бабушке. Вот очередь уже скоро подойдёт, осталась передо мной одна бабушка. Задаёт она старцу вопрос. Он ей отвечает. Бабушка снова спрашивает то же самое, и старец ей опять то же самое отвечает. Бабушка спрашивает снова, другими словами, но тот же вопрос. И отец Иоанн Крестьянкин спокойно и терпеливо другими словами повторяет ей тот же ответ. Я уже закипаю и думаю: «Всё уже и так понятно, ну ведь ответил тебе старец, ну что же ты его так мучаешь-то, вредная же ты бабулька!» А старец терпеливо продолжает ей объяснять полчаса одно и то же.

И отец Н. заканчивает свой рассказ неожиданно:

- Вот это любовь! Вот это терпение!»

Обычный день обычного оптинского отца

Отец Н. встал, как обычно, в пять утра. Полунощница, ранняя Литургия, с девяти утра и до половины первого принимал исповедь. Люди шли нескончаемой вереницей: некоторые только исповедались, другие, их было больше, после исповеди задавали вопросы, просили совета, жаловались на скорби и болезни, просили молитв. Вникал, отвечал, советовал, молился за каждого, читал разрешительную молитву. К половине первого почувствовал полное изнеможение. После трапезы стало полегче, зашёл в келью, но уже через полчаса отправился чинить колодец на святом источнике, затем на монастырскую стройку. Потом служил на Всенощной, помазывал, в конце службы вышел с другими отцами на исповедь. Последние исповедники были в половине первого ночи: в выходные приезжает очень много паломников.

В час ночи пришёл в келью, помолился. Упал на доски кровати. Что-то крутилось в голове. Что? А, вспомнил! Сегодня у него – день рождения. Пятьдесят лет. Ну что ж... «Многая лета» ему спели на день ангела, а дни рождения монахи не отмечают...

Отец Н. уснул мгновенно и улыбался во сне: ему снилось детство, мама и праздничный пирог.

Бестолковые послушницы

Мать Е. уже много лет трудилась на одном ответственном послушании. В помощь ей постоянно присылали паломниц. Только паломницы попадались совершенно бестолковые. Всё что-то путали, либо спешили и портили работу, либо слишком возились и не успевали. Мать Е. шла к старшей и просила:

- Помощница у меня очень бестолковая. Пожалуйста, пошлите другую, посмышлёней да порасторопней.

Старшая меняла помощницу, но новая каждый раз оказывалась хуже предыдущей, и так дело дошло до того, что матери Е. приходилось одной выполнять всю работу, потому что последняя помощница больше портила дело, чем помогала.

В отчаянии мать Е. отправилась к духовнику жаловаться на бестолковых паломниц. На жалобу духовник ответил:

- Так и будет у тебя, пока станешь их менять. Терпи ту, которую прислали.

Мать Е. стала терпеть, и скоро дело чудесным образом поправилось: с работой паломницы стали справляться.

Наконец-то помолюсь!

Две инокини из женского монастыря рассказывают:

«Пришли мы в монастырь, все – неопытные, новоначальные. И наставницы наши такие же – преемственность монашеская утеряна, стариц, да и просто опытных монахинь, днём с огнём не сыщешь... Кто как горазд, тот так и подвизается... Одна трудница всё время жаловалась:

- Помолиться некогда: всё время на послушании! Да и негде: в келье по несколько человек живём!

- А на службе?

- Да на службе, среди людей – какая молитва?!

Стала она одна ночью ходить в храм. А другая трудница была зациклена на колдовстве и порче и всё выискивала вокруг колдунов. Вот она и стала духовнику жаловаться:

- Батюшка, я проследила за сестрой ночью, в окно храма видела, как она посреди церкви руками машет и завывает – ну, точно, колдует! Колдунья она, батюшка, точно колдунья!

Духовник очень удивился и остался после вечерней службы в алтаре. Стемнело, слышит – пришла трудница. Духовник тихонько выглядывает и видит, как она встаёт на колени и радостно, на весь храм восклицает:

- Наконец-то помолюсь от души, Господи!

И начинает громко молиться, при каждом слове воодушевлённо и высоко взмахивая руками:

- Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас: батюшку дорогого, всех сестёр и меня, грешную!»

Откровение помыслов

Инокня, приехавшая в Оптину в паломническую поездку, поделилась, как лет пятнадцать назад, когда их монастырь только начал своё существование, настоятельница решила ввести традиционное монашеское делание - откровение помыслов. Но сестры, не привыкшие к такому деланию, вместо откровения помыслов стали впадать в грех осуждения, наушничества, сплетен. Появился соблазн с помощью этих самых откровений снискать себе льготы или, наоборот, восстановить матушку против тех, кто не нравится. Сёстры стали называть это откровение помыслов - откровением доммыслов.

А поскольку в большинстве своём они были люди искренние, имеющие желание подвизаться, то скоро поняли (и первая - настоятельница), что до откровения помыслов ещё дорасти нужно. И тем, кто открывает, и тому, кому открывают. Настоятельница отменила «доммыслы», и каяться в помыслах сёстры стали на исповеди - опытному духовнику.

Об этой грустной истории я рассказала игумену С., духовнику уральской женской обители. Большинство сестёр этой обители (а я хорошо их знала, так как десять лет окормлялась и несла послушание в этом монастыре) начали иноческую жизнь лет пятнадцать - двадцать назад. Чистые, ревностные, они пришли не из-за скорбей и напастей, а потому что возлюбили Господа. Господь призвал - и они пришли. Этими сёстрами можно было залюбоваться. Страсти ведь оставляют отпечатки на лицах людей: в выражении глаз, уголках губ. А тут передо мной были удивительно светлые лица, на которых - след не страстей, а чистоты и молитвы.

И духовник сказал тихо:

- Вот если они будут и дальше подвизаться, трудиться и молиться, то, возможно, лет через пятьдесят обретут духовный опыт и кто-то из них станет не старушкой, а старицей и сможет принимать откровение помыслов.

Скорее покупайте!

Инокня с юмором вспоминает о себе самой десять лет назад:

- Пришла в обитель юной девушкой, подвизалась ревностно, по новоначалию её заносило. Так, начитавшись про память смертную, про то, как древние старцы даже заранее себе гроб сколачивали и в нём спали, старалась всячески эту самую память смертную хранить. И начала себе собирать погребальное облачение: молитву, сорочку, тапочки и так далее. Только никак не могла купить крест, который кладут обычно в гроб. Простой такой пластмассовый крест.

И вот заходит в монастырскую лавку, а там привезли большие чёрные пластмассовые кресты. Она обрадовалась, скорее купила. Бежит, радостная, к сёстрам и кричит громко:

- Сёстры, кресты в гроб привезли, идите скорее себе покупайте!

Немая сцена...

Ода бабушкам

Приехав в Оптину, у меня остановилась настоятельница монастыря Казанская Трифонова женская пустынь, мать Ксения. В этом уральском монастыре я окормлялась десять лет и была очень рада принять матушку у себя.

Сёстры этой обители часто делятся со мной историями, которые ложатся в основу моих рассказов. И мать Ксения тоже поделилась своими воспоминаниями:

- Оля, я расскажу тебе о бабушках. О каких? О своих и вообще - просто о бабушках. Мне хотелось бы воспеть настоящую оду нашим бабушкам!

Ты ведь знаешь: мне, как настоятельнице монастыря, приходится общаться со многими людьми, с паломниками. И часто люди признаются: «Я вот пришёл к Богу в зрелом возрасте. Сам не знаю почему. Без каких-то видимых причин...» Тогда я спрашиваю:

- А у вас в семье был кто-то верующий?

- Да. Моя бабушка.

Они не в лике святых, наши бабушки. Чем же они могли так угодить Богу, что Он слышит их молитвы?

Взять мою бабушку... У меня мама и папа неверующие. Такие времена были, что людей от веры отбивали. Они такие и выросли. Октябрята, пионеры, комсомольцы. Религия - опиум для народа. Мама и папа запрещали бабушке меня крестить, запрещали ей учить меня молиться. И для бабушки это была глубокая боль на сердце. Как и для других бабушек. Они так это всё терпели, с такой болью, что нельзя крестить младенчиков, нельзя причащать.

Многие из них так и умерли, не дождавшись возможности растить внуков в вере. Они только верили сами. И ещё - они доверяли Богу. Мало ведь просто ходить в церковь. Нужно впустить Бога в свою жизнь, доверять Ему, уповать на Него. Они просили у Бога за своих неверующих детей и внуков. И Господь не посрамил их исповедническую веру.

Если взять историю моей семьи... Мой папа появился на свет, когда деду исполнилось пятьдесят. Когда родилась я, мой папа тоже был уже в годах. Вот так и получилось, что мои дедушка и бабушка родились в девятнадцатом веке, а я живу в двадцать первом. Интересно, да?

Две бабушки. Мамина и папина. Обе - верующие. Мамина, бабушка Дарья, - очень благочестивая, нищелюбивая, принимала странников, отдавала даже крохи. Стирала нищим одежду, прожаривала её в печи.

Папина, бабушка Ксения, была молитвенницей. Она умерла, когда мне исполнилось всего три года. Но она так молилась за меня, что, когда перед постригом меня спросили об имени, я мистически почувствовала, что хочу её имя.

И я так благодарна своим бабушкам! Одна была милосердной, другая молилась за меня. И по их молитвам я - монахиня, мать Ксения.

Когда стала монахиней, молилась за родителей. Они были неверующими людьми. Через семь лет мама начала читать Псалтирь. Потом они с папой обвенчались. В нашей семье было принято жить по совести. И это помогло мне прийти к Богу, потому что совесть - глас Божий в

человеке.

У нас в монастыре мать Валентина рассказывала мне, что её верующая мама много молилась за неё, а она сама даже в храм не ходила. И когда мама умерла, дочь пошла в церковь. Потом стала монахиней Варварой, а ещё позже – схимонахиней Валентиной. И это тоже образец исповеднической материнской веры. Обильный плод материнских молитв. И с этой верой они ушли в другой мир.

А как-то к нам в монастырь привезли женщину тридцати семи лет. Привезли, как больного человека привозят в лечебницу. И она рассказала мне свою историю. Муж у неё гулял, а чтобы жена не мешала, стал её спаивать. А потом ушёл от неё. И она наглоталась таблеток. Реанимация. Клиническая смерть. А она – чувствует, как душа от тела отделяется. И видит: её прабабушка стоит перед Богом на коленях и просит со слезами: «Отложи, Господи!» И чувствует: душа назад в тело возвращается. В реанимации её уже собирались увозить в морг. Смотрят: возобновилось сердцебиение.

Да... Наши бабушки – они не в лике святых, но они имеют дерзновение перед Богом... Вот такая моя ода нашим бабушкам!

По святым местам

Мать Ксения продолжает:

– А ещё, Оля, я хочу рассказать о том, как полезно по святым местам ездить, даже неверующим людям.

В девяносто первом году я была ещё неверующей. Купила многодневную путёвку «Бахчисарай – Ялта». Привезли нас на экскурсию в пещерный монастырь. Смотрю: на скале изображение, в центре – в красном, по краям – в клеточку. Кто это – понять невозможно. Но я отчего-то долго смотрела на это изображение. И как будто что-то хотела узнать, понять, в общем, в душе что-то произошло, а что – совершенно непонятно.

Вернулась домой. А потом пришла к Богу, потом – в монастырь, и вот уже восемнадцать лет в монашеском постриге. И решила я как-то посмотреть, в какой день меня постригали. Оказалось, это было двадцатое марта, день семи священномучеников, в Херсоне епископствующих. Я даже расстроилась. День пострига всегда важен для монашествующих, у многих он выпадает на какой-то церковный праздник, а у меня – совсем неприметный.

И вот в 2001 году я снова оказалась в Бахчисарае. У той же скалы, где когда-то со странным чувством пыталась разглядеть изображение. Теперь там был храм Успения Пресвятой Богородицы, и над ним – восстановленное изображение Пресвятой Богородицы в красном и семи священномучеников, в Херсоне епископствующих.

И я заплакала. Думаю, не нужно объяснять причину моих слёз...

Мир святых так близок!

Готовили к постригу послушницу. Мать Ксения спрашивает у неё, в честь какой святой она хотела бы имя получить. В честь Матроны Московской, мученицы Веры... А сестра твёрдо отвечает:

– Я хотела бы, чтобы при постриге меня нарекли Марфой. Марфа – сестра святого Лазаря. И вообще – красивое старинное русское имя.

Отец Савватий, духовник, говорит:

- Хм... Марфа... Пусть подумает, может, ещё имя выберет...

А сестра просит:

- Марфа... Я буду молиться, чтобы - Марфа.

При постриге отец Савватий, как обычно, приготовил несколько записок с именами святых, помолился и вытянул... Марфу.

Мать Ксения улыбается:

- Святая взяла её под свой покров. Знаешь, в таких случаях всегда чувствуешь: да, невидимые силы действительно предстоят. И мир святых, ангельский мир - он так близок! Душа после пострига постепенно изменяется. Даже черты характера меняются. Ты был одним человеком, а становишься другим. И смотришь на вещи по-другому... И становишься немного похожим на своих небесных покровителей.

Назидательная беседа на ночь

Приехали в Казанскую Трифонову пустынь паломники: папа, мама, сынишка-школьник и дочка лет пяти. Отец им на ночь обычно читал или рассказывал что-нибудь доброе, старался, чтобы ещё и полезный был рассказ, назидательный. И вот в один из вечеров он стал рассказывать о том, что не нужно бояться никаких страхов. А бояться нужно только греха. Долго рассказывал, сам увлёкся, примеры приводил. Жена - и та заслушалась. Когда закончил - легли спать.

А дочка Настя никак не засыпает, всё к маме жмётся.

- Доченька, ты чего не спишь?

- Я боюсь!

- Чего же ты боишься?! Смотри, как вокруг всё уютно, и лампадка горит, и мама-папа рядом. Папа ведь только что рассказывал, что не нужно бояться никаких страхов! Чего же ты боишься?!

- Я согрешить боюсь!

И кому мы это «Многая лета» поём?!

У Насти день ангела. Мама, папа и брат поздравляют её и поют дружно «Многая лета!».

- Настенька, доченька, и кому мы это «Многая лета» поём?!

- Лету!

Как тебя зовут, благодетель ты мой?!

Н. приехал в Оптину помолиться, потрудиться. В обители ему так понравилось, такой мир и покой душевный обрёл, что решил остаться здесь навсегда. Сначала хотел попытаться стать трудником. Но не смог: всю жизнь работал шахтёром, и хоть на вид мужчина ещё крепкий, но работать физически уже не может - руки сильно болят и дрожат.

Поехал, продал дом на родине за пятьсот тысяч, попытался купить жильё рядом с Оптиной, чтобы каждый день бывать на службах, окормляться у духовного отца. Время идёт, а за пятьсот тысяч никакого жилья не продаётся. Искал-искал, не может найти. Духовник благословил читать каждый день акафист святителю Николаю-Чудотворцу. Прочитал он несколько дней акафист – нашлась квартира. Хоть и в бараке, но подведены и газ, и вода. И хозяин просит удивительно мало – четыреста тысяч. Таких и цен за жильё нет уже в Козельске.

Н., радостный, говорит хозяину:

- Брат, да возьми хоть четыреста пятьдесят!
- Нет, четыреста хватит. Живи на здоровье.
- Да как тебя зовут-то хоть, благодетель ты мой?!
- Николай...

Неверующий Николай Иванович

Когда атеисты радостно объявляют, что у нас в стране неверующих больше, чем верующих, я всегда вспоминаю неверующего Николая Ивановича.

Меня попросили по вечерам поработать преподавателем английского языка для студентов вечернего отделения колледжа. Деньги нам с мамой очень нужны. Тружусь днём в Оптиной, два вечера в неделю – в колледже. Потихоньку знакомлюсь с коллективом.

Николай Иванович – преподаватель технических дисциплин, лет под шестьдесят, бывший военный. Весёлый, шумный и, по его словам, совершенно неверующий.

- Вон верующие пошли в Оптину, эх, мужики-то все бородатые, женщины в платках да в длинных юбках... А я-то сам – неверующий...

Николай Иванович любит шутить:

- Так! Что у нас в буфете осталось? Ни-че-го! Чай выпили, сахар съели!

Как-то мне срочно понадобилась мужская помощь: починить насос, который качал воду из скважины под домом. Я без особой надежды попросила Николая Ивановича помочь. И он тут же откликнулся на просьбу, долго возился с насосом, предварительно сняв наручные часы. Починив насос, вытащил на лето вторые оконные рамы, потом поправил коляску для моей парализованной мамы.

- Николай Иванович, я вам так благодарна!

- Пожалуйста! Не, деньги я не возьму, мужчины не зарабатывают деньги на помощи двум одиноким дамам. Почему я снял часы? Когда помогаю кому-нибудь, всегда часы снимаю – а то будешь на часы поглядывать да думать, сколько времени потратил. А тут – надо помочь, и всё, пока не сделаешь работу, нечего и на часы заглядывать!

Надевает куртку, достаёт что-то из нагрудного кармана:

- Вот, смотри! Что это такое? Иконочка! Святитель Николай-Чудотворец! Всегда со мной! Вот уж помогал людям, так помогал! И сейчас помогает! А ты говоришь, часы...

- Так вы всё-таки верите в Бога, Николай Иванович?!

- Конечно, верю! Я что - сумасшедший - в Бога не верить?!

- А как же вы говорили - неверующий?!

- Так я в храм в Оптину раз в год хожу! И какой же я верующий?! Не, мне до верующего ещё дорасти нужно!

Как Николай Иванович в молодости на свадьбе гулял

Празднуем День учителя. Николай Иванович рассказывает коллегам байку из своей молодости. Пошёл он как-то с женой на свадьбу к другу. А там - шум, гам, веселье. Подруга жены выпила лишнее, и, когда Николай Иванович выходил на улицу покурить, вышла вместе с ним. И они поцеловались.

- Я жену всегда любил! И сейчас люблю! И как я с этой подругой поцеловался - сам не понял... Но слушайте, что дальше было... Возвращаемся мы за стол, я от жены глаза прячу. И тут приносят утку на подносе. Стали подавать, официантка не удержала поднос - и вывалилась эта утка со всем её соусом прямо мне на колени. А она только что из печи. Ноги обожгло со страшной силой! А у меня костюм - новый, красивый! Я - на кухню, там вокруг меня все засуетились, брюки мне снимают, отстирывают, а у меня ноги до колен все красные! Так я половину свадебного вечера и простоял на кухне в трусах и с обожженными ногами.

И «неверующий» Николай Иванович делает неожиданный вывод:

- Вот так грех за грех цепляется, и тут же воздаяние получаешь!

Главная драгоценность

Зина, читательница православной газеты Севера России «Вера-Эском», в которой я печатаюсь, написала мне письмо, поделилась своей мечтой приехать в Оптину. Мы начали переписываться, и я пригласила её в гости. Зина приехала, прожила у меня несколько дней, поделилась историями из своей жизни и разрешила рассказать их, сохранив её имя. Одна из историй легла в основу повести «Поездка к отцу», а вторая, короткая - вот:

Зина работала на дробильно-обогащительной фабрике, вырастила сына и дочь. Дочка вышла замуж, уехала, сын тоже подрос, собрался жениться, купили ему Зина с мужем половину дома. Продал им эту половину сосед Бобырь. Он там уже и не жил давно, использовал дом как дачу. Когда перевозили вещи сына, сосед сложил все свои старые пожитки в кладовку и говорит:

- Можно сжечь, можно выкинуть...

Зина смотрит: в кладовке что-то блестит. Она потянула - икона большая Святителя Николая Чудотворца, украшенная блёстками. Бобырь блестящее увидел и как закричит:

- Это что ещё за драгоценность такая? Ну-ка, давай быстро сюда, может, я чего ценного не заметил! А... Это никакая и не драгоценность, доска с фольгой...

И бросил назад, в кладовку. Зина тут же икону подхватила:

- Нельзя так с иконой! Это же драгоценность и есть!

Бобырь только посмеялся. А Зина икону привела в порядок и в красный угол поставила. Она всегда Святителя Николая Чудотворца почитала. У них и храм был в честь Николая Угодника.

Прошла неделя. Зина была на смене, работает и молится тихонько. Только тропарь Святителю Николаю прочитала, чувствует, как будто что-то её от работы отрывает, и ноги сами ведут в другой цех, на участок обезвоживания. Ей там и делать нечего совсем... Пришла, постояла, а там – молодёжь: слесаря, фильтровальщики, аппаратчики. Думает: «И зачем это я сюда только пришла?! Ерунда какая-то! Нужно к себе идти работать!»

Вдруг слышит – телефонный разговор:

- Ну и что горит – не у тебя же горит! Да там вообще никто не живёт – это пустая дача!

Зина похолодела, подбегает:

- Что горит?

- Да вы не волнуйтесь так, это дача!

И называет номер дома её сына.

Она опрометью из цеха выскочила, побежала. Прибегает: у соседей сына, которые там не жили постоянно, вся половина дома как свеча горит. Жители улицы пожарных вызвали, сами стоят – смотрят.

Она к двери – та заперта изнутри на крючок. Стучит кулаками, а её успокаивают:

- Да вы не волнуйтесь, там нет никого, это же дача.

- Там сын у меня!

Взломали мужчины дверь, вбегают. Зина смотрит: сын после ночной смены спит как младенец, а у него уже потолок занимается. Разбудили его, а он спросонок ворчит:

- Вы чего сюда, я же раздетый...

Потом сообразил, что к чему, выскочил, за ним кошка выскакивает. Зина икону святителя Николая Чудотворца вынесла, соседи – вещи, какие успели. Сын на улице стоит, смотрит: у соседей часть дома как свеча горит, и у него занимается. Он побледнел как мел, затрясло всего. Пожарные приехали, вторую половину дома кое-как отстояли.

Зина и сейчас думает, что это Николай Угодник спас её сына.

Об исцелении, правой руке, правой ногой и голове на плечах

Как обычно, после послушания прихожу на источник преподобного Пафнутия Боровского. Захожу в домик с навесом, где купель и раздевалка. В раздевалке уже есть желающие искупаться: две улыбчивые молодые паломницы и матушка средних лет с видом строгим и хмурым. Паломницы радуются – впервые приехали в Оптину, первый раз на источнике. Они жизнерадостно читают молитву святому Пафнутию. Затем одна из них, счастливо улыбаясь, говорит другой:

- Ну вот, а теперь искупаемся!

Со скамейки подаёт грозный голос строгая матушка. Это голос неумолимого судьи, который часто устраивает окружающим свой собственный «маленький страшенький суд»:

- Что-о-о?!?! Что вы сказали?! Купаться?! В бане купаться будете! Мылом намылитесь! Мочалкой натрётесь!

Паломницы приходят в ужас. Всё было так тихо и радостно, и вдруг такая гроза...

Робкий голос:

- Матушка, простите, мы не так выразились, наверное...

- Выразились!!! Выражаться дома на мужей будете! Нельзя говорить «купаться» о святом источнике!

- А как можно?

- Нужно говорить «исцеляться»! Вот, дескать, сейчас исцеляться будем. Поняли?!!

- Поняли, спаси Господи, матушка! Таня, давай ты первая исцеляйся, а я уж за тобой.

- Да, Леночка, а то там Пётр Иванович, наверное, нас уже ждёт на улице. Как ты думаешь, он уже искупа... ой, исцелился?

Из соседней мужской купальни доносится пофыркивание и плеск воды.

- Нет, Таня, похоже, он ещё в процессе исцеления...

Грозная матушка внимательно слушает диалог и одобрительно кивает головой.

А я вспоминаю, где я встречала эту строгую матушку и слышала этот грозный голос... Вспомнила. На днях в паломнической трапезной я сидела за столом с молоденькой мамочкой, на коленях у которой был сынишка лет двух. На улице жарко, и личико малыша было розовым, вспотевшим. Он потянулся к кувшину с компотом обеими ручонками. И юная мамочка даже хотела дать ему попить, но раздался грозный крик: «Нельзя! Ещё не помолились, а они лезут! Не трогать ничего на столе!»

Ребёнок испугался и заплакал, а мамочка принялась его утешать. Мы, сидевшие за столом, промолчали. Конечно, сейчас все соберутся, помолимся, и можно будет приступить к трапезе. 5 - 10 минут можно потерпеть... Начни спорить с грозной матушкой, будет конфликт за трапезой в монастыре...

Сынишка успокоился, а его мамочка оглядела нас, сидящих за столом, и грустно спросила:

- Где же ваша любовь, сёстры?

У меня до сих пор в ушах её грустный тихий голос...

Мои воспоминания прерываются знакомым грозным криком:

- Стой!

Перепуганная Таня застывает, занеся ногу над водой купальни. Я вспоминаю детскую игру в «Замри». Мне становится смешно, и я еле удерживаюсь от того, чтобы не прыснуть.

- Ты куда левой ногой в святой источник лезешь?! Всё с правой руки и с правой ноги делай! Поняла? К иконам с правой стороны подходи! И свечки правой рукой подавай! И в источник правой ногой! Слева-то знаешь, кто сидит?!!

- Зинаида, ты чего тут расшумелась-то? - В дверь незаметно вошла маленькая весёлая старушка. - Чего, говорю, кричишь-то? А матушка-то тебя потеряла на огороде с утра. Ты почему грядку-то бросила недополотую? Занедужила? Во-о оно как. Ну, судя по голосу, что я за сто метров до источника слышала, видать, дело на поправку пошло? А то матушка сегодня вспоминала присказку одну:

- Тит, а, Тит, пойдём молотить?

- Брюхо болит.

- Тит, а, Тит, обед готов.

- А где моя большая ложка?

Грозная Зинаида мгновенно теряет всю свою суровость и как-то молниеносно исчезает из купальни.

Маленькая старушка весело спрашивает у до сих пор неподвижной Тани:

- Ты чего, милая, застыла-то? Испужала она тебя? С правой ноги говоришь? А ты от страха забыла, котора из них правая? И теперь не можешь идти исцеляться? Мила дочь, да ты с любой ноги иди да купайся с Богом! Вот-вот! Окунулась? Вот и Слава Богу! Мы-то купаемся да окунаемся, а исцеление-то сам Господь подаёт, если воля Его будет. Поняла, мила дочь? И вот ещё что я тебе скажу: голову-то свою на плечах надо иметь. Так-то.

Самая трудная победа

Посмотришь на обитателей паломнической кельи: какие разные люди! И свёл Господь их в одно место. Старцы оптинские призвали.

Вот три паломницы: боксёрша Люба, кандидат психологических наук Татьяна Николаевна и монахиня, мать Серафима.

Люба - молоденькая, стройная девушка. И не скажешь, что боксёр. Только вечером, когда она осталась в лёгкой кофточке, стали видны широкие, сильные плечи и почти мужские бицепсы. За чашкой чая Люба поделилась своими переживаниями: вот она в Бога поверила, стала в храм ходить, а живёт по-прежнему. Так же грешит.

У неё есть верные друзья. Уважают. Характер волевой. Спортсменка, множество побед одержала над соперницами! Удар твёрдый! Но - справедлива... Вот друзья и любят. Сколько раз выручала! Даже и парней. Один раз к их компании привязались двое пьяных громил. А их четверо было: Люба с подругой и двое парней. Парни поняли, что с громилами им не справиться, но не бросать же своих девчонок. Тут Люба их отстранила и провела пару приёмов. Были громилы - и нет громил! Есть два лежащих в нокауте труса.

И вот недавно только прочитала она главу в Евангелии, где на вопрос: «Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз?» - Господь ответил: «Не говорю тебе до семи, но до седмижды семидесяти раз». И Люба, прочитав это, неожиданно для себя начала плакать. Сколько себя помнит, всегда жила «око за око, зуб за зуб». А ведь это так

прекрасно - прощать!

А ещё она растрогалась очень, когда прочитала: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому просящему у тебя дай и от взявшего твоё не требуй назад». И решила Люба, что будет жить по Заповедям Божиим.

А когда своим друзьям стала объяснять, как она теперь жить будет, они выслушали её молча. Никто не смеялся над Любой, потому что её уважали: Люба что сказала, то сделает.

- Так ведь это очень хорошее решение - жить по Заповедям! И молодец, что в Оптину приехала! - комментирует мать Серафима.

Люба угрюмо молчит, а потом вдруг всхлипывает:

- А у меня ничего не получается! Это я раньше думала, что сильная! А теперь вижу, какая слабая! Я вот вам расскажу: недавно пошла с подругой в ресторан отметить достижение спортивное. Так-то редко хожу по ресторанам: режим, диета. А тут решили немножко попраздновать.

И я выпила бокал вина. Пошли танцевать. Смотрю: официантка к нашему столику подошла и в мою сумочку руку опустила. Ну, я - к ней, дескать, в чём дело? Думала, она извинится, а я её прощу. По Заповеди. Уже прощать приготовилась. А она мне так нагло: «Что, у вас проблемы?» Я и отвечаю: «Нет, это у тебя, дорогая, проблемы!» Ну и легонько стукнула её. А она мне в волосы вцепилась. Нет, ну вы представляете?!

Тут уж я не выдержала и впечатала ей по полной программе. А удар у меня тяжёлый - профессиональный. Охрана смотрит и за животики держится. Вернее, сначала держались. Выгляжу-то я обычной девчонкой. Они ведь не видят, какие у меня бицепсы под модной блузкой. Короче, я и их вырубил.

Люба по-детски шмыгает носом:

- Я не хотела! Я собиралась жить по Заповедям! Сколько я соперниц победила! А тут - проиграла. Сама себе.

Мать Серафима улыбается:

- Милая Любушка! Так ведь самая трудная победа - она над самим собой. Знать Заповеди и жить по ним - это разные вещи. Трудись, деточка, долгий это труд.

В разговор вступает кандидат психологических наук Татьяна Николаевна:

- Я вот хорошо знаю, как трудно преодолевать себя. Читала много о смирении. Когда стою в храме - так приятно себя ощущать частицей Православной Церкви. Очень люблю, когда все вместе «Символ веры» поют. Но я не могу понять, как смириться можно, когда что-то неправильно делают.

Ведь я не винтик, не шурупик в машине. Я здравомыслящий человек! И знаю, как правильно! Вот сегодня дали мне послушание в трапезной. Посуду мыть. Я смирилась - надо, значит, надо. Ничего, что я кандидат наук, могу и посуду помыть в трапезной. Но: ОНИ ЕЁ МОЮТ НЕПРАВИЛЬНО! И я посчитала своим долгом об этом сказать!

- Так ведь со своим уставом в чужой монастырь не ходят.

- А я не могу неправильно поступать - у меня своя голова на плечах! И смирение не только у меня должно быть - вот пускай они смиряются!

Мать Серафима только вздыхает печально. На следующий день мы узнаём, что Татьяна Николаевна нашла ещё много ошибок в работе трапезной, гостиницы, работе монастырских служб, ну, и как в объявлении про электричку: «Далее - везде».

В трапезной сестрички молодые в ответ на её нотации плакат повесили: «Смирением можешь ты не быть, но ближнего смирить обязан!» Татьяну Николаевну перевели на другое послушание. Ждут её с утра на новом месте, а она нам объявляет: «Мне нужна психологическая разрядка. Я должна дать себе успокоиться». И вместо послушания отправляется утешаться в храм. Помолиться. И плачет там навзрыд.

Мать Серафима вздыхает: «Трудно нашей Танечке. Ещё труднее, чем Любе. Ну, ничего. Если человек искренне хочет измениться, Господь принимает. Вот, скажем, от природы человек кроткий. Есть ли подвиг в этом? А если себя смиряет человек, привыкший ударом на удар отвечать? И плачет искренне, когда это не получилось?»

Бывает, люди знают, что гордиться им особенно нечем. А если успехи есть? В науке, в профессии? Тяжелее такому человеку смириться. А Господь всё видит. Он каждый маленький шаг такого человека замечает. Мы-то внешне можем делать очень похожие вещи. И думать, что за похожие вещи одинаковое воздаяние. А Господь-то - он зрит на душу нашу. Какие внутренние мотивы и порывы нами двигают. Вот что важно».

Есть только одно дело - спасение души, остальное - поделье

Толя - молодой парень, в Оптиной трудится несколько месяцев. Как-то мы вместе едем по послушанию, и он рассказывает мне о себе:

- Знаешь, как я рад, что оказался в Оптиной?! Тяжело, конечно, но зато здесь всё, как бы это выразиться, настоящее. Понимаешь? Я здесь понял слова: «Есть только одно дело - спасение души, остальное - поделье». А раньше я об этом даже не думал. Батюшка сказал, что раньше я спал, а теперь проснулся. И мне кажется, что это на самом деле так.

Я вот теперь о спасении души размышляю. А жил в Москве - всё нормально. Какая душа?! Какое спасение?! Пить - многие пьют. Воровать - многие воруют, кто где работает, тот там и берёт. Блудить - то же самое. Сейчас даже названия такие приличные придумали: «гражданский брак», «пробный брак», «бой-френд»...

Прочитал я недавно в одной книге о первой мировой войне. Там офицер молоденький умирает в лазарете и просит медсестру:

- Дайте мне белую чистую рубашку, я хочу умереть в чистой рубашке, а совесть моя чиста: я умираю за веру, царя и Отечество.

Я книгу отложил, и стало мне так больно... Не знаю, поймёшь ли ты меня... Подумал тогда: мог бы я так сказать? Мои бывшие приятели могли бы? Последний раз в клубе был, встретил одного мажора, путешествует за папины деньги. Побывал в Индии и говорит мне:

- Что такое Родина? Вся Земля - вот моя Родина!

А я подумал: «Да посчитают ли тебя-то родней в других странах?! Как идти защищать Отечество, если не знаешь, что это такое?!»

Понимаешь, запал мне в душу этот офицер, мой ровесник... Я бы хотел иметь право так же сказать: «А совесть моя чиста». Только к словам этим простым – путь очень далёкий... Помогите Господи!

Паломничество

Раньше люди старались совершать паломничество так, чтобы понести какой-то труд, принести жертву. Часто шли пешком, стирая ноги в кровь. Похоже, времена эти минули в прошлое, и сейчас мы предпочитаем комфорт в поездке. Но не все.

После экскурсии паломница делится рассказом о своей бабушке:

- Едем мы на поезде в Оптину: я, муж и наша бабушка старенькая. И вот она ходит тихонечко по вагону туда-сюда, туда-сюда. Муж не выдержал:

- Бабуся, ну что же вам спокойно-то не сидится? Зачем вы всё ходите?

- Я иду в Оптину Пустынь!

Про Дашеньку

- Мы к вам на экскурсию – всей семьёй! Да, мои! Два сыночка и лапочка дочка! А я вот вам сейчас расскажу, пока народу нет. Ребята, погуляйте немножко. В книжную лавку? Можно, только Дашу за руку возьми...

Ну вот, что я рассказать-то хотела? А – вот: ждала первого ребёнка, думала – дочка, назвать хотела – Дашенька. Родился сын. Хорошо: вторая дочка будет. Забеременела вторым. Опять сын. Тоже хорошо: два сына! Через девять лет только снова забеременела. Мать у меня неверующая, стала донимать: делай аборт, не прокормишь троих, кто ты такая, простая телятница...

- Нет, мама, там моя дочка Дашенька...

- Там пацан опять, делай аборт, тебе говорю!

А с ней не спорю, чтобы не расстраиваться, а сама время тяну, вот уже пять месяцев беременности – поздно аборт-то делать! Родила – дочка! Дашенька! 2400. И вот никак младенчик вес не набирает. Набрала 2500 и – никак. Ей уже три месяца, а она всё 2500. Положили нас в Калугу в областную больницу на обследование. Врачи ничего понять не могут. Она кушать – кушает. А в весе не прибавляет. Заговорили об операции. Я – реву.

А в палате со мной матушка с ребёнком лежала. Она меня с Дашенькой – в охалку, к мужу-священнику отвезла – и он нас обоих окрестил. Я сама-то тоже некрещёная была.

И что вы думаете?! После крещения ребёнок стал быстро набирать вес! Сейчас Дашеньке четыре с половиной. Умница! Мне помогает во всём, даже полы метёт. Приду с фермы, а она, как обычно, спрашивает:

- Мама, что делала – Муку кормила?

- Кормила, доча, кормила. Не поняли?! Это она с младенчества так телят зовёт! Знаете, я даже сама после крещения изменилась. Да-да! Я была какая-то... жестокая такая... агрессивная... Скажет кто-нибудь что-то не по мне, я хожу - злюсь, всё думаю об этом, всё придумываю, как бы ответить позлее, чтобы отомстить, значит.

А сейчас обидят - да и ладно! А я и не расстроилась! Как-то легче на душе стало после крещения, как-то веселее. Я ведь не умею толком-то объяснить... Понимаешь?

- Понимаю.

- Вот и рассказала... А теперь можно нам экскурсию по Оптиной?

Что же мешает нашему спасению?

Отец иеродьякон Н. рассказывает, как стал свидетелем разговора паломников с владыкой Феогностом, приехавшим в Оптину.

- Владыка, благословите! Разрешите задать вам вопрос... В наше время так много факторов, мешающих спасению души: глобализация, высокие технологии, виртуальные реальности, которые на самом деле расчеловечивают человека, компьютерные игры и бесконечное общение в социальных сетях, отрывающее людей от реальной жизни, монстры телевидения, которые зомбируют зрителей, - опасностей миллион! Как вы полагаете, что же представляет собой самую большую опасность для спасения души и жизни по Заповедям Божиим?

- Эгоизм.

- ...

Чудаки с гостинцами

Оптинский игумен Н. рассказал мне о своей сестре. Ему очень хотелось, чтобы она пришла к Богу, но сестра о вере не задумывалась и в церковь не ходила. Отца Н. очень любят его духовные чада, их любовь к духовному отцу распространялась и на его сестру.

Они часто стучали в дверь её московского дома, не заходя дальше прихожей, - просто чтобы передать какие-то гостинцы, угощение, сладости. Чем-то порадовать сестру любимого отца, просто поздравить с церковными праздниками и подарить подарки.

Она сначала не понимала этих людей, удивлялась их гостинцам. Если случалось кому-то из них зайти при её подругах, говорила:

- Это опять от брата гости... Странные люди... Чудаки!

Подруги в модных нарядах, с дорогим маникюром и изысканной причёской, выглянув в прихожую, позже высмеивали её гостей: всех этих простых, без косметики, в длинных юбках, непонятно чему радующихся женщин, этих не слишком элегантных бородатых мужчин с сияющими лицами, которые просто так привозили ей гостинцы, передавали поклон от брата.

Сестре хотелось защитить их, и она говорила в ответ на ехидные колкости подруг:

- Зато они такие добрые! У них у всех такие радостные, светлые лица!

Потом она стала задумываться, почему у людей из её окружения лица - совсем не радостные и

не светлые, почему они не готовы никого бескорыстно радовать. И ей захотелось чаще видеть «этих чудаков»...

И спустя несколько лет она приехала к брату в Оптину Пустынь и сказала, смущаясь:

- Знаешь, я хочу стать такой, как твои чудаки - такой же доброй, искренней, открытой. Верующей. Помоги мне, пожалуйста!

Плащаница

После экскурсии паломница рассказывает об удивительном случае. Она сама доктор наук, преподаватель МГУ. Начали с мужем, тоже преподавателем МГУ, воцерковляться уже в зрелом возрасте. А у них была верующая подруга, и она вышивала золотом плащаницы для храмов. Вот как-то они купили у подруги плащаницу Успения Пресвятой Богородицы.

- Повесили мы эту чудесную плащаницу в гостиной как картину, думали: как хорошо сделали... Да ещё, по своему новоначалию ничего не понимая в этом, повесили вертикально. И вот ночью мне снится сон: Пресвятая Богородица тихим добрым голосом говорит мне: «Повесьте плащаницу горизонтально и в место поспокойнее...» И мы унесли плащаницу в храм и стали относиться к святыням благоговейно - так, как и нужно к ним относиться.

А сейчас в Оптиной есть старцы?

Часто задают на экскурсии вопрос: «А сейчас в Оптиной есть старцы?» Обычно отвечаем:

- Знаете, а они отсюда никуда и не уезжали. Они здесь хозяева.

Три важных бизнесмена на экскурсии сетуют:

- Приехали мы в ваш монастырь, зашли в храм, попросили дежурного инока открыть мощи преподобного Амвросия, а он отказал. Дескать, не вовремя, после молебна приложиться можно будет. Нам молебнов ваших ждать некогда, у нас дел много. Мы ему деньги предлагаем, а он смотрит так удивлённо - и денег не берёт.

На следующей экскурсии - группа бабушек из далёкой уральской деревни. Вот уж никакой важности у них нет, наоборот, робкие такие бабушки, видно, что совсем бедные, может, на последние деньги в Оптину приехали. Делятся радостно:

- Доченька, мы на молебен-то опоздали, думали, теперь уж к мощам батюшки Амвросия не приложимся. Видать, недостойные мы. А монах-то у мощей нам стекло отодвинул и говорит: «Прикладывайтесь, матушки!» Вот радость какая, доченька! Вот как нас батюшка Амвросий хорошо встретил!

Хозяева Оптиной Пустыни

Схимонахиня Елисавета делится своими мыслями:

- Мне всегда представляется, что Оптина Пустынь - это один такой большой-большой дом, где мы все живём. А в самом конце дома, в отдалённой комнате, живут оптинские старцы. Живут среди нас. И они здесь - хозяева. Всех видят, всех знают. Мы иногда забываем, что они здесь главные. Но они про нас не забывают и опекают всех обитателей монастыря как своих духовных чад. И именно они решают, кто будет здесь жить... Они ждут и заранее знают, кто придет к ним в гости...

Преподобные отцы наши, старцы оптинские, молитесь Бога о нас!

В гостях у матушки Сепфоры

Я в Киреевске. В этом маленьком городке Тульской области схимонахиня Сепфора провела многие годы своей жизни. Прозорливая старица Сепфора молитвенно стояла у истоков возрождения Оптиной Пустыни и Клыково и умерла в 1997 году на сто втором году жизни. К ней за помощью и советом обращались игумены и протоиереи, тысячи людей испытали на себе силу её огненной молитвы, что как птица летела к престолу Божию.

И вот, по воле Божией, и я оказалась в Киреевске в гостях у дочери матери Сепфоры, схимонахини Иоанны. В гостях я побывала у неё несколько раз и каждый раз не переставала удивляться мудрости и скромности матери Иоанны, её деликатности и такту. А ещё она очень похожа на маму. Матери Иоанне сейчас восемьдесят семь лет, но она полностью обслуживает себя, постоянно посещает храм. И даже с любовью принимает гостей и вкусно угощает их.

Затаив дыхание, вхожу в квартиру, где много лет прожила мать Сепфора. Двухэтажный кирпичный дом, небольшая двухкомнатная квартирка на первом этаже, довольно холодная. Пол ледяной. Келья матери Сепфоры маленькая. Шкаф, столик, кресло и простая железная кровать. На стене иконочки.

Рядом с иконами коврик «Тайная вечеря». Он был совершенно выцветшим, тёмным. И вот обновился, краски заиграли, как на новом. Даже скатерть на столе на коврике, бывшая тёмной, стала белоснежной. Также обновилась маленькая бумажная икона святителя Николая Чудотворца. Мать Иоанна разрешает мне приложиться к кресту-мощевнику старицы, и я чувствую благоухание, исходящее от него.

Матушка приносит тросточку матери Сепфоры и легонько похлопывает меня ею, как когда-то делала старица. Мать Иоанна приговаривает: «Это не я тебя похлопываю, я – никто, это тебя матушка хлопает». В этой простенькой келье со старенькой мебелью дышится удивительно легко. Чувствуешь себя так хорошо и радостно, что и уходить не хочется.

Мать Иоанна рассказывает мне о своей маме, которая была очень добрым и скромным человеком. Помогала дочери, тогда ещё не монахине, а просто рано овдовевшей женщине воспитывать сына и дочку. Любила внуков. Гладила внука по голове и приговаривала: «Вовка – умная головка!»

- Мать Иоанна, а расскажи мне ещё, пожалуйста, про мать Сепфору как про старицу!

- Да, маму мою считали молитвенницей и прозорливой старицей. Но я могу рассказать только о том, какой доброй матерью и бабушкой она была. Свои старческие дары она скрывала, так что я о них и не подозревала. Давай-ка ещё чайку налью!

Она уходит за чайником, а я с грустью смотрю на большой портрет матери Сепфоры на стене: «Ну, вот, матушка, я у тебя дома. Неужели я ничего не услышу о тебе, не узнаю ничего нового?» И мне кажется, что мать Сепфора чуть улыбается мне: «Вот какая ты нетерпеливая, Оля!»

И сразу же за её улыбкой заливаются трелью звонок, и прихожая наполняется гостями из Тулы. Приехала Валя – духовное чадо матери Сепфоры и привезла с собой ещё гостей. Видно, что они давние знакомые матери Иоанны.

Я порываюсь уйти, чтобы не мешать встрече. Но меня останавливают и просят остаться и

обещают: «А мы тебе сейчас про мать Сепфору расскажем!» Гости привозят с собой селёдку под шубой, запечённую горбушу, сладости и даже фирменный торт одной из сестёр – «Прагу». Так что пир горой!

А за столом мать Иоанна просит Валю: «Ну, расскажи Оле про матушку». И Валя радостно делится своими воспоминаниями о старице. А я слушаю её и время от времени бросаю взгляд на портрет матери Сепфоры, которая улыбается мне ласково и, кажется, говорит: «Вот видишь! А ты расстраивалась! Вот и узнаешь обо мне». И кажется мне, что старица сидит рядом с нами за столом, слушает Валин рассказ и снисходит к нам как к малым детишкам: «Деточки вы мои! Ну, вспоминайте, если вас это утешает!» И Валя вспоминает...

У Вали рано умер муж. И после смерти мужа она очень скорбела. И вот как-то раз решила пойти к старцу – схиархимандриту Христофору, который жил в Туле. Приходит она к старцу, а он лежит в постели, старенький, больной. Валя смотрит – а вокруг головы старца как будто облачко светлое. Валя думает: «Это так волосы седые отсвечивают, видимо... Да, нет – волосы так не могут отсвечивать...»

А отец Христофор ей говорит: «Поезжай, дочка в Оптину. Потом Господь тебя в Шамордино пошлёт. Ну, а потом – к матушке, к матушке, к матушке!» Он на последних словах даже на постели приподнялся и руки вверх простёр.

Удивилась Валя. К какой такой матушке?! В какое Шамордино?! Она и про Оптину Пустынь-то почти ничего не знала. Оптина Пустынь... При этих словах ей представлялась бескрайняя жёлтая пустыня. Но решила исполнить благословение старца и поехать.

В Оптиной Валя обрела духовного отца. Когда подошла она к игумену А., батюшка не стал её ни о чём спрашивать, а дал ей книгу с закладками. Велел сесть в храме на лавочку и прочитать. И Валя прочитала все ответы на мучившие её вопросы и слова, утешающие её скорбь. И поняла, что открыта батюшке вся её жизнь. Так она стала верным и преданным чадом отца А.

Игумен А. благословил Валю съездить в женский монастырь в Шамордино и пробыть там до Вознесения. В монастыре она купалась в святом источнике, молилась на долгих монастырских службах. И потихоньку скорбь отступала, исчезала совсем. Только стало Вале тоскливо в Шамордино, захотелось назад, в Оптину. Решила она уехать, не дожидаясь Вознесения. Выходит на дорогу, а там машина игумена А. И он её спрашивает: «Куда это ты собралась? Я тебе благословил до какого дня быть, а?!» И завернул Валю обратно.

Нехотя вернулась она назад. А на следующий день её вдруг вместо паломнической трапезной приглашают пообедать в монашеской трапезной вместе с сёстрами. А там так красиво и благодатно! Так там Вале понравилось, что и тоска отошла. Вот и ещё бы пожила в Шамордино... Тут к ней подходят и говорят: «Нужно собираться, за вами приехали». Валя и вспоминает, что завтра-то Вознесение! Так духовный отец учил её послушанию и смирению.

Вот и побывала она, как её старец Христофор благословил, в Оптиной и в Шамордино. Осталось теперь – «к матушке, к матушке, к матушке!» И где только эту матушку искать? Только так подумала – встречает одну знакомую, которая рассказывает, что идёт навестить старицу – матушку Сепфору. Так Валя познакомилась с матушкой. И скоро стала своим человеком в её доме.

Матушке был открыт духовный мир. Она духом видела также проблемы и беды своих чад, знала всё, что происходит с ними. Даже малейшие житейские подробности не оставались от

неё в тайне.

Вот едет Валя к матушке. Купила ей продуктов полную сумку. Смотрит на прилавке – вилочка капусты. Да какой славный! Взять или не взять? Подумала-подумала... Нет, и так сумки тяжёлые, не донести. А у неё муж Володя когда-то щи варил – объедение. Вот она и думает: «Да ладно, что там капуста! Вот нам бы щей Володиных!»

Приезжает к матушке Сепфоре, а та ей с порога: «Ну что, купила тот славный вилочка капусты? Нет? Не расстраивайся. У нас вон на кухне сколько вилок лежит. Да ладно, что там капуста! Вот нам бы щей Володиных!»

Или едет Валя к матушке и покупает ей булку хлеба ещё горячую. И думает: «Вот бы матушке довести успеть хлебушек свеженький, горяченький!»

А мать Сепфора дверь ей открывает и говорит, улыбаясь: «Ну, доставай свой хлебушек свеженький, довезла горяченький!»

Валя пела в храме на клиросе. И вот как-то раз пошли у них какие-то неурядицы, столкновения. Обидели Валу несправедливо. Да так сильно, что она решила идти и всё рассказать настоятелю, пожаловаться на обидчиков и найти защиту. Идёт-идёт, и вдруг – на полпути – как будто кто-то остановил её. Вдруг резко пропадает желание жаловаться настоятелю. А на смену этому желанию приходит сильная потребность тут же бежать к матушке Сепфоре. Валя и побежала со всех ног к матушке.

Поднимается по лестнице, а старица, как будто ждала её, заранее двери открывает. И сразу же говорит с порога: «Ну что – жаловаться решила?! Никогда не жалуйся! Как бы тебя ни обидели – а ты не жалуйся! Молись – Господь сам тебя управит и защитит! Поняла?»

Валя на минуту останавливается. Молчит. Поднимает кружку с чаем и делает несколько глотков. Видно, что воспоминания оживили прошлое, и она переживает его заново.

А я поднимаю глаза на портрет матушки и мысленно говорю ей: «Да, матушка, когда-то я тоже сражалась с помыслами обиды. И так хотелось пожаловаться на несправедливость. И я стискивала зубы, удерживая себя от «похода в поисках правды» и выписывала в блокнот слова Блаженного Августина: «Лучше печаль того, кто несправедливо терпит, нежели радость того, кто несправедливо действует».

И слова святителя Игнатия Брянчанинова: «Если никакое искушение не может коснуться человека без воли Божией, то жалобы, ропот, огорчение, оправдание себя, обвинение ближних и обстоятельств – суть движения души против воли Божией».

А Валя продолжает свой бесхитростный рассказ.

Посидела она у матушки. А та, конечно, помолилась за Валу. И отошла обида. Отпустило уныние. Чувствует Валя – на душе хорошо и спокойно. А мать Сепфора ей говорит: «Сейчас пойдёшь на службу. На автобус-то ты успеешь. А вот на службу немного опоздаешь. Ну ничего, не переживай! Пройдёшь к себе на клирос, вставай и пой как ни в чём не бывало».

Пошла Валя на службу. На автобус еле успела – только на подножку вскочила – он и поехал. А на службу немного опоздала. Если бы не матушкино благословение, то никогда бы не осмелилась через всю толпу молящихся к клиросу пробираться. А тут спокойно прошла на своё место, встала и поёт. И все даже внимания не обратили на опоздание – будто так и надо.

А после службы - как будто и не было никакого конфликта. Тишь и гладь и Божия благодать. Так с тех пор и жили мирно по матушкиным молитвам.

Валя заканчивает рассказ. И мы читаем келейный Акафист схимонахине Сепфоре в её маленькой келье. Звучат последние слова Акафиста, и я прощаюсь с этими замечательными людьми. Мать Иоанна приглашает меня навещать её. И я надеюсь, что ещё побываю в этом гостеприимном доме.

Вот и побывала я в гостях у матушки Иоанны и матушки Сепфоры. Бросаю прощальный взгляд на портрет старицы. И мать Сепфора смотрит на меня с любовью, той самой, «которая долго терпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит... и никогда не престаёт!»

Приезжай ко мне!

В выходные приехали к нам в экскурсионную службу Оптиной Пустыни наши постоянные гости - паломники из Воронежской и Борисоглебской епархии. Привезли новые рассказы.

Рассказ паломницы из Воронежа Елены П.:

Елена П., подруга экскурсовода из Воронежской и Борисоглебской епархии Бессоновой Маргариты, приезжала с ней в этом году в Оптину на праздник в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы. После Оптиной они обычно всегда заезжают в Клыково, в монастырь Спаса Нерукотворного пустынь.

В этом монастыре подвизалась старица Сепфора, которая молитвенно стояла у истоков возрождения Оптиной Пустыни и Клыково и умерла в 1997-м на сто втором году жизни. К ней за помощью и советом обращались игумены и протоиереи, тысячи людей испытали на себе силу её огненной молитвы, что как птица летела к престолу Божию.

Поэтому паломники, отправляясь в Клыково, часто говорят: «Поедем к матушке Сепфоре».

В тот раз к их группе обратились с просьбой братия монастыря: может, кто-то из паломников сможет немного пожертвовать на благоустройство алтаря. Благодетелей братия будет поминать на Литургии в течение месяца.

Елена на обратном пути прошла по автобусу, рассказала о просьбе. Людям говорила: «Это для матушки Сепфоры». А почему так говорила - и сама не понимает. Было такое чувство, что старица всё знает о нуждах обители и её молитвами всё в монастыре происходит.

Паломники понемногу пожертвовали, записки со своими именами написали. Она ещё на работе что-то собрала, у знакомых. Передала в субботу Маргарите пакет с деньгами и записками. Маргарита приехала в Клыково, отдала пакет, сколько там денег - ни та ни другая не считали.

Чуть позже братия звонят, благодарят и рассказывают, что деньги привезли как раз вовремя: в субботу привезли, а в воскресенье отдать нужно было строителям. И не только вовремя, а ещё и ровно столько, сколько требовалось отдать - рубль к рублю.

Рассказ Надежды Ивановны Б-ой, жительницы Воронежа:

«Я наблюдалась у онколога по поводу уплотнения на губе. Была такая шишечка, величиной с

горошек, постепенно увеличилась, стала размером с ноготь, приобрела тёмно-синий цвет, так что уже и неудобно на улицу выходить – некрасиво как-то, неэстетично.

Ну и ладно, пускай уж и некрасиво, да онколог заговорил об операции. Я операции боялась.

Дочка моя привезла из Клыково масло от матушки Сепфоры. Я несколько раз этим маслом больное место помазала. Утром просыпаюсь, лизнула губу там, где больное место, – нет привычной шишки. Я – к зеркалу: и на самом деле ничего нет, чистая кожа! Исцелилась!»

Рассказ паломницы Н. из Воронежской епархии:

«У меня в груди нашли уплотнение, наблюдалась у онколога.

Снится как-то мне сон: иду я по Покровскому собору, есть у нас такой собор в Воронеже, много лет был кафедральным, и в нём хранились мощи святителя Митрофана Воронежского. Так вот, иду я по собору – и навстречу мне матушка в схиме с палочкой. Подходит ко мне ближе и говорит:

– Меня зовут схимонахиня Сепфора. Приезжай ко мне.

А я до этого никогда ни про какую схимонахиню Сепфору не слышала и даже имени такого не знала.

Она трижды мне своё имя повторила и палочкой легонько меня по больной груди постучала.

Я проснулась, в храм пришла, стала спрашивать, не знает ли кто такую схимонахиню. Мне и рассказали, что это старица известная.

Пошла на очередной приём к онкологу – а уплотнение исчезло!

И я, конечно, поехала к матушке Сепфоре в Клыково – поблагодарить старицу за исцеление.

Дивен Бог во святых Своих!»

Как больной в реанимации лапши запросил

Оптинский старец Иосиф писал: «Верую в то, что каждый приходящий в Оптину Пустынь в крайней своей потребности найдёт удовлетворение Милостью Божией... за молитвы великих наших Отец».

Господь не посрамил упования старца, и слова его звучат для нас так же верно, как звучали для современников оптинского преподобного.

Рассказ экскурсовода из Воронежской и Борисоглебской епархии Бессоновой Маргариты Александровны:

«Как обычно собиралась в выходные везти группу паломников в Оптину. Вдруг узнаю, что соседа Володю увезли в реанимацию: что-то с лёгкими, тромб какой-то, есть-пить не может, находится на аппарате искусственного дыхания, ставят капельницы. Пятьдесят шесть лет. Ездил в Москву в командировку, вернулся – и раз, в реанимацию.

А у нашей семьи с соседями сложились очень хорошие отношения – прямо как родные люди друг другу. Володя сам невысокий, худенький, лысоватый, вроде бы ничем не примечательный, а такой добрый и отзывчивый человек, так рядом с ним тепло и уютно – в общем, настоящий

мужчина – надёжный, одним словом.

Бывает, нужно куда-то срочно: «Володя, подвезёшь?» – никогда не откажет, всегда поможет. Папа мой два инфаркта перенёс, Володя то фрукты купит, то передаст что-то, то до больницы поможет добраться. По осени родители саженцы покупали – опять Володя помог. Светлый такой человек...

Недавно только разговаривала с ним. Он говорит: «Ты, Маргарита, постоянно в Оптину Пустынь едешь, как хорошо! Я тоже хочу в Оптину... Поехать бы...»

Понимаете, собирался в Оптину, весёлый, живой, жизнерадостный – и вот лежит в реанимации. Прогноз плохой, может умереть в любую минуту. Теперь, может, в Оптиной и не побывает уже... Так мне жалко его стало!

Приехала в монастырь, к мощам каждого оптинского старца подошла – и прошу за больного:

– Помогите, отцы дорогие! Подымите с одра болезни Володю! Помолитесь за него Господу! Он так хотел к вам приехать... Пусть поправится, пожалуйста!

Заказала молебны преподобному Амвросию и всем старцам оптинским. Только вернулась из монастыря – жена Володи звонит: лучше стало ему. Пятнадцать дней есть-пить не мог, а теперь – лапши просит. Врач сказал: из реанимации переведут в обычную палату. Жена от радости тут же домой побежала, лапшу готовить.»

Рассказ паломницы из Москвы:

Несколько лет назад Н. приезжала в Оптину со своей мамой, Ольгой Алексеевной Ф-ой. У мамы давно и очень сильно болели руки: то ли псориаз, то ли нейродермит – диагноз никак поставить не могли. Кожа с рук постоянно слезала, болячки мокнули. Мази дорогие, крема – что только не пробовала, ничего много лет не помогало.

В Оптиной они помолились преподобному Амвросию, порадовались, что земляки: все родственники по маминой линии из села Большие Липовицы Тамбовской губернии. Зашли в часовню убиенной братии: отца Василия, отца Трофима и отца Ферапонта, и Н. капнула маме на руки маслом из лампадок. А мама – человек нецерковный, сопротивляться не сопротивляется, но и верить не верит.

Вернулись домой, а живут они в разных микрорайонах Москвы. И вот через два дня мама звонит ей и взволнованным, радостным голосом почти кричит:

– Что ты со мной сделала?! У меня руки исцелились полностью! Кожа на них как у молодой женщины! Скажи, как правильно помолиться – за исцеление поблагодарить?!

Н. рассказывает, что прошло уже несколько лет, а руки у мамы до сих пор не болят.

Преподобные отцы наши, старцы оптинские, молитесь Бога о нас.

Как «скорая» набрала скорость

Уже много лет в Оптину Пустынь привозит паломников экскурсовод из Воронежской и Борисоглебской епархии Бессонова Маргарита Александровна. Вот и сегодня в экскурсионной службе Оптиной мы были рады встрече с ней. Для воронежских паломников провели экскурсию, а Маргарита рассказала нам историю о чудесной помощи святого.

В Воронежской и Борисоглебской епархии очень почитают Святителя Антония (Смирницкого). Святитель Антоний, архиепископ Воронежский и Задонский чудотворец (1773-1846) часто именуется святым, прославившим святых: два величайших святителя – Тихон Задонский и Митрофан Воронежский были канонизированы именно благодаря его трудам.

Святитель Антоний был дивным подвижником, с раннего детства на нём почивала благодать Божия. Она сохранила жизнь отроку, сыну многодетного протоиерея, когда он по дороге в храм упал в прорубь. Промысл Божий вёл юношу по жизни, когда он прошёл путь от послушника Киево-Печерской лавры до её архимандрита и наместника. Аскет и молитвенник, строгий к себе и милосердный к ближним, благодетель бедных и блестящий проповедник. Во время страшных эпидемий холеры 1830 и 1831 годов наложил на себя, священство и паству трёхдневный пост, совершал молебны и крестные ходы, и эпидемия не коснулась Воронежа.

Завещал похоронить себя в схимническом облачении при самом входе в церковь, не ставя никакого памятника, «да вся приходящая попирают меня ногами». Преподобный Серафим Саровский часто направлял богомольцев за духовным советом в Воронеж и называл Святителя Антония «великим архиереем Божиим» и своим «старшим братом», хотя они ни разу не встречались. Известно много случаев чудесной помощи по молитвам к Святителю Антонию.

В Воронеже есть храм в честь Святителя Антония Смирницкого. В 2005 году в новом микрорайоне, на краю леса, сначала поставили вагончик, а потом начали строить этот храм. Его настоятель отец Николай Бабич и отец Александр и в крестные ходы ходят, и про молодёжь не забывают. Вот почему в этом году 11 ноября (29 октября по старому стилю) к дню рождения святителя – 240 лет со дня рождения – в школе № 84 города Воронежа, что рядом с храмом, решили устроить праздничный вечер.

В подготовке вечера участвовали и учителя, и школьники, и родители – прихожане храма. Учителя английского языка, Александра Николаевича, человека творческого, попросили написать стихи в честь Святителя. Александр Николаевич, человек нецерковный, тем не менее за дело взялся с энтузиазмом. Раздобыл книгу о Святителе и начал её читать.

Книга оказалась непохожей на те книги, которые он читал раньше. Уже позже понял, что, читая о святом, выходишь с ним на духовную связь, общаешься с ним духовно и пожинаешь плоды этого общения: мир душевных сил, тишину помыслов, благодатную помощь. А тогда он просто читал и не мог понять, отчего так сладко душе это чтение, отчего оно так радостно духу. Оторваться от книги не мог.

А у него болела нога. И вот он как-то глянул на больную ногу – а на ней краснота какая-то появилась. Глянул чуть позже – а краснота вверх по ноге поднимается. И наступать стало больно, как будто кипятком обдаёт. Александр Николаевич отправился в больницу.

Когда стал выходить из дома, подумал: «Наверное, к хирургу очередь, возьму полюбившуюся книгу с собой, в очереди почитаю». Приходит к хирургу, а тот осматривает ногу и тут же начинает телефонный диск накручивать – «скорую» вызывает, в областную больницу учителя везти. И вид у хирурга такой встревоженный, что Александр Николаевич и сам забеспокоился.

Ждут «скорую» – а она не едет, задерживается. Чувствует Александр Николаевич: страх стал появляться, да такой липкий, тянущий такой – как в детстве пред кабинетом зубного врача. Открыл скорее книгу заветную, читает – чувствует: отходит страх, спокойно на душе становится, радостно. Перестанет читать – опять страх крадётся. А «скорая» всё не едет, три часа доехать не могла: пробки.

Наконец приехала. Сел Александр Николаевич в «скорую», а книгу в руке держит. И по дороге читает. Читает – и никакого страха, никакой тревоги, как будто сам Святитель Антоний Смирницкий его за руку держит и ласково, как родного, утешает.

Доехали они мгновенно – ни пробок, никаких других помех, светофоры зелёным огоньком встречают. Водитель машины только удивлялся: как его «скорая» такую скорость набрала. А учитель не удивлялся нисколько: он ехал будто и не один, а со Святителем Антонием.

В областной больнице хирург отправил на срочную операцию. Операция прошла успешно, и после неё врач сказал Александру Николаевичу:

– Вам жить оставалось от силы часа два-три. Тромб оторвался и пошёл вверх. Если бы он поднялся, мы бы его потом не поймали. Так что кто-то за вас, видимо, сильно Богу молился.

И Александр Николаевич ответил:

– Не кто-то, а святитель Антоний Смирницкий, архиепископ Воронежский и Задонский чудотворец.

И на праздничном вечере Александр Николаевич прочитал стихи, которые он сочинил в честь Святителя, а также рассказал о его чудесной помощи в исцелении.

Дивен Бог во святых Своих! Святителю отче Антоние, моли Бога о нас, грешных!

Времена не выбирают

Крупные капли дождя сильно стучали в окна междугороднего автобуса, длинными мазками рисуя непогоду, растекались по стеклу, заглушали негромкую монотонную музыку в кабине водителя. Внутри салона было тепло и сонно, большинство пассажиров дремали. Игорь всматривался в окно сквозь пелену ливня: осенний промозглый ветер гнул траву, срывал последние сухие листья с деревьев; небо, серое, жёсткое, грозило затянувшимся ненастьем. Скоро автобус остановится, и нужно будет выходить из тёплого салона в сырость и слякоть. Игорь зябко поёжился: зачем и куда он едет? Что за странная прихоть сорвала с места, отправила в эту никому не нужную дорогу?

Сам виноват – сам решил ехать. В последнее время он захандрил. Всё вроде шло как обычно: и работа, и дом, и взрослые дети. Обычно – да вот затосковал... Денег, как всегда, не хватает, подъезд грязный, соседи шумные. По телевизору – катастрофы, коррупция и скандалы шоу-бизнеса, все и всем недовольны. На работе только и разговоров что о неправильных порядках, не той власти, не той политике, не тех временах. И сам Игорь часто думал так же: да, не так, не то, не те. Как у Высоцкого «Эх, ребята, всё не так, всё не так, как надо!»

Причём, как именно надо – точно никто не знал, и как надо – никто вокруг не жил. Каждый, и он сам в том числе, ежедневно совершали сделки со своей совестью, кто-то страдая от этого, кто-то ничуть не страдая, а с упоением катящегося с высокой горы лихача: эх, помирать – так с музыкой, запевайте, братцы! Но почему-то, не делая как надо каждый по отдельности, все мечтали, нет, жаждали, да что там говорить, просто требовали, чтобы у всех вместе, при хоровом исполнении, их фальшивящие по отдельности голоса вдруг слились в едином и стройном могучем пении и всё стало бы прекрасно и справедливо – так, как надо, чтобы наконец настали те самые времена и те самые порядки.

Недавно, среди обычного брюзгливого перебирания негатива в обеденный перерыв, маленькая пухленькая белобрысая Катюша из соседнего отдела громко сказала: «Времена не выбирают!»

Все обернулись, а она смутилась, покраснела сильно, как краснеют только светловолосые, даже маленькие ушки запылали пунцово, сбилась и пробормотала: «Но дымится сад чудесный...» Народ ждал продолжения, а Катюша от волнения, видимо, забыла всё, что хотела сказать, и только беспомощно повторила: «Но дымится сад чудесный...» – и села, спрятавшись за компьютером.

Игорь понял, что хотела сказать Катюша, и даже хотел продолжить, чтобы помочь ей, но его тоже заклинило, и он начисто забыл стихотворение, которое ему нравилось, даже знал его наизусть когда-то. Он немного стеснялся того, что любил поэзию, знал наизусть многое, но никогда не пытался декламировать, как-то не шло это мужчине, по его мнению, немужественно, что ли...

Вот сейчас впервые чуть не прочитал вслух, такая строчка знакомая – и забыл. Замялся. С недоумением глянули – и дальше по накатанной: и то плохо, и это нехорошо.

И как-то всё накопилось, навязло, усталость какая-то навалилась, уныние. Стал думать, куда бы съездить в воскресенье. Придумал: много лет не был в городе детства. Покопался в Интернете, позвонил в турбюро. И вот – сбылась мечта идиота: едет неизвестно зачем и неизвестно к кому. Как верно сказал Исикава Такубоку:

Не знаю отчего,
Я так мечтал
На поезде поехать.
Вот – с поезда сошел,
И некуда идти.

Зачем ему это возвращение в прошлое, к людям, которых давно нет, в город, где никто не ждёт? Ещё вдобавок оказалось, что попал не в туристическую фирму, а в паломническую службу и поездка – паломническая, с заездом в Прыски и в Оптину Пустынь. Не то чтобы он был неверующим, нет, носил крестик всю жизнь, даже когда давным-давно учился на оборонной специальности, а тогда это было небезопасным.

Но в паломническую поездку, по его представлениям, нужно было готовиться как-то заранее... А тут – он представлял, что просто приедет в Калугу, пройдёт по старинному городу своего детства. Дом бабушки стоял на улице, где жил Циолковский. Космос – это интересно, можно сходить в музей космоса. А теперь ему предстояла совсем другая программа. Выглядело это так, как будто вмешался кто-то и властной рукой посадил его в этот паломнический автобус. А зачем?

Автобус мягко затормозил, экскурсовод объявила: Прыски, храм.

Ливень сменился морозящим дождиком, Игорь на негнущихся от дальней дороги ногах проковылял к выходу. Нижние Прыски. Зашли в белоснежный храм. Игорь слышал обрывки рассказа экскурсовода: «Храм Спаса Преображения, год постройки – 1781-й. Храм из красного кирпича, оштукатурен и побелен, толщина стен больше метра. Под полом храма сложена огромная печь. На ее нагрев уходило по одному кубометру дров. Но зато в специально проложенных дымоходах тепло сохранялось целую неделю, а теплый пол создавал уют и обеспечивал сохранность икон и настенных росписей...» Вышел отец Леонтий, старенький, радостный, всех благословил. Внимательно и как-то по-особенному посмотрел почему-то на Игоря, а может, это ему показалось, что по-особенному, благословил: «Помоги Господи!»

Игорь медленно зашёл в тёплый тихий полумрак храма, и на него напало странное оцепенение.

Он ведь был здесь! Точно был! Игорь узнал этот храм: здесь отпевали калужскую бабушку. Это было так давно, целая жизнь прошла, а кажется, происходило вчера, нет, сегодня, сейчас. И если он немного повернётся, встанет чуть боком – нужно смотреть не прямо, а чуть вскользь, боковым зрением, – он снова увидит всех родных, чёрные платки, непокрытые склонённые головы мужчин и светлое умиротворённое лицо бабушки. Время остановится, потечёт вспять, густо пахнёт ладаном, и потянется лёгкий дымок от кадила, и он услышит плач и протяжное, берущее за душу: «Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть печаль, ни болезнь, ни воздыхание...»

Переживание было таким острым, ярким, что вышел Игорь из храма потрясённым. Он ехал в автобусе, а перед ним плыли лица со старинных фотографий, мелькали обрывки воспоминаний. Всё, что когда-то рассказывали ему, ещё маленькому, об истории семьи, его рода, всё, что казалось безнадежно забытым, погребённым под грудой камней, огромных булыжников всех этих многочисленных событий его уже такой долгой жизни: крупных передряг, сильных переживаний и житейских мелочных дрязг. И вдруг вся эта неподъёмная груда камней оказалась сметённой в один миг.

Он смотрел в окно, и ему казалось, что видит деда, о котором рассказывала бабушка, то есть бабушкиного деда, его прапрадеда, мужчину крупного, крепкого, сильного, с обычным русским лицом, русыми волосами и добрыми глазами. Он отслужил при Николае I двадцать пять лет за веру, царя и Отечество, был пожалован за безукоризненную службу целковыми, которых хватило на строительство дома в Калуге. А здоровья и душевно-телесной крепости прапрадеда хватило на то, чтобы в возрасте почти пятидесяти стать купцом первой гильдии, жениться на молодой, которая в нём души не чаяла, родить с ней семерых детей, всех обеспечить, вывести в люди.

Умер дед в возрасте восьмидесяти лет быстро и легко, никому не пришлось возиться с немощным стариком. Потому что немощным стариком он не стал. А умер от пневмонии: шёл с обозом, который провалился в Оку. Вытаскивал лошадей и товар, вытаскивал, но простудился и ушёл, напутствуемый священником, оплакиваемый всей своей дружной и любящей его семьёй.

Как ты там, дед? Сила твоя, воля к жизни пустила крепкие сильные ветви рода, а он, Игорь, таков ли? Нет, пожалуй. Слабая веточка, на ветру дрожащая. В чём искать опору? Слабые ветки в корнях опору ищут. Эх, дед-дед! Помолись за своего праправнука, если можешь... Ему твоя молитва сейчас очень бы пригодилась...

Подъехали к Оптиной Пустыни. Дождь перестал. Игорь шёл по монастырю, и на душе становилось всё легче и легче, непонятно отчего. Звонили в колокола, их радостный перезвон далеко летел в прозрачном осеннем воздухе, кругом – цветы. Удивительно: везде грязь и серость, а здесь – цветы радуют глаз прощальной красотой. Бабушка очень любила цветы. Говорила: «Цветочки – остаток Рая на земле»...

Приложился к мощам преподобных оптинских старцев в намоленной звенящей тишине храма. А прабабушка, мама его калужской бабушки, застала этих старцев ещё живыми. И даже успела получить от них благословение и совет, который принёс ей семейное счастье и сделал возможным рождение калужской бабушки и его самого, Игоря. Получается, оптинские старцы и его, Игоря, благословили?

После смерти прапрадеда наследство поделили на всех взрослых детей. Младшей, прабабушке Игоря, исполнилось только семнадцать, и денег ей не дали – молода ещё деньгами распоряжаться, будет жить со старшими. Она расстраивалась, и сосед, благочинный Калужского собора, посоветовал: «Сходи к оптинским старцам, спроси о себе и своей жизни,

они тебе мудрый совет дадут».

Одной – страшно, позвала подружку. Встретились с оптинскими старцами, эх, жаль, не сохранилось воспоминаний, кто это был, может, отец Анатолий (Потапов), может, отец Нектарий... Только сказал ей оптинский преподобный:

- Всё у тебя хорошо будет, и замуж ты хорошо выйдешь, деточка.

- А у меня ни приданого, ни жениха нет...

- Ничего, вот вернёшься домой, и выходи замуж за первого, кто к тебе посватается, какого бы вида он ни был. Запомнила? Какого бы вида ни был – выходи! Это твой суженый!

А семья у них держала в то время столовую. Как раз только появились первые железные дороги, и железнодорожники приходили к ним столоваться. А прабабушка помогала в столовой, готовила. И вот пришёл на обед огненно-рыжий белорус из Гомеля. Увидел девушку, заметил и посватался. А ей рыжие – ух, как не нравились! Но не посмела послушаться старца и дала согласие. И как же люб он ей сделался! Как жили счастливо и дружно! Ни разу не пожалела, что вышла за него замуж. Детей родилось много, но выжили только пятеро. И среди них – бабушка Игоря.

Игорь присел на скамейку в тишине храма в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы. До экскурсии по Оптиной им дали свободное время – целый час, и все были заняты: ставили свечи, писали записки, прикладывались к мощам. Игорь тоже приложился к мощам, а записки писать не стал: он не помнил половины имён, вот ведь как! Помнил рассказы бабушки о прапрадеде, войне и купце, помнил об огненно-рыжем прадеде, многое помнил, что врезалось в детскую память, но многое и забыл. Стало отчего-то очень обидно. Они-то, может, за него и молятся, а он за них?!

Бабушка у него была талантливая, пела так, что все вокруг ахали от изумления. Голос – как у Руслановой. Профессор консерватории предложил учиться, но она – синеглазница, комсомолка, отказалась: пролетарий должен петь в свободное от созидательного труда время, а она училась на фельдшера.

Её суженый, дед Игоря, Андрей, происходил из семьи моршанского врача. Он поехал на эпидемию холеры и умер, спасая больных. Был записан посмертно в почётные граждане Моршанска. Мать осталась одна с тремя детьми, и Государь Император Николай II дал всем троим пособие, которое оказалось таким большим, что на него купили двухэтажный дом. Также сиротам почётного гражданина было обеспечено бесплатное обучение, но получить его дети не успели: началась революция.

Дом реквизировали, и мать умерла от горя. Дети пошли беспризорничать, и Андрей нашёл дядьку, служившего лесником, жил в его сторожке. Поступил в двадцатые годы в железнодорожный техникум, выучился, получил распределение в узловую и там встретил бабушку.

Дед Андрей хранил старую закваску и крепко верил в Бога. Он стал начальником поезда, и в 1939-ом их ремонтно-восстановительный поезд, чинивший пути и мосты, мобилизовали. Бабушка не рассталась с дедом и работала при поезде санинструктором, с собой взяли и детей. Одним из этих детей была мама, мамочка Игоря, Евгения.

Когда началась война, они оказались в Ленинграде. Их поезд последним проскочил замыкавшуюся блокаду, а следующий поезд, полный раненых, женщин и детей, машинист,

умиравший от смертельной раны, сумел довести до станции, но из вагонов выгребали только человеческое мясо – все были расстреляны фашистами из пулемётов забавы ради. Блокада замкнулась.

Дед отправил семью в эвакуацию, а сам вернулся и остался в блокаде восстанавливать подъездные пути к Ладоге, Дороге Жизни. Машины шли по льду, а дальше нужна была железка. Работал, пока не свалился. В состоянии дистрофии деда вывезли на одной из машин на Большую Землю.

После блокады дед болел до конца жизни. Бабушка готовила ему крохотные паровые котлетки, потому что его больной желудок не терпел почти никакой пищи. И ещё Игорь хорошо запомнил, как дед боялся голода и собирал все недоеденные куски хлеба, сушил их, и на уютной кухне всегда висел мешочек с сухарями. Мама пыталась уговорить деда не сушить их, а потом смирилась.

Игорь посидел ещё немного в тишине храма, а потом пошёл снова к преподобным оптинским старцам и, прикладываясь к мощам, помолился о всех тех, благодаря кому он живёт на белом свете. А имена же их Ты, Господи, веши. Вышел из храма, и тут в памяти всплыли строчки, те самые, которые они с Катюшей никак не могли вспомнить:

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большой пошлости на свете
Нет, чем клянчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять.

Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; я в пять лет
Должен был от скарлатины
Умереть, живи в невинный
Век, в котором горя нет.

Ты себя в счастливицы прочишь,
А при Грозном жить не хочешь?
Не мечтаешь о чуме
Флорентийской и проказе?
Хочешь ехать в первом классе,
А не в трюме, в полутьме?

Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время – это испытанье.
Не завидуй никому.

Игорь шёл по Оптиной, и ему очень хотелось рассказать кому-нибудь всё, что он вспомнил, поделиться с кем-то своими мыслями и чувствами и даже, впервые в жизни, прочитать стихи. Правда, непонятно, кто захочет его выслушать, кому будут интересны его воспоминания?

Группа собиралась для экскурсии под аркой у Святых Врат монастыря, и лицо оптинского экскурсовода показалось Игорю очень знакомым, да, её рассказы он читал на сайте «Православие.ру».

Игорь подошёл к экскурсоводу и пока все собирались, спросил тихонько:

- Можно мне после экскурсии рассказать вам свою историю? У меня такое чувство, что я просто должен её рассказать.

Экскурсовод улыбнулась и спросила:

- А о чём ваша история?

Игорь подумал минутку и ответил:

- Времена не выбирают, в них живут и умирают... Наверное, об этом...

Оптинки

Сколько здесь благодати!

Я снова в Оптиной! Теперь я так хорошо понимаю Нилуса, который с умилением сердца писал об Оптиной Пустыни. Читаешь и видишь, как слёзы текут по щекам этого сильного, большого мужчины. Я испытываю то же самое.

Милая моя Оптина! Друзья мои, любезные сердцу друзья мои! Вы хотите ощутить это умиление, это странное размягчение сердца? Эту податливость на блаженные слёзы? Это чувство детского восторга? Любовь ко всем и всему тебя окружающему? Забудьте о модных морских пляжах и дорогих курортах! В Оптину, скорее в Оптину! То, что испытываешь здесь, вы не забудете никогда, и эти чувства заставят вас возвращаться снова и снова.

Что это, отчего это? Милые мои, это и есть благодать Божия, которая касается нашего очерствевшего сердца и вызывает вот эти любовь и нежность, которыми так полон мой рассказ. Вы их чувствуете?

Старица Сепфора, перешагнувшая столетний рубеж и умершая только несколько лет назад, прозорливая матушка, ходила по развалинам восстанавливаемой Оптиной в конце 80-х и приговаривала: «Благодать! Сколько здесь благодати!»

Когда я читала «Пасху Красную» Нины Павловой об оптинских новомучениках, убитых на Пасху, как часто ощущала я это знакомое умиление Нилуса. Иногда у меня проскальзывал холодок недоверия - я тогда ещё не была в Оптиной, - как же это - космонавты видели столп света, исходящий от Оптиной, многочисленные чудеса, благодатная помощь, такая явная всем окружающим? Неужели это всё правда? Что же сказать сейчас? Верую, Господи, помоги моему неверию! Этот свет - вот же он, в душах людей, в моей душе!

Оптинские святые. Мощи Оптинских старцев

Православные веры светильницы, монашества непоколебимии столпы, земли Российския утешителие, преподобные старцы оптинстии, любовь Христову стяжавши и душу свою за чада полагавшие...

Родные мои! Вас много, целый собор оптинских старцев! И у каждого из посетивших Оптину

есть свои любимые. Отче Амвросие! Отец Лев! Отец Варсонофий!

Почему вдруг с почтением проходишь и прикладываешься к мощам всех старцев и вдруг у мощей одного из них слёзы пробивают? И плачешь и не можешь уйти. И кажется тебе, что это родной человек. Который всё о тебе знает, знает лучше, чем ты сам о себе знаешь и понимаешь. Который проникает своим духовным видением в глубину души твоей, видит прошлое и будущее, видит твою боль, твою скорбь, слёзы невыплаканные. Сострадает и тем, которые так обильно льются сейчас по твоим щекам. Мощи под спудом, тяжёлые каменные гробницы... Но ты чувствуешь живой ответ! Стоишь на коленях, приложившись лбом к гробнице, и плачешь. Чувствуешь, как со слезами уходит тяжесть. Как отвечает тебе старец. Потому что он продолжает душу свою полагать за своих чад! И вот ты теперь, обратившись к нему с верой и слезами, тоже его чадо. И чувствуешь его любовь.

Я спросила у отца С., почему именно этот старец стал таким родным? Разве это он меня отметил, выбрал? И отец С. ответил: «Это означает, что у него есть что тебе сказать, и если бы он был жив, то он бы сказал тебе это вслух. А так он говорит тебе это незримо, своей духовной молитвой, а ты чувствуешь эту молитву, и душа твоя раскрывается перед ним».

И вот думаешь, многие ли это испытывают? Раннее утро, полупустой Владимирский храм. Стою на коленях, припав лбом к гробнице своего любимого старца, рассказываю о своей скорби и тихо плачу. Вдруг за спиной слышу уверенный мужской голос: «Я тоже так молился. Вы знаете, старец обязательно поможет! Он всё слышит!» Вытираю слёзы, оборачиваюсь, но рядом уже никого нет.

Оптинские святые. Часовня убиенной братии

Иеромонах Василий, инок Трофим, инок Ферапонт. Про вашу трагическую смерть от руки сатаниста на Пасху, про вашу чудесную помощь в ответ на молитву уже так много сказано!

Рядом с мощами старцев чувствуешь благоговейную любовь – отцы наши, заступники российские, а здесь в вашей часовне хочется воскликнуть: «Братики!» И тоже текут слёзы, и вы совсем рядом – добрые и безотказные, скоропослушливые, отзывчивые на самую маленькую просьбу, такие, какими были в жизни. Как будто вы встречаете всех проходящих, как встречают добрые хозяева дома гостей, готовые услужить им и порадовать самой малостью, чтобы полюбилась Оптина, которую так любили вы сами.

Вы так хотите, чтобы никто не ушёл неутешенным из милой сердцу Оптиной!

Приезжаю в Калугу из Москвы в 9 вечера, поезд пришёл поздно, раньше не получилось. Пустой вокзал, автобусов до Козельска уже нет. Темнеет. В сумерках и обычный куст начинает казаться подозрительной личностью. Моя женская боязливость просыпается. Чуть не плачу. «Отец Василий, отец Трофим, отец Ферапонт! Неужели придётся ночевать на вокзале? Страшно!»

И братики тут же откликаются: мгновенно рядом со мной возникает женщина лет 50 с корзинкой в руках, которая тоже оказывается паломницей. Просфорница О. – послушница монастыря из Рязани. Она тут же берёт надо мной шефство, и мы едем ночевать в женский монастырь Казанской Божией Матери, о котором я даже не подозревала. Он находится в центре Калуги.

И как же хорошо нас встречают! Сестры накрывают для нас двоих стол по русскому обычаю – всё, что есть в печи! А «в печи» борщ со сметаной, вкуснейшая каша, ароматный чай с

пряниками и конфетами, всё специально для нас разогревается и накрывается! Утром уезжаем рано, а сёстры трапезничают только после службы. И снова специально для нас накрывают стол и заботливо угощают. Монастырь переехал, но в этом здании Калужская духовная семинария, храм, здесь постоянно живут и несут послушание несколько сестёр монастыря.

Уезжаем с подарками. Вместо ночи на вокзале – любовь и гостеприимство монастыря. Спасибо вам, отцы оптинские и сёстры калужские!

Рядом с монастырём живёт пожилая монахиня N. Она бывший инженер-электронщик. Умная и добрая. Мне дают послушание помогать матушке, и она рассказывает мне об отце Василии, которого знала при жизни. Рассказывает, как он уже после гибели неоднократно помогал ей. Подсказывал перед исповедью грехи. Помогал, когда болела. Здоровье пошло на лад. Как много людей о такой помощи рассказывают. Дивны дела твои, Господи!

Источник Святого Пафнутия Боровского

Дарует исцеления, душевные и телесные. А как настроение-то поднимается после купания! Идёшь по дорожке с источника мимо высоченных сосен и дышишь этим чудесным сосновым ароматом.

Как же мне понравились эти сосны! Есть такие, что и несколько человек не обхватят. Наверное, мимо них ходили оптинские старцы. Может, как я, обнимали их и гладили смолистую кору? Так приятно думать, что, может быть, моя рука касается того места, до которого дотрагивался преподобный Амвросий!

Пытаюсь дома рассказать, как меня эти сосны впечатлили, какие они древние. Сын смеётся: «Мама, ты так о них рассказываешь, как будто рядом с ними ещё динозавры ходили!» «Да, сын, ты попал в точку! Такое чувство как раз и возникает, когда трогаешь их тёплую, покрытую морщинами кору!»

Купаюсь в источнике Святого Пафнутия Боровского каждый день, с удивлением замечая, как от ледяной воды убегает, исчезает мой многолетний бронхит.

Вспоминаю с улыбкой, как расстраивалась старушка, что не сможет искупаться, так как забыла рубашку, а без рубашки-то нельзя купаться! Почему же нельзя? Так как же, источник-то мужской! Спрашиваю у проходящего рядом иеромонаха, что же делать бабушке? Он улыбается: «Купайся, матушка, на здоровье! Это не мужчина, это святой!» Старушка утешена и идёт купаться.

Оптинская братия

Поражает своей любовью. Я думаю, что это продолжают традиции оптинских старцев, которые так любили людей. Они молятся за своих младших братьев, и по их молитвам, атмосфера в Оптиной очень добрая. «Брат от брата укрепляем, яко стена огражденная». А старцы оптинские и нынешние монахи – братия.

Читала высказывание у Нилуса: «Никто пусть не думает, что пришёл в Оптину сам по себе. Это милость Божия к вам». И вот по этой милости, по выбору Господа, который сам предизбрал «монахов – возлюбленных детей своих», по молитвам старцев оптинских, растёт оптинская братия.

Об оптинских отцах, чадах и прозорливости

У оптинских отцов много чад. Люди едут из ближних мест и издалека. Кто-то ограничивается одной поездкой и получает помощь и утешение. Кто-то начинает ездить постоянно, окормляться у одного священника. Зарождается духовное родство, у духовных отцов появляются свои чада.

Раньше думала, что «окормляться» от слова «кормить», оказывается, «окормитель» - не от «корм», а от «кормчий». Окормляю - управляю, веду ладью своего чада по бурному морю житейскому мимо рифов и мелей, сквозь шторм и бурю скорбей и искушений. Так и ведут своих чад оптинские отцы.

Собрались трое, у каждого в Оптиной свой духовный отец, и каждый уверен, что его батюшка самый лучший, особенный, прозорливый. Меня так умиляет эта картина. Так и вспоминается, как стояли трое около двух тысяч лет назад и спорили: «Я Павлов, я Аполлосов, я Кифин...»

Хорошо знаю, что все чада своего отца особенным считают. Когда я, после многочисленных случаев совпадений, просто невероятных угадываний о перипетиях моей жизни, неожиданных звонков и наставлений в самые тяжёлые моменты, проникаюсь убеждением, что мой духовный отец - прозорливец, каких поискать ещё, и так прямо ему об этом заявляю: «Батюшка, а ты прозорливый!» - он смеётся и отвечает: «Я не прозорливый, я прожорливый!» Так мои откровения заканчиваются.

Я думаю, что разгадка особенности каждого духовного отца для его чада такая. Все знают об особенной мистической связи матери и детей. Как чувствует мать всё, что происходит с ребёнком. Испытала это на себе.

Когда мои дети были маленькими, нам дали путёвку в Железноводск. И вот живут мои детишки в санатории, а я рядом, с другими матерями на квартире. Всё прекрасно. И вот как-то ночью я просыпаюсь от ужаса. Лежу и понимаю, что случилось что-то недоброе и нужно молиться. В комнате, где спят ещё три мамочки, я тихонько встаю на колени и начинаю молиться. Плачу. Этого мне мало. Я тихо одеваюсь, выхожу из дома, бегу к санаторию, перелезаю через ограду, потому что ворота закрыты, подхожу к зданию, продолжаю молиться. И вдруг ужас проходит. Всё.

Оглядываюсь вокруг, смотрю на часы: три часа ночи. Все спят. И я одна, заплаканная, рядом с санаторием. Меня посещает мысль о собственном сумасшествии. Может, я сошла с ума? Но можно ли сойти с ума так внезапно? Не зная, что и думать, возвращаюсь прежним путём - через забор. Теперь это даётся труднее, долго карабкаюсь, а сюда бежала - перемахнула - ниндзя отдыхают. Крадучись, возвращаюсь в квартиру, хорошо все спят, моего ночного сумасшествия не заметили.

Проснувшись утром, пытаюсь понять, что произошло, звоню в санаторий. И попадаю на медсестру, которая сбивчиво говорит: «Сейчас всё хорошо, не волнуйтесь! А ночью было плохо, очень плохо! У вашей дочери внезапно развился круп, был отёк гортани, и она чуть не задохнулась! Я так испугалась! Около трёх часов ночи она подошла к моему посту, и она задыхалась! Если бы она не проснулась и не подошла ко мне, она бы умерла во сне от удушья. Но сейчас уже всё хорошо, не волнуйтесь!» Вот такая история.

Таких историй было ещё несколько, думаю, любая мамочка может вспомнить подобное.

А между духовным отцом и чадом такая же тесная связь. Только она духовная. И отец

чувствует своё чадо и то, что с ним происходит. Вот почему для каждого чада его духовный отец особенный. Господь помогает ему вести чадо сквозь скорби и искушения, такие неизбежные на нашем жизненном пути. Вот и мне хочется сказать трём спорившим: «Не спорьте! Каждый из вас прав! Для каждого его духовный отец – самый особенный и пророчливый».

И ещё раз об оптинских духовниках

Батюшки смиренные. Хранят оптинские монашеские традиции. Похвалить монаха – то же самое, что бегущему подножку поставить. Пока живы, все подвизаются, а о святости человека судим мы уже после его смерти. Хорошее высказывание по этому поводу прочитала у Святых Отцов: «Перед самым сбором урожая град может уничтожить виноград, и праведник перед смертью [может] согрешить. Поэтому не спеши ни к кому [приступать] с похвалами». Читаю и представляю крупные и ароматные, налитые соком грозди винограда. Но ведь может пройти град или снег выпасть...

Наверное, поэтому из уст в уста передаётся оптинская байка. Спросили старца, отца Илия: «Батюшка, правда, что все оптинские отцы пророчливцы и чудотворцы?» На что старец с улыбкой ответил: «Не знаю насчёт пророчливцев, а чудотворцы точно все».

Значит ли эта шутка, что перевелись старцы в монастырях? Слава Богу! Утешает Господь людей своих, но чудеса эти прикровенные, даются по нужде. Рассказывает мне в очереди на исповедь жительница Козельска Е., как недавно в этой очереди стояла её соседка. Приехала к игумену Н. со своим горем – сын пропал. Выслушав рыдающую мать, ушёл он в алтарь, долго молился, а вернувшись, сказал: «Не плачь, через пару дней вернётся». И действительно, на второй день сын вернулся.

На послушании в гостинице раба Божия Н. рассказывала мне о том же батюшке, как уговаривал он остаться в монастыре одну уже не очень молодую женщину. Не слушала она уговоры, и батюшка сказал: «Что ты там будешь делать в миру, настрадаешься, да ещё и с ребёночком». Про ребёночка было совсем непонятно, но понятно стало, когда женщину соблазнил и бросил с ребёнком заезжий молодец, и она действительно много страдала.

Про самого старца Илия рассказывала на совместном послушании паломница О. с Урала средних лет: «Хотела я спросить у старца, есть ли воля Божия на моё монашество, но никак не получалось побеседовать с ним. И вот стою после службы, вдруг народ задвигался, хлынул за вышедшим старцем. Кто-то вопрос хочет задать, кто-то попросить молитв, кто-то просто благословиться желает. Ну, думаю, не подойти мне к старцу».

И вдруг народ выталкивает меня прямо в спину к батюшке. Недолго думая громко спрашиваю: «Батюшка, отец Илия! Буду ли я монахиней?» И батюшка не оглядываясь отвечает: «Да, ты будешь монахиней. Обязательно будешь монахиней!» И уходит, сопровождаемый народом. А я остаюсь и чувствую, как охватывает меня недоверие, а за ним уныние. Старец даже не взглянул на меня. С таким же успехом я могла спросить, буду ли я космонавтом.

В унынии плетусь к братской трапезной. Стою и плачу. Рядом ещё паломники стоят. Кто-то своего духовного отца ждёт. Кто-то старца дожидается. Стою без всякой надежды. И вдруг появляется отец Илий. Сразу тянутся к нему руки с записками, народ вопросы наперебой задаёт. Но батюшка подходит прямо ко мне. Внимательно смотрит на меня и спрашивает: «Ну что, ты уже выбрала себе монастырь, где хочешь жить?» На этом месте глаза паломницы увлажняются – утешил батюшка! Хоть и не взглянул при вопросе, но духовным зрением он видит многое.

Оптинские отцы и духовное рассуждение

А вот ещё рассказ. Паломница О. делится со мной, как ей хотелось, чтобы Господь послал ей крепкую веру, любовь и духовное рассуждение. «Вот как запоют на клиросе «Тебе поем, тебе молимся», – рассказывает она, – так я сразу же – бух на колени. Слышала, что Господь быстро принимает молитвы, возносимые в самые главные моменты Литургии, вот и прошу, прошу. «Дай мне, Господи, веру, любовь и духовное рассуждение». И вдруг после одной из служб мой духовный отец строго так мне говорит: «Ты чего это там просишь? Ты как молишься? Проси у Господа одного – чтобы Он тебя помиловал, а Господь сам знает, кому что дать. А будешь молиться как раньше – скорби будут».

Задумалась я над этим рассказом. Разве плохо иметь крепкую веру? Любовь? Духовное рассуждение и вообще одним из высших даров считается. Почему же скорби? Говорят Святые Отцы: «Дай кровь и прими Дух». Ни один дар не даётся просто так. А если бы давался, то не смог бы человек сохранить его. Или бы возгордился.

И вот просим мы смирение у Господа. Или терпение. Что это означает? Это значит, что, если Господь услышит нашу просьбу, мы встретим на своём пути людей, которые будут нас смирать, причинять нам досаду, неприятности, возможно, боль. Или будут на нашем пути скорби, в которых мы сможем научиться терпению. Понесём ли мы эти скорби терпеливо? Не озлобимся ли против людей, которые нас смирать будут? Не начнём ли роптать?

А дар духовного рассуждения так высок, что, наверное, чтобы научиться рассуждать духовно, нужно много искушений и скорбей перенести, падать и подниматься. Падать бывает всегда больно. И в обычной жизни, и в духовной.

Наверное, многим верующим людям знакома ситуация, когда ты думаешь над каким-то вопросом и ответ сам приходит к тебе через людей, или жизненные обстоятельства, или книги. Нужно только его услышать. Господь вразумляет. Прочитала у одного из подвижников: «Когда я молюсь, в моей жизни происходят удивительные совпадения и открытия, но когда я перестаю молиться, эти совпадения заканчиваются».

Начала я думать о духовном рассуждении, а на следующий день игумен А. книгу мне дарит. Называется «Следовать воле Божией (письма к монашествующим)» оптинского старца Анатолия. Открываю наугад и читаю, как урезонирует старец юное чадо, возмечтавшее о духовном рассуждении: «Одна глупенькая молоденькая девочка просит: «Испроси мне просвещение сердца, чтобы я могла различать правый помысел от вредного». Ну что тут прикажешь отвечать? Берёшь ты, матушка М., высоко! Есть кого спросить, и спрашивай! Получишь ответ – и будет с тебя. А то ведь высокомерна эта девочка! Испроси ей ещё дар рассуждения! Да этот дар выше всех добродетелей христианских!.. В древнем Египте и великие-то отцы не все имели дар сей. Вот какие: Макарий Великий ходил на старости лет к Антонию вопрошать. Пимен Великий ходил с помыслами своими к Иосифу Панефосскому; Памво, Амун и многие, многие великие святые не смели дерзать на такую добродетель! А М. подай! Экая гордая...»

На этом история не закончилась. Когда я пришла на очередную исповедь к игумену А., он дал мне читать книгу с закладками. Сказал: «Вот здесь на скамейке посиди и три главы прочитай, а потом подойдёшь». Когда я открыла эти главы, прочитала их названия. Как они назывались, спросите вы? Точно, отгадали! Первая глава: «Как стяжать веру», вторая «Как стяжать любовь» и третья «Как стяжать духовное рассуждение».

Об «удивительных совпадениях»

И ещё немного об удивительных совпадениях, которые, думаю я, на самом деле и не совпадения никакие. А помощь и вразумление, духовное руководство, Господь ведёт по жизни.

Очень почитаю я оптинских старцев Амвросия, Льва, Варсонофия. Дома у меня были несколько книг про преподобного Амвросия, а вот про старцев Льва и Варсонофия не было. Только фотография отца Варсонофия, мне её инокиня Е. подарила. Купила я в Оптиной портреты отцов Льва и Варсонофия. Стала к книгам присматриваться, только денег уже маловато оставалось.

Есть в Оптиной иеромонах М. Человек высокой духовной жизни. Строгий с чадами, но доброта у него огромная. Он был первым священником, у которого я в Оптиной исповедалась. И очень поддержал он меня духовно. Много чад у батюшки. У меня тоже есть наставник. Но связь духовная между нами завязалась, и много раз обращалась я к отцу М. за духовным советом, когда мой духовный отец был далеко.

И вот на мой день ангела дарит мне отец М. две книги. Думаю, что вы уже догадались, их названия были: «Преподобный Лев» и «Преподобный Варсонофий Оптинский».

- Отец М., как же ты догадался, что к этим старцам у меня особенное отношение?

- Я и не догадывался. Почему-то захотелось подарить тебе именно эти книги.

Ещё история о «совпадениях»

Игумен А. рассказывает мне о том, что нужно стараться скрывать свои благодатные впечатления, не болтать о них. Иначе потеряешь всё, что получила. «Мистика» – от греческого «тайна», и в православии не принято говорить от первого лица о духовном опыте. Отец А. приводит мне пример апостола Павла, который говорит о себе в третьем лице, как был «восхищен до третьего неба». А преподобный Серафим Саровский был удостоен несколько раз посещения Божией Матери, но рассказала это после его смерти бывшая с ним монахиня. А мы, маленькие и немощные, не можем сохранить и ту малость, которой утешает нас Господь.

Слушаю и понимаю, что это урок для меня. От избытка чувств делилась своими переживаниями с напарницей по послушанию. И на самом деле эти переживания ко мне не вернулись. Обрела их снова только спустя долгое время.

Затем рассказывает мне батюшка об истории с мужем и женой, которые остановились на ночлег у старичка. Когда они шли по дороге, был между ними разговор про Адама и Еву. «Как можно было не соблюсти заповеди Божией?» – поражалась жена. И вот приютил их на ночлег старичок. Сказал, что могут ужинать и угощаться всем, что на столе стоит. Не трогать только кастрюлю на окошке. И ушёл по делам. Поужинали муж и жена. А запретная кастрюля покоя не даёт. Не выдержали, решили только глянуть, что же там за яства? Приоткрыла жена крышку, а оттуда мышка выпрыгнула и убежала. Вернулся старичок. А мышки нет в кастрюле. И объяснил он, что это был ужин для кошки. Вот он запретный плод. Сладок!

Слушаю я историю, думаю, что где-то её уже читала и не понимаю, зачем батюшка мне её рассказывает. «Долго» не понимала. До вечера. А вечером с трудом справилась с сильнейшим искушением. Справилась только потому, что про мышку вспомнила. И с тех пор часто меня эта мышка спасала...

Оптинские молитвы

Если живёшь на послушании в Оптиной, то можешь каждый день подавать записки за здравие и за упокой на Литургию. И это очень действенно. Через неделю после приезда звонок: звонит матушка А. Я перед поездкой ей не сказала, что еду в Оптину. Не успела. Но поминаю их с отцом В. в каждой записке. И вот матушка говорит: «Ты, наверное, в Оптиной? Когда ты нас там поминаешь, мы тут как на крыльях летаем!»

Я и сама как на крыльях летаю. Вчера шла в храм и, поскользнувшись, упала. Судя по падению, должна была себе точно что-то повредить. Но приземляюсь так мягко, как будто ангел подхватил и бережно поддержал.

Вхожу в храм. Почему-то не иду на привычное место, а подхожу к свечному ящику. Зачем? Сама не знаю. Записки утром подала. Нечего мне сейчас у свечного ящика делать. И вот подходит к ящику паломница и протягивает сотовый телефон. Обронил кто-то у самого храма. Да это же мой телефон! Из кармана при падении выпал! Не успела потерять, как мне его возвращают!

И так всё время в Оптиной. Ангел мой, ты бережёшь меня по молитвам оптинских отцов?

Оптинские уроки

Каюсь на исповеди в тщеславных помыслах. Как-то выписывала высказывания Святых Отцов о гордости и тщеславии. Целая книжечка получилась. Если бы с таким же успехом и от этих страстей избавиться... Святые Отцы говорят, что каждому доброму делу сопутствуют гордость и тщеславие. Как среди пшеницы растут плевелы. Приходится всю жизнь бороться с этими страстями, иначе и пшеничка не вырастет, хлебушка не покушаешь.

Отец А. даёт мне читать главу про то, как одному человеку на молитве бесы внушали тщеславные помыслы. О том, какая у него молитва сильная, слёзы искренние, да и сам он почти старец. А человек им отвечал так: «Если бы это было так на самом деле, то вы, тщеславные помыслы, ко мне бы не приходили. Не прилеплялись. Если у меня сильная молитва, то вы, бесы, либо должны уйти, либо, раз не уходите, то не врите, что молитва моя сильная и сам я почти старец». Этим смиренным помыслом он обезоруживал коварство демонов.

Уроки получаю на каждом шагу. Слава тебе, Боже! Иногда эти уроки совсем неожиданные и мгновенные. Много лет работаю в большом коллективе, сталкиваюсь каждый день с множеством людей и их проблемами. Знаю, что с Божией помощью научилась ладить с окружающими.

И вот читаю главу из книги о современной монашеской жизни, где рассказывается об искушении в монастыре, конфликте с открыванием форточки. Мне становится даже смешно. Ну уж такие мелочи мы щёлкаем как орешки, нужно просто уступить или с любовью попросить.

На следующий день начинается ремонт в нашей келье, нас переводят в другую. Келья на 10 человек, очень жарко, просто душно. Моё место у самой батареи, от которой пышет жаром. Сестра, которая спит далеко от окна, запрещает открывать нам форточку, по её словам, она очень чувствительна к холоду. Остальные 9 человек просят форточку открывать, потому что в такой духоте спать просто невозможно. Сестра устраивает скандал. И я с ужасом слышу гневные слова, которые произношу сама. Вот тебе мелочи, вот тебе и орешки.

Переходим с паломницей Т. в вагончик, потому что спать в такой жаре не можем. Кто помоложе, остаются в келье, уже молчат. Когда все засыпают, выхожу на улицу и тихо плачу. Не смогла уступить. И с любовью попросить тоже не смогла. Да ещё и грубые слова сказала, чего со мной много лет не случалось. Возгордилась и получила урок.

А на другой день случайно упоминаем в разговоре одного из уважаемых отцов Оптиной. И охранник Е. говорит: «Сколько же дел у этого отца! Службы, многочисленные исповедники, благотворительность, труды в обители. Спит ли вообще батюшка?»

Оптинские паломники

Встречаешь в Оптиной очень много разных людей. Из случайного разговора, обрывков фраз, более тесного знакомства на совместном послушании, а иногда исповедальной вечерней беседы проглядывает жизнь человека, судьба.

В паломнической трапезной мою посуду вместе с пожилой паломницей Г. Кажется, что ей далеко за 60, с удивлением узнаю, что ей только 54 года. Она сильно сдала после трагической гибели сына. Рассказывает, что дома много помогает в храме. Работает очень быстро, ловко, старается помочь мне и взять на себя работу потруднее. Её трудолюбие оцениваю три дня спустя, когда она уезжает и на её место ставят двух девушек лет двадцати. Вдвоём они не справляются с объёмом работы, который выполняла Г.

Новое послушание в братской трапезной. Знакомлюсь с братом Р. Умный, скромный молодой человек. Рассказывает о своей семье. А семья у него необыкновенная. В ней 17 родных детей. Одно время им было очень тяжело, пришлось и жить впроголодь.

Местные власти сначала помогали, но когда узнали, что всех детей крестят, то сильно ругались и ругали родителей. Помогать перестали, мешали помогать семье даже местному батюшке. Писали о них журналисты, но в основном отрицательное – дескать, нищету наплодили. Р. рассказывает, что приходили к ним сектанты, приезжали католики. И те и другие предлагали материальную помощь в обмен на отказ от православия. Но родители не согласились.

И вот дети выросли, все живы, здоровы, выучились и твёрдо стоят на ногах. Р. и четверо его братьев работают в православной ювелирной мастерской. И он с восторгом рассказывал, как хорошо у них на работе. Какие у них иконы, как они кадят ладаном, слушают православные песнопения. Какая мирная, уютная атмосфера в мастерской.

Р. очень добрый. Всё время старается помочь нам, хотя у самого работы очень много. Посуду моют втроём, мелкую посуду: тарелки, чашки, ложки – моют две сестры, а брату достаётся мыть тяжёлые котлы и кастрюли. Р. очень нравится в Оптиной, приезжает сюда уже не в первый раз.

Со мной работает паломница Т. Ей 60 лет. Т. рассказывает, как семья их была неверующей. Сначала к вере пришёл муж. Своими молитвами привёл к вере всю семью. Один сын сейчас уехал на Валаам, хочет там остаться. А Т. уже второй раз приезжает в Оптину. Она рассказывает, чуть не плача, как была неверующей, как смеялась и даже издевалась над мужем, когда он начал в храм ходить. А муж не спорил, только молился тихонько. Т. поражается, как же она могла высмеивать мужа, ведь это всё правда, вот ведь сейчас она исповедуется и причащается, даже правило утреннее и вечернее начала читать.

В гостинице знакомлюсь с паломницей М. У неё остеомиелит, нога болит очень сильно, и

никакое лечение не помогает. Здесь она ходит на службу, молится, несёт послушание, и болезнь отступает. Поэтому М. живёт в Оптиной уже несколько месяцев. Надеется на выздоровление.

Много было встреч и знакомств, обо всех не расскажешь. Оптинские паломники все разные, у каждого своя судьба. Но всех их объединяет любовь к Оптиной.

Трудно ли жить паломнику в Оптиной

Как в большинстве монастырей, паломников принимают на три дня. Дальнейшее проживание зависит от настроения самого паломника. Если это воцерковленный человек, не пропускающий службы, ответственно относящийся к послушанию, то ему могут благословить пожить и подольше.

Послушания достаточно трудные. Мне пришлось потрудиться в разных местах: в гостинице, в братской и паломнической трапезной, в буфете. Было послушание помогать старенькой и больной монахини, которая живёт рядом с монастырём: натаскать воды, постирать, помыть пол, сводить матушку к источнику и так далее.

Свободного времени почти не остаётся. Подъём в 5.30 на раннюю Литургию, послушание, трапеза в 13.00, послушание, вечерняя служба, вторая трапеза после службы около 21.00 и в 23.00 отбой, свет выключают. В келье много паломников, у каждого свой характер, свои привычки. Хорошая школа для приобретения терпения и смирения.

В миру я работаю руководителем организации, привыкла к обращению по имени-отчеству. В монастыре отчества у меня нет. Когда бригадиру в паломнической трапезной кажется, что посуда помыта недостаточно чисто, она командует: «Девочки! Таня, Оля, Галя! Перемываем посуду!» Закусив губу, иду пере мывать посуду, думаю, как мне полезно это для смирения. Да и физическая работа в радость. В миру на работе тяжелее компьютерной мышки ничего почти не держу. А здесь это огромное количество посуды, несколько часов подряд напряжённой физической работы в быстром темпе так непривычно. Но какая блаженная усталость и крепкий сон ждут тебя.

Что ещё? Проблема с водой есть в Оптиной. В душ талончики дают раз в неделю. Поскольку я привыкла принимать душ утром и вечером, то для меня это испытание. Правда, можно купаться в источнике в любое время и в любую погоду.

Когда я поехала в Оптину в отпуск в последний раз, попыталась позвать с собой приятельницу. Человек она верующий, но в храм пока ходит редко. В монастыре ни разу не была. Приятельница спросила, есть ли в Оптиной телевизор. Без любимых сериалов она пока своей жизни не представляет. Как и без мяса. «А летние пикники на даче! А шашлычки! Можно ли в Оптиной мясо есть? Нельзя? Нет, для меня это не отдых».

А кто сказал, что мы сюда отдыхать приезжаем? При прощании отец М. укорял меня: «Мало пожила, мало потрудились! Что? Кризис? Проблемы? Какой кризис, какие проблемы! Душу спасти нужно!»

Оптинские дневники

Дневник одной стропливой послушницы

24 ноября 2009 года

Писать неудобно, вагон качает. Так, сейчас положу ноутбук на колени и буду писать на нём. Вот. Так удобнее. Три с половиной часа пути. Можно и поразмышлять...

Жизнь наша полна символов и знаков. Почему? Да потому что она не хаотична. А протекает наша жизнь в Промысле Божиим. И духовные люди бывают прозорливы, потому что явственно видят тайны духовного мира, закрытые для недуховных людей. Ведь духовный мир существует вне рамок земного времени. И вот обычный человек видит какой-то хаос событий и встреч, переплетение жизненных нитей, как на изнанке ковра, когда трудно понять, что же изображено на лицевой стороне. А духовный человек прозревает узоры и краски целого полотна, видит картину жизни в целом.

«Остановка «Сто десятый километр», – проскрежетал голос из динамика. Электричка «Москва – Калуга» остановилась. Я с трудом возвращаюсь от своих размышлений к повседневной жизни. Полупустая электричка, тусклый свет. В конце вагона две цыганки увлечённо беседуют. Справа спит парень в телогрейке, подложив авоську под голову. Я возвращаюсь в Оптину из московского издательства.

Ноябрьские сумерки сгущаются, близится вечер, и моё лицо начинает отражаться в окне. Смотрю на своё отражение: «Что ждёт нас с тобой в этот приезд? Каким окажется новое послушание?»

Встречаю задумчивый взгляд и киваю знакомой незнакомке в окне. Фотограф, который недавно вручил мне моё фото, глубокомысленно заметил: «Ну как? Не похожа, говоришь? Это ты правильно заметила. Редко кто замечает. Они врут все – и фотографии, и зеркала».

Моё отражение живёт немного самостоятельной жизнью. Вот я кивнула, а светловолосая женщина там, в окне, кажется, помедлила и чуть позже наконец благосклонно кивнула. В уголках губ лёгкая насмешка – философствуешь, подруга?

Я буду келейницей у монахини – мать С. Если твёрдо верить, что жизнь наша протекает в потоке Промысла Божия, то, конечно, это послушание не случайно. Чему-то должна я научиться, что-то понять. А вот интересно, можно ли было заранее догадаться о новом послушании? Были ли знаки?

Конечно, я не могу претендовать на звание духовного человека, оно очень высокое. Но всегда любила наблюдать за символами, знаками, пытаться разгадать канву жизненного узора. Закрываю глаза. Напрягаться не нужно. Не нужно силой воли вытаскивать воспоминания. Нужно просто открыть дверь памяти. Распахнуть её и ждать. То, что нужно, придёт первым.

Первым приходит – Москва, Киевский вокзал, торопливые проводы. В руки мне дают белый пакет – это неожиданный подарок. Что же там может быть? В вагоне рассматриваю его: надпись: «Марфо-Мариинская обитель милосердия». В пакете – подарки. Булочки, пирожки с картошкой, плюшки – всё испечено в обители. Пакетик с сухариками. Надпись «Освящено на мощах преподобной мученицы великой княгини Елисаветы». Ещё пакетик. В нём иконочка преподобной Елисаветы и масло, освящённое на её мощах.

Я задумываюсь. В мою жизнь явственно входит сама преподобная мученица великая княгиня Елисавета. Милосердная и заботливая. Одна из тех, кто «душу полагает за други своя». Матушка не гнушалась собственноручно перевязывать тяжелобольных, выносить судно за лежачими. Она могла жить такой лёгкой беззаботной жизнью: блистать на балах, путешествовать по самым красивым местам на свете, наслаждаться всеми материальными благами и земными удовольствиями. Но она выбрала тесный путь. И шла по нему до конца без

ропота.

Следующее воспоминание – ещё один знак. В прошлый мой приезд в Оптину я познакомилась на послушании с одной из сестёр монастыря. Она, как и я, несла послушание в храме. Случилось так, что она делилась со мной своими переживаниями: ей дали послушание ухаживать за старенькой и очень больной женщиной. Она рассказывала, что уже ухаживала за ней и что это ей было очень тяжело. Во всех отношениях: бытовом, душевном, духовном.

Я очень ей сочувствовала. Тем более что бытовые условия действительно трудные: нужно топить печку, носить воду из колонки. Горячей воды, конечно, нет. На единственной электрической плитке нагреть воды, каждый день стирать бельё. Душ в монастыре раз в неделю. А ведь за старым и больным человеком особый уход...

Своими переживаниями я делилась с игуменом А., нашим общим духовным отцом, который и благословил этой сестре новое послушание. В ответ на мои сочувствия и вопросы, нельзя ли отдать это послушание кому-то другому, он рассказал мне историю.

Один мужчина, напившись пьяным, становился очень раздражительным. И в порыве гнева часто обижал свою жену. Однажды, будучи пьяным, он так ударил её, что она умерла. Когда он протрезвел и понял, что натворил, то впал в отчаяние. Отсидев срок, поехал в монастырь и хотел остаться там жить. Но старец монастыря, выслушав его покаянную исповедь, не разрешил ему оставаться в монастыре, а благословил нести послушание в приюте и ухаживать за тяжелобольными.

Это научило его терпению и кротости, и через несколько лет он стал совсем другим человеком. Когда близкие знакомые встретили его на могиле жены, то не узнали. Вместо гордого и вспыльчивого мужчины они увидели человека смиренного. Весь облик его стал иным. Вот такие плоды пожинает тот, кто безропотно несёт подвиг заботы о больных и страждущих.

Я слушаю эту историю, но что-то внутри меня сопротивляется ей. Я говорю батюшке:

– Конечно, это подвиг. Можно сказать, даже мученичество. Но мне кажется, что этот подвиг должен быть только добровольным. Потому что нельзя стать мучеником с чужой подачи. Это должна быть свободная воля человека. Ведь если заставить его нести ношу, которая ему не по плечу, то человек будет роптать и ропотом всё испортит. Разве нет?

Игумен А. улыбается и отвечает:

– Хорошо рассуждаешь. И рассказы пишешь о добрых людях. Вот неплохой рассказ написала, об одной из сестёр монастыря. Ну, там где она спасает бомжа от голодной смерти и отправляет его в приют.

– Батюшка, я рада, что мой рассказ понравился.

– Да, пишешь-то ты хорошо. Только теория – придворная дама, а практика – медведь в лесу. Так старцы оптинские говорили.

Теперь понятно, что он имел в виду. Не пора ли мне на практике узнать то, о чём я рассуждала и писала?

Из динамика скрежещет: «Следующая станция Калуга-1». Моя остановка.

25 ноября 2009 года

Батюшки-светы, куда ж я попала! Теперь мне понятны сочувствующие выражения лиц гостиничных сестёр, которые присутствовали при моём назначении на новое послушание. Монахиня С. – вид грозен, палкой постукивает, всем своим видом показывает, кто в келье хозяин. Везу её на коляске в храм. Она гордо объявляет обо мне: «Это моя новая послушница». Кто-то сзади хихикает: «Ну конечно, новая, старые-то все не выдержали – сбежали!»

Вид у матушки ещё тот: старые боты, грязное пальто. В келье тяжёлый запах. Сама она постоянно ворчит, ругается в храме на тех, кто, по её мнению, ведёт себя неподобающе. Часто стучит палкой и делает вид, что сейчас кого-нибудь ударит. Да уж! Вот сестра О. ухаживает за старенькой монахиней, очень чистенькой, благопристойной. Говорит, что она очень мудрая. Рассказывает много назидательного. А я чему буду учиться у своей наставницы? Как палкой стучать? Э-эх!

Утешаюсь воспоминаниями о рассказе из книги про оптинского старца Варсонофия. Там говорится о том, как жил-был один барин. И вот к нему приехал лакей, пригласить на ужин к своим хозяевам. Смотрит барин, а лакей весь какой-то потрёпанный, и одежда-то на нём грязная, и сам он какой-то грубый, невоспитанный. Нос красный, может, ещё и пьющий. Вот барин и говорит ему:

- Что ж господа-то твои, не могли ко мне кого поприличнее послать, что ли?

А лакей отвечает спроста:

- Всех, кто был поприличней, послали к приличным господам. А к вашей милости вот меня прислали.

Так что к моей милости прислали вот эту матушку.

Обязанности мои просты и понятны: утренний и вечерний туалет матушки, стирка белья, отвезти и привезти её на коляске в храм. Ну, и прочие мелочи: памперсы, помочь одеться, обуться, заправить постель, искупать, накормить, помыть посуду.

К концу дня выясняется, что у меня есть ещё обязанности: кормить толстых оптинских котов, предварительно приготовив им еду в пакетике (матушка сама не съест, но коты должны быть сыты). Кормление происходит долго, я топчусь в ожидании коляски и мёрзну. Начинаю ныть: «Матушка, поедem домой». Непреклонно: «Стой и жди, ещё не все коты поели».

После вечерней службы ещё один сюрприз: я должна завезти коляску в гостиницу и уложить на неё спать здорового и толстого серого кота. Наглый кот спать ложиться не желает. Я объявляю: «Спать он не будет. Пойдём домой, ужин остывает!» В ответ – крик. На меня стучат палкой и ругают: «Ты не умеешь укладывать котов спать!» Да, уж – котов мне действительно не приходилось укладывать спать. К моему глубокому удивлению, мать С. легко справляется с серым – он сворачивается в клубочек на коляске под её тёплым платком. Юрий Куклачёв, у вас есть серьёзный конкурент!

Так, Оля, терпи. Это послушание очень полезно для тебя – через пару дней ты будешь терпеливой и кроткой как овечка. Невозможно за пару дней? Ну, если эта матушка даже серого наглеца выдрессировала, то, возможно, со мной этот процесс пройдёт быстрее. Я стану смиренной, и мне сразу дадут другое послушание. Как там я недавно писала в записной книжке? «Промысел Божий устраивает все обстоятельства наиболее благоприятным образом для спасения человека». Вот, значит, мне эти обстоятельства наиболее и подходят. Буду терпеть. Спокойной ночи, Олечка!

26 ноября

Встала совершенно разбитая. Серый нахал решил, что в нашей келье ему спать гораздо удобнее и пришёл ночью к нам. Мне пришлось встать и укладывать его в ногах у матушки. Поскольку спать он не ложился, мне объявили, что он голоден. Что я, совсем глупая? Не понимаю, что голодным не уснёшь? На мой взгляд, серому не помешало бы поголодать пару дней, а то он уже квадратный почти. Одна серая морда чего стоит. Ещё пару килограммов, и можно спутать с лошадью.

В три часа ночи мне пришлось искать плошку, потом кашу, заботливо оставленную в процессе ужина для завтрашнего кормления котов. Потом оказалось, что после еды кота следует напоить. Я попыталась возмутиться, но поняла, что лучше молчать, иначе возмущённая матушка перебудит всех окружающих. А келья наша только называется кельей. На самом деле это место в коридоре по дороге в туалет, отгороженное занавеской. Так что возмущаться в таком месте – это просто занятное представление для всех сестёр монастыря. Серый смотрел на меня с ехидством: придётся тебе за мной поухаживать! Ну до чего противная морда! Погоди, нахал, доберусь я до тебя, отдеру за уши!

Матушка с котом к утру уснули, а я, проделав им обоим утренний туалет, поплелась стирать. Памперсы, конечно, хорошая штука. Но, наверное, для годовалого ребёнка. У нас – «а главное – сухо» – никак не получается. Трудно, наверное, ожидать, что это получилось бы, если человек весит килограммов шестьдесят, а не пять – десять. В процессе стирки чуть не уснула. Хорошо, что вода течёт только ледяная – так бодрит! Доброе утро, Олечка!

А в Патерике один старец послушника гонял за пять километров поливать сухую палку. Через пять лет она расцвела, и старец сказал: «Вот плоды послушания!» Что-то ещё читала такое – за послушание реку переплывали, хотя плавать не умели. По спинам крокодилов ходили! Ну вот, а ты всего лишь полночи кота спать укладывала. Это ж просто пустяки!

27 ноября

Сегодня мне удалось сводить матушку в душ. Говорят, что до меня это никому не удавалось. Думала, не будет она мыться. Но она мылась долго и с удовольствием. Спрашиваю: «Почему ты раньше в душ не ходила?» «А сколько тебе со мной мороки-то в этом душе?! Я бы ни за что не пошла! Да ты мёртвого с одра подымеешь! От тебя разве отвяжешься?!» Едем из душа. Дорога в горку. Коляска буксует. Никак не могу перевезти её через трещину в асфальте. На мои попытки никто не обращает внимания. Да и обращать-то особо некому: монастырские задворки пустынно.

Наконец, видимо, увидев меня из окна, выходит один брат. Лёгким движением руки приподнимает коляску и перевозит через трещину. Приговаривает: «Ну, это не для женской силы, пойдёмте-ка, я вас наверх провожу!» Хорошо, но мне уже не наверх, а снова бы вниз – опять в душ. Пока я матушку одела, пока с трещиной боролась – вся в поту и мыле.

В келье все вещи я перестирала, но запах всё равно чувствуется. Не могу понять, откуда он идёт. Наконец нахожу запихнутые за стул одеяла в пододеяльниках. Пододеяльники мокрые, и уже давно. Свёрнутые в комок, они и не думали сохнуть. Стираю. Вешаю сушить. Чему, интересно, меня должна научить данная ситуация? Ну, если по Патерику, то, конечно, неосуждению. Ведь я не знаю, почему предыдущая послушница не смогла это постирать? Не смогла уговорить матушку помыться? В голову лезут помыслы: «Оля, ты дура, что ли? Что тут непонятного!» Так, старательно прогоняем эти помыслы. Будем жить по Патерику!

28 ноября

После трапезы у меня одна сестра спрашивает: «Что-то, Оль, у тебя вид какой-то уставший. Устаёшь? А я тебя поблагодарить хотела. Обычно из вашей кельи столько криков доносилось, а сейчас – тишина. Как хорошо! И запаху почти нет. Спаси Господи!»

Да, тишина. Это я терпению учусь. По крайней мере меня никто не отправляет к крокодилам!

29 ноября

Терпения всё меньше. По Патерику я долго не выдержу. Ещё немного, и я пойду искать крокодилов. В их компании, возможно, мне будет спокойней. Серый стал ещё толще. Нахал смотрит на меня очень ехидно: «Будешь меня кормить и спать укладывать!»

30 ноября

Вот тебе и тишина! С утра – скандал! Я вечером потихоньку стащила пуховые штаны матушки. Похоже, их не стирали вообще никогда. Постирала и зашила. Но вот беда – к утру они даже на батарее не успели высохнуть. Матушка кричит на меня и стучит палкой. Мне кажется, что сейчас сюда сбежится вся Оптина. Причём крики примерно такие: «Отдавай мои штаны, нахалка!» Наверное, со стороны можно подумать, что теперь я ношу их сама.

Достаю из сумки матушки другие штаны, потом колготки. Но она наотрез отказывается их надевать. Ей нужны старые и любимые. Она одевает подрясник, пальто, ботинки и собирается идти в храм с голыми ногами. Я сначала ругаюсь: за окном минус пять. Но меня не слушают. И я неожиданно для себя начинаю плакать. Крики и стук палкой прекращаются. Матушка внимательно смотрит на меня. И я обращаю внимание, что это глаза абсолютно умного и здравомыслящего человека. Она ласково спрашивает у меня:

- Чего же ты плачешь-то? Ну не всё равно тебе: надену я эти штаны или нет?

- Нет, не всё равно! – всхлипываю я – Ты простудишься, заболеешь, а я буду переживать и мучиться!

Она печально вздыхает:

- Мучиться! Если б ты на этом свете помучилась – хорошо бы было! Здесь-то мучения от тамошних мук спасают. Ладно, давай сюда свои штаны! Как вы мне надоели!

Прикрывает глаза и опять превращается в прежнюю – сварливую и ворчливую.

Но я уже смотрю с недоверием. А матушка-то совсем не так проста! Неужели она юродствует?

1 декабря

Всё! Я уйду к крокодилам! Думаю, с ними мне будет комфортнее! Кошмарный день!

С утра меня отругала гостиничная за котов, потом сестра, моющая пол, за серого нахала, который приспособился ходить по углам в туалет. На улице-то холодно!

Затем я, как обычно, вела матушку под руку к причастию. У самой соли она остановилась, оттолкнула меня и закричала: «Иди отсюда! Что ты ходишь за мной как тень!» И все смотрели на меня пристально и недоверчиво: а на самом деле, чего это я не даю покоя монахине?!

В довершение ко всему после службы вышел к паломникам старец, схиигумен Илий. Матушка ухватила меня за руку и потребовала, чтобы я транспортировала её к старцу. Это её духовный отец. С большим трудом я протащила её через толпу, и нам удалось подойти к старцу. А он уже уходит собирается. Я так испугалась, что теперь мне её придётся за ним транспортировать дальше по проходу через толпу, что громко сказала: «Батюшка, благословите мать С.!»

Старец улыбнулся и обратился к матушке: «А-а, мать С.! Ну что, всё ворчишь?» А матушка оттолкнула меня с громким криком: «А ты чего лезешь? Как ты мне надоела! Батюшка, я от неё скоро откажусь!» Старец посмотрел на меня, улыбнулся и говорит громко матушке: «Надоела, говоришь? А ты её бьёшь?» Матушка завертела головой: «Нет-нет, я её пока не бью!» И вся толпа паломников начала смеяться.

Я чуть сквозь землю не провалилась. Матушка сделала меня посмешищем для половины монастыря. Вторая половина будет смеяться чуть позже, после рассказов первой половины.

В конце дня, в довершение к моим злоключениям, матушка неожиданно падает с ведра. Я и отвернулась-то только на минуту, воды подогреть для её вечернего умывания. У неё, видимо, закружилась голова. Падать-то, конечно, ей с пластмассового ведра – переносного туалета невысоко было, но ведро перевернулось, и она боком стукнулась о его край. Полулежит-полусидит на этом ведре на животе и кричит.

Я, испугавшись, начинаю её поднимать. Поднимаю, сажаю на кровать. Бок мажем маслом от преподобного Амвросия Оптинского. Пол мою, ведро выношу. Только что-то, по-моему, я пострадала больше матушки. Поясница отнимается. Весит матушка не так уж много – килограммов пятьдесят – шестьдесят. Ну, да и я-то не штангист-тяжеловес. Видимо, её поднимание не прошло для моей поясницы безвредно.

Ну и в конце – заключительный аккорд. А как нам без заключительного аккорда?! Матушка, рассерженная своим падением, начинает копаться в сумке. Достает пакетик с кашей, которую мы забыли отдать котам. Один пакетик с рыбой отдали, а про кашу забыли. Она в гневе с размаху бросает пакетик об пол. Пакетик разрывается, каша с брызгами разлетается по всему полу. Всё в каше: её руки, подрясник, пол. Матушка молчит и смотрит на меня внимательно.

Подхожу к ней. Тихонько говорю: «Господи, прости меня грешную и пошли мне, пожалуйста, немножко терпения». Вытираю ей руки, снова мою пол, с трудом наклоняясь – поясница болит. Матушка наблюдает за мной молча.

Мой духовный отец в отъезде. Пожаловаться и то некому. Вечером написала ему короткое письмо: «Моё послушание так спасительно, что боюсь не дожить до твоего возвращения. Ты вернёшься, а я уже спаслась, причём в чине мучеников».

Внутри всё кипит! Я стираю кучу белья в ледяной воде, таскаю эти тяжёлые тазы, эту тяжеленную коляску, вожусь с котами и серым толстым наглецом, а взамен получаю только ругательства. Нет у меня смирения, нет терпения, рано мне такие подвиги, как уход за этой матушкой, совершать. Пускай это делает кто-нибудь более продвинутый в духовном плане! Тот, кто сможет по Патерику жить!

И вообще, в Патерике наставники были благодатные. Таких старцев можно было слушаться! И по спинам крокодилов ходить! А мою улетевшую матушку с какой стати я должна слушаться?! Тоже мне старица-наставница!

Решено. Завтра я отказываюсь от этого послушания. Если доживу до завтра.

2 декабря

С утра матушка кроткая как овечка. Говорит мне: «Мы с тобой будем всегда вместе жить». Думаю: «Нет, только не это!» Вслух говорю: «Ты же сказала, что я тебе надоела?!» Она: «Так это ж я просто так сказала».

Отвожу её в храм. Стою на службе. После «Отче наш» иду за обедом в трапезную. Приношу обед, закутываю в полотенце, чтобы не остыл. Сажусь. Думаю. Если отказываться от послушания, то надо идти сейчас к старшей. Собирать вещи и переходить в другую келью. Сажу. Думаю. Вообще-то мой духовный отец не благословляет самочинно менять что-то: послушание, работу. Как там говорится? «К стропотным стропотные пути посылает Бог».

Ещё я недавно выписывала хорошие слова. Надо найти, перечитать. Вот: «Когда мы в каких-то обстоятельствах стараемся сохранить мир, согласие, любовь и это не получается, то нужно знать: или это не наша мера, или же есть на то воля Божия, значит, нужно просто терпеть».

Иду в храм. Оказывается, все уже ушли. В храме тишина. Сидит одна моя матушка. Головушку повесила. Ждёт меня. Голодная, наверное. Так мне её жалко стало. Ладно уж. Ну что, Олечка, потерпим ещё? Да, пожалуй, пару дней ещё можно потерпеть.

3 декабря

Удивительное дело! Сколько лет я бываю в Оптиной и живу подолгу, никогда у меня не получалось со старцем толком поговорить. Несколько раз, правда, он на мои вопросы отвечал, благословлял меня, просфоры давал. А ещё записочки мои брал, молиться чтобы. Но вот исповедаться ему или долго поговорить – такого никогда не было!

А сегодня – просто чудо! Я исповедалась старцу, покаялась в ропоте и раздражении на матушку. И отец Илий со мной довольно долго разговаривал! Расспросил о моих рассказах и о моей книге. Сказал, чтобы писала дальше, что дело это хорошее. И ещё спросил меня о матушке. Я сказала, что она добрая. Потому что не хотела её осуждать. Тем более что она так любит своего духовного отца! А он: «Добрая, говоришь?» И улыбнулся. Накрыв меня епитрахилью и довольно долго молился. А потом ещё банку варенья мне подарил! Вот здорово!

Правда, после исповеди матушка ехидно мне сказала: «А в чём ты каялась-то? Ты ж у нас святая!» Но я почему-то даже не обиделась. И настроение не испортилось!

Хорошо-то как! Долго стояла у иконы Божией Матери. Вот святые отцы пишут, что когда мы просим послать нам смирения и терпения, то Господь посылает нам людей, которые нас смиряют и обстоятельства, которые учат нас терпению. Это, конечно, хорошо. Но как не хочется лично с такими обстоятельствами встречаться! Вот если бы можно было стать терпеливым без того, чтобы что-то терпеть! Да, видно, такого не бывает. Неискушённый – неискусен.

Сегодня день у нас прошёл мирно. Матушка вроде бы поспокойнее стала. Серый ко мне ласкался. Ах, хитрец! Ладно, положу тебе каши побольше.

4 декабря

Сегодня вспоминала из Патерика историю. Там один брат жил в монастыре. И всё было хорошо. Только была одна загвоздка. Девять братьев его любили, а один терпеть не мог и всячески ему досаждал. Терпел он, терпел, и решил: «Больше не могу. Никакого житья нет от этого брата. Пойду в другой монастырь». И ушёл. Пришёл в другой монастырь. А там восемь

братьев к нему хорошо относятся, а двое невзлюбили. Терпел он, терпел, нет, думает, надо уходить, тут ещё хуже, чем было. Пришёл в третий монастырь. А там уже только пять братьев к нему хорошо относятся, а пять досаждают. И решил он больше никуда не ходить. И терпеть на месте. Решил меняться сам. Стал просить у Господа любви. На досаждения не отвечать и терпеть. И постепенно вся братия стала хорошо к нему относиться. Вот такая история. Да, правильно батюшка сказал: «Теория – придворная дама, а практика – медведь в лесу».

5 декабря

Буду искать у матушки хорошие стороны. Надо помолиться, чтобы Господь открыл.

6 декабря

Господи, да что ж я такая глупая-то! Хорошие стороны матушки на самом виду! Почему же я раньше это не замечала? Сейчас некогда писать, в храм идём, вечером напишу.

Дописываю вечером после Службы. Так вот. Матушке 80 лет. Ходит она с трудом, в храм ездим на коляске. Утром встаёт, ноги дрожат. Зрение плохое. Другая бы легла и лежала. А она с трудом, но идёт на службу. Не пропускает ни утренней, ни вечерней. Приходит первая и уходит последняя. Причащается очень часто, исповедуется. Сама читает все правила и все молитвы. Она практически не говорит на мирские темы. Либо молится, либо книги духовные читает. Да какие книги-то! Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова... Книг у неё много. Да она же подвижница настоящая!

Я раньше думала, что она рыбу не ест из-за котов. Чтобы любимца серого кормить. Нет, это не из-за котов. Она и молочное не ест. И вообще никакой скоромной пищи. Это она такой пост на себя взяла...

Да уж. Старец, отец Илий, так просто не будет человека постригать в монахини... Значит, она достойна.

Сегодня уговаривала её пряник съесть, он постный был. Видно было, как ей хочется пряничка. Но она отказалась. Надо будет ей хоть фруктов купить. А то она ещё слабеет от постоянного поста.

7 декабря

Сегодня мы с матушкой рассказывали друг другу о себе. Она мне рассказывала про то, как она в монастыре жила. Про свою семью. Про братьев и сестру. Вся семья у неё верующая. А один брат умер за чтением Евангелия. Очень он любил читать Евангелие. Сама она родилась без признаков жизни. И только потом ожила.

А я ей почему-то про свою бабушку стала рассказывать:

- Она добрая была, моя бабушка. Правда, она всегда ворчала на меня. Но я знала, что она меня любит. Она мне оладушки пекла.

Начинаю я рассказ о бабушке легко. Но на последних словах передо мной так ярко встаёт образ бабушки: вот она встаёт ни свет ни заря и к моему завтраку печёт пышные оладушки. Вот она ругает меня за то, что я не хочу надеть тёплый шарф и рейтузы, - мне кажется, что в них я выгляжу толще.

Вот она лежит в больнице, в онкологическом отделении. Я прихожу навестить её, а она

засовывает мне в сумку пакетик с котлетой, которую она не ест, чтобы я пообедала этой котлетой. Ходит в туалет по стеночке сама, качаясь от слабости, потому что не привыкла никого обременять и стесняется попросить судно. Толстая медсестра не пускает меня к ней в палату, хотя врач разрешил. Она громко кричит на всё отделение: «Бабка твоя здоровая, сама в туалет ходит! Может и вниз, значит, сама спуститься к посетителям! Здоровая, значит! Нечего тут!» А бабушка тихонько улыбается мне и толстой медсестре и просится домой. Это было за десять дней до её смерти.

Вот она дома лежит и морщится от боли, но даже не стонет, чтобы не потревожить правнуков – моих детей. Вот моя трёхлетняя дочка подходит к её кровати, ласково гладит бабушку по голове и спрашивает: «Милая бабуся, тебе плохо?» А она улыбается, целует её ручонку и говорит: «Что ты, кнопочка моя, мне хорошо». А через час засыпает и умирает.

Рассказ я начинаю легко, а в конце отчего-то у меня текут слёзы.

– Ну, поплачь, поплачь, – слышу тихий голос. Она что, меня утешает? Она что, правда, добрая?

8 декабря

А кот-то серый – умный такой! Ждёт нас вечером, после службы. Заходит в коридор, сам в кресло прыгает и под платок лезет. Это ж просто кот учёный! У нас с матушкой свой собственный кот учёный! Сегодня кормили нашего кота рыбой. На улице мороз, и он спит у батареи внизу. Углы больше не метит, воспитанный стал!

Привезла матушку на коляске из храма. Она стала укладывать серого спать под свой тёплый платок. Спать он не хочет. Матушка отправляет меня за едой для кота. Поднимаюсь в келью вверх. Спускаюсь вниз. Приношу ему рыбы. Теперь он хочет пить. Поднимаюсь вверх за водой, спускаюсь вниз. Кот наелся и напился. Лёг спать. Поднимаю матушку вверх, спускаюсь с её памперсом вниз. Так, куда я шла? Вверх или вниз?!

Пожилая сестра, которая живёт в нашей гостинице, проходит мимо и ворчит:

– Ты чего ей потворствуешь с её кошками?! Гнать их всех! Прошлые-то келейницы не в пример тебе умнее были, всех её кошек гоняли!

И негромко, в сторону:

– Такая же полоумная, как твоя наставница!

Я молчу. Сестра уходит. Тихе, тихе, серый, не бойся, я тебя не выгоню. Она просто не понимает, что ты у нас не обычный кот, а учёный!

9 декабря

Писать особенно нечего. Жизнь идёт своим чередом. Теперь я знаю, как лучше одеть матушку на прогулку, какой должна быть температура воды, которой она привыкла умываться, как удобнее положить ей подушки.

Купила ей хурму. Вот хурму она ест. Это ж постное – фрукты. Хорошо, что ест, а то от её такого строгого поста можно совсем ослабеть.

Сегодня матушка меня удивила. Я очень люблю во время службы стоять впереди всех, чтобы всё было видно. А она сидит на скамеечке в самом конце храма. Предложила ей завозить

коляску в храм и подвозить её поближе, а то перед ней встанут люди толпой, а ей ничего не видно. И слышит она плохо. А она говорит:

- Нет, мне и тут хорошо. Нельзя мне ближе.

- Да почему нельзя-то? Вот другую матушку-монахиню подвозят на коляске ближе, значит, можно.

- Ну, она достойна, наверное, а я плохая монахиня, недостойная.

Да уж, видимо, мне есть чему у матушки поучиться...

Пожалуй, я не буду просить менять мне послушание. Как она без меня будет-то?

2009 год, Оптиная Пустынь

Истории отца Бориса

Молитва священника

Всё утро протоиерея отца Бориса, настоятеля храма Всех Святых, одолевали воспоминания. Прошлое вспоминалось так ярко, так отчётливо, как будто было вчера. А ведь прошло уже лет пятнадцать... Да, пожалуй не меньше...

Отец Борис только что отслужил Литургию. Высокий, широкоплечий, плотный, с чёрной, начинающей седесть бородой, батюшка благословлял народ. Люди подходили ко кресту. Их было много - выстроилась целая очередь. Глаза радостные. Они ждали его взгляда, улыбки, внимания. Пастырской заботы. И он смотрел на своих прихожан с отцовской любовью.

Вот пожилая пара. Недавно молился за них, оба болели одновременно. Отправлял к ним молодых сестёр с прихода. А вот из поездки вернулся Михаил. Давно ли отслужили молебен о путешествующем, а уже месяц прошёл. А вот Татьяна с мужем Алексеем и сыночком. Отец Борис вспомнил, как крестил одновременно и сына, и отца. Алексей сначала Таню и в храм отпускать не хотел. А потом пришёл один раз вместе с ней и остался. Сейчас один из самых активных прихожан, помогает и в ремонте, и с другими поручениями. А вот и старая Клавдия, она в храме днюет и ночует.

Провожая старушку взглядом, отец Борис вдруг вспомнил, как пятнадцать лет назад ко кресту подходила одна эта самая Клавдия да сторож Фёдор. А больше прихожан в старом храме не было. И он один шёл мимо полупустой свечной лавки к выходу, а старинные иконы в полутьме смотрели так печально...

Батюшка закрыл врата, а прихожане не спешили расходиться. Уходили только те, кто особенно торопился, а остальные, как обычно, потихоньку собирались в трапезной на воскресный обед. Трапезная была большая, и приход дружный. А тогда, в самом начале своей службы в этом храме, он с трудом мог накормить не только Клавдию с Фёдором, самому приходилось туго. Да... Почему именно сегодня так лезут в голову воспоминания?

В высокие и узкие окна алтаря с ажурными решётками бил то ли снег, то ли дождь, а может, это был снег с дождём. Свет от разноцветных лампадок и жёлтые огоньки свечей в алтаре казались такими добрыми, такими тёплыми и родными по сравнению с хмурыми, еле брезжащими сумерками зачинавшегося ноябрьского дня. И воспоминания снова нахлынули, да

так ярко, что батюшка даже присел на стул. Да, тогда было такое же сырое и холодное ноябрьское утро. Отец Борис запомнил его на всю жизнь. Пожалуй, оно стало одним из поворотных в его судьбе.

Знаете, как бывает: вот идёт-идёт человек по жизненному пути и доходит до какой-то развилки. И от этой развилки идут несколько дорог. Да, да, те самые дороги, которые мы выбираем. А с ними – выбираем свою судьбу. Жаль, что часто и не замечаем мы этой развилки, торопимся, несёмся на полной скорости. И только спустя годы, вспоминая прошлое, отчётливо видим себя на перепутье, у этого пересечения дорог и судеб.

Тогда тоже была суббота, и вот также отслужил он Литургию. Только храм был пуст. Старая Клавдия жалась к печке, а вечно хмурый Фёдор сразу после службы пошёл за охапкой дров. В храме было холодно, и две старушки с клироса, закутанные в видавшие виды шали, побрели к выходу. Они не успели открыть дверь, как она распахнулась сама и вместе с порывами ветра и снега вбежала женщина лет сорока пяти. Одета она была не совсем по церковному: в брюках, в дублёнке и меховой шапке вместо платка. Но шапка была несколько набок, дублёнка полурасстёгнута, а по щекам забежавшей в храм текли слёзы. Она неуклюже подбежала к отцу Борису и, упав в ноги, зарыдала. Отец Борис с трудом смог успокоить её, усадить на скамейку и расспросить о случившемся несчастье.

Оказалось, что женщину зовут Елизаветой. Дочка её, Таня, и только что родившийся внучок Егорка находятся в реанимации. Они всей семьёй так ждали этого ребёночка! Имена давно придумали. Если девочка – Леночка, а если мальчик – Егорка.

- Наш Егорка родился! Крошечка наш, солнышко ненаглядное! Танечка, доченька моя бедная! Кровиночка моя!

Женщина опять зарыдала, и отец Борис с трудом добился от неё, что роды прошли неудачно, у дочери большая потеря крови, она впала в кому, а ребёночек родился в состоянии асфиксии и с какой-то патологией. Оба на аппарате искусственного дыхания, и мрачный реаниматолог сказал, что прогноз плохой. А знакомая и опытная медсестра, подслушав совещание срочно собравшегося в реанимации консилиума, шепнула Елизавете, что и дочка, и внучок её умирают и вопрос только в сроках отключения аппарата.

- Бабушка наша старенькая сказала мне к вам бежать, в церковь. Велела просить помощи у Бога и ваших, батюшка, молитв! Помогите, пожалуйста, помогите, батюшка! Ну пожалуйста! Вы можете! Ведь можете?! Вы же священник! Бог вас послушает! Кого же ему слушать, как не вас! Танюшка моя! Егорушка маленький!

И женщина опять зарыдала. Отец Борис почувствовал, как у него сжало сердце. Ему стало очень жалко эту молоденькую мамочку, так и не увидевшую долгожданного сыночка. Жалко младенца, который умирает, не увидев белый свет, не припав к материнской груди, не встреченный радостью и любовью всей семьи. Его кроватка и игрушки (наверняка купили) так и не дождутся своего маленького владельца. И ещё где-то там ходит молодой муж и папочка, который может потерять одновременно и жену, и долгожданного сына. А вместо радости и счастья все будут долго стоять на холодном ноябрьском ветру у двух засыпаемых снегом холмиков. Эта картина мгновенно пронеслась в голове батюшки, и он взмахнул головой, отгоняя недоброе видение.

- Успокойтесь, Елизавета! Всё будет хорошо! Всё – будет хорошо, понимаете?! Успокойтесь! Господь милостив! Он спасёт и мамочку, и младенчика! Будем молиться, просить у Него милости! И Он обязательно поможет!

Елизавета потихоньку перестала рыдать и смотрела с надеждой:

- Да, мама всегда говорила, что Бог есть! А если Он есть, Он вас обязательно услышит! Значит, всё будет хорошо! Ведь правда?! Они поправятся?!

Отец Борис проводил женщину до дверей. И, устало вздохнув, стал собираться домой. Домой он с недавнего времени не спешил. Матушка Александра, забрав с собой сыночка Кузеньку, уехала к родителям. На приходе этом в небольшом уральском городке батюшка служил уже три года. И все три года служба проходила в пустом храме.

Люди в городке много работали, жили небогато и летом, в свободное время, предпочитали работать на своих дачных участках, выращивая нехитрое подспорье к зиме. А зимой женщины проводили выходные за стиркой и уборкой, пекли пироги и смотрели сериалы, мужчины же собирались в гаражах и под предлогом ремонта пили беленькую. В церковь многие из них попадали уже не своей волей, а ногами вперёд: в городке обычным делом была смерть мужчин в этих самых гаражах от удушья, когда, напившись той самой беленькой, они решали погреться, включали мотор и, уснув, уже не просыпались. Но и все остальные тоже пребывали в каком-то страшном сне, когда, похоронив друга, шли выпить за упокой его души в тот же самый гараж.

Александра, тоненькая и хрупкая, зябко кутаясь в шаль, говорила:

- Мне страшно бывает за этих людей: они как бы спят наяву. Бездумно проживают день за днём, не задумываясь о Боге, о душе, о смысле жизни, о том, что будет там, за порогом... Отче, давай уедем отсюда, из этого городка. В другой - в большой город. Мы тут с тобой так и не дождёмся прихожан. И помощи храму не будет. Как и нам с тобой, отче. Будем всю жизнь в нищете. Кузеньке вон на фрукты даже не хватает денег.

Отец Борис устало молчал. В первый год настоятельства, когда получил первый приход в своей жизни, он очень надеялся, что у него скоро появится паства. И в храм придут прихожане, которых он, как пастырь, поведёт по пути спасения. Но храм наполнялся только на Крещение, Рождество и Пасху. На Крещение шли за святой водой, на Рождество - нередко выпив, весёлые, дурашливые, а на Пасху - с обязательными яйцами и куличами. В остальное время года храм пустовал.

В этот первый год отец Борис часто перечитывал, иногда даже вслух, для матушки, историю о священнике Георгии (Коссове), который два года служил в селе Спас-Чекряк Орловской губернии в пустом храме без прихожан. Никто не шёл на службу к молодому священнику. Лукавый искушал его мыслью бросить всё и сбежать. Пугал страхованиями. А батюшка поехал со своей скорбью в Оптину Пустынь к старцу, преподобному Амвросию. И преподобный Амвросий, увидев скорбного батюшку, сразу же прозорливо сказал ему слова утешения.

И отец Борис читал вслух об этих словах утешения великого старца отцу Георгию, будущему священноисповеднику. Читал и чувствовал, как сердце отвечает мгновенно взыгравшей радостью.

А отец Георгий писал об этом так: «Как увидел меня батюшка Амвросий, да прямо, ничего у меня не спрашивая, и говорит мне: «Ну, чего испугался, иерей? Он один, а вас двое!» - «Как же это так, - говорю, - батюшка?» - «Христос Бог да ты - вот и выходит двое! А враг-то - он один... Ступай, - говорит, - домой, ничего вперед не бойся; да храм-то, храм-то большой каменный, да чтобы теплый, не забудь строить! Бог тебя благословит!» - С тем я и ушел. Прихожу домой; с сердца точно гора свалилась. И отпали от меня все страхования».

По молитвам старца, скоро храм этого батюшки наполнился прихожанами, и стал у них добрый и дружный приход. Сам же отец Георгий вырос в настоящего пастыря и стал известен далеко за пределами Орловской губернии. Имея дары прозорливости и исцеления, ревностный пастырь помогал всякой измученной душе.

По свидетельству очевидцев, орловские богомольцы, приезжавшие к великому святому Иоанну Кронштадскому, слышали от него: «Чего вы сюда приехали? У вас есть свой отец Георгий Коссов!»

А потом в селе был построен и большой каменный храм, трёхпрестольный, потому что старый храм всех прихожан перестал вмещать... А ещё, стараниями отца Георгия, были открыты в селе больница и приют для сироток, а также второклассная школа – единственная в уезде. Вот такая история.

Но на второй год служения отец Борис эту историю постепенно перестал перечитывать. Он всё чаще думал, что нет у него старца, чтобы так помолиться. А сам он, видимо, недостойный священник. И проповеди, которые он тщательно и подолгу готовил, а потом говорил в пустом храме, звучали, как ему казалось, жалко и неубедительно.

Да, он плохой пастырь. Он слишком молод, вид у него совершенно несолидный, борода, и та растёт плохо. И ещё он сильно смущается, а когда смутится – начинает заикаться от волнения. Кто будет слушать его – вот такого, нерешительного и застенчивого, вспыхивающего румянцем, когда к нему обращаются за благословением? И молиться он не умеет. Нет у него дерзновения в молитве. Вот и не идут люди в храм.

А концу третьего года матушка забрала Кузьму и уехала к родителям. Уехала погостить, но не возвращалась уже три месяца. И отец Борис отчаянно скучал по ней и по двухлетнему Кузьеньке. Проходя мимо его кровати, останавливался, брал в руки плюшевого Мишку, любимую игрушку Кузьеньки, гладил его по бархатистым ушам, по коричневой пуговке носа, основательно изгрызенной зубками сынишки, и, тяжело вздохнув, говорил Мишке:

– Скоро, скоро наш Кузьенька приедет! Вот ещё немножко подождём его... Сейчас сыро, слякоть... Ну куда с малым в дорогу... А вот выпадет снежок, всё будет белым, Саша с Кузьенькой и приедут. Будем на санках кататься, снеговика слепим.

Но сегодня отец Борис не подошёл к Мишке. Если бы Мишка мог удивляться, он удивился бы тому, как необычно выглядел батюшка: всегда аккуратный, сегодня он прошёл в комнату прямо в ботинках, подошёл к иконам и рухнул на колени. А если бы плюшевый медвежонок мог слышать, он услышал бы, как плачет батюшка:

«Господи, прости меня, недостойного! Я ведь так ответил этой несчастной женщине, как будто был уверен, что услышишь Ты мои молитвы! Господи, я сам не знаю, как я посмел её обнадёжить... Я ведь и молиться-то толком не умею... Прости меня, пожалуйста! Не посрами надежды рабы Твоей Елизаветы на милость Твою! Смилуйся, Господи, смилуйся! Ребёночек маленький, Егорка, и мамочка его Татяна... Не оставь их милостью Своей, Господи, Боже наш! У меня вот тоже Сашенька есть и сыночек, Кузьенька мой милый... А если б они... Пресвятая Богородица, прими мою недостойную молитву... Смилуйся, Владычице, смилуйся, предложи скорбь на радость... Не оставь нас грешных, не имущих дерзновения, не смеющих взирати на высоту славы Сына Твоего и Бога нашего!»

Батюшка не помнил, сколько продолжалась его молитва, сколько поклонов он сделал в холодной комнате перед святыми иконами. Когда он уже не мог больше плакать и молиться, с

трудом встал и не смог сразу распрямиться. Так, хромая, подошёл к окну, прислонился пылающим лбом к холодному стеклу и вместо грязной черноты увидел белоснежную улицу. В свете уличного фонаря искрились и кружились падающие снежинки, и всё казалось таким чистым и радостным. Батюшка почувствовал, что боль и тревога ушли, а в душе появились мир и покой. И тихая радость. Часы пробили час ночи. Поздно уже, а завтра Литургию служить...

Отец Борис тихо, радуясь миру и покою в душе, подошёл к кроватке сынишки, погладил плюшевую голову медвежонка и улыбнулся.

На следующее утро, в воскресенье, когда он уже облачился и собирался служить Литургию в пустом храме, случилось необычное. Сначала батюшка услышал громкие и радостные голоса. А выглянув из алтаря, первым делом увидел большое сияющее белое пятно, которое приближалось к нему. Отец Борис спустился по ступенькам и разглядел, что белым пятном был огромный букет белых роз. Их несла вчерашняя женщина, Елизавета. А за ней шёл молодой мужчина, и ещё мужчина, постарше, и две молоденькие девушки, и сияющая старушка.

И они кланялись ему и наперебой рассказывали что-то. Потребовалось какое-то время, чтобы он понял всё, что они пытались рассказать. Танечка и Егорка живы! И не только живы, а уже переведены с первого этажа реанимации на второй, в детское отделение. И случилось выздоровление мгновенно. Так мгновенно, что весь медперсонал больницы говорит о чуде. У Тани и Егорушки сидели по медсестре, которых к ним приставили как к умирающим, в ожидании агонии. И внезапно обе медсестры одновременно увидели, как показатели обоих умирающих пришли в полную норму, а сами умирающие очнулись. Татьяна стала спрашивать о ребёнке, а Егорка начал реветь, требуя кормёжки. Медсёстры, находящиеся в разных палатах, бросились к дежурному врачу и столкнулись у него на пороге. Главное, в одно и то же время - в час ночи! Вот чудо - так чудо!

Отец Борис служил Литургию, а потом говорил проповедь. И его слушали внимательно Елизавета, и двое мужчин, молодой и постарше, и две молоденькие девушки, и сияющая старушка. Фёдор с Клавдией стояли довольные и радостные. И бабушки на клиросе пели необычно слаженно. А когда отец Борис договорил проповедь, и все пошли ко кресту, он понял, что ни разу не сбился. И даже не заикался. Потому что не думал о том, как он говорит. И как выглядит.

А думал он о людях, которые стояли перед ним и ждали его пастырского слова, его молитвенного предстояния за них перед Богом. Смотрел на них, своих первых настоящих прихожан, и чувствовал любовь к ним. Так вот в чём дело! Нужно почувствовать эту любовь, и тревогу, и боль, и тогда рождается пастырь...

И овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени и выводит их... и идёт перед ними, а овцы за ним идут, потому что знают голос его. За чужим же не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса... Пастырь добрый душу свою полагает за овцы...

А когда отец Борис возвращался домой, ему казалось, что он стал старше лет на десять. И ещё он чувствовал сильную усталость. А на душе было светло и радостно.

Когда подошёл к дому, то сначала не мог понять - что не так. А потом понял: в доме горел свет, а из трубы валил дым. Отец Борис почувствовал, как зашипало в носу и захотелось плакать. Он не спешил заходить, а стоял на крыльчке и слушал, как доносятся до него милый голос Саши и щебетанье Кузеньки. Падал снег, и небо и земля становились совсем другими - новыми и белоснежными.

Путь к Богу

Начинал служить отец Борис ещё во времена сельсоветов, райкомов и обкомов, когда некоторые должности были несовместимы с открытым посещением церкви.

Вот и у одной его прихожанки, Клавы, муж её, Василий Егорович Пономарёв, был председателем сельсовета. А его младший брат, Михаил, ещё дальше пошёл по карьерной лестнице и работал в обкоме непоследним человеком. Младший брат жил в городе, но часто приезжал в гости к старшему. Видимо, любил очень брата. Да и тосковал по родному селу, по речке тихой, по глубоким заводям, где они на ночной рыбалке таскали крупнейший улов.

Братья были оба среднего роста, крепкие, широкие в плечах, похожие друг на друга своей немногословностью, серьёзным видом. И в селе к ним относились с уважением: строгие, но справедливые. Пономарёвы сказали – значит, сделали. Ну, и не зазнавались особенно, хоть и у власти, – это тоже было очень важно. Правда, нрав у братьев был крутой. Если Пономарёвы разгневались – хоть под лавку прячься. Но – отходчивы. Глядишь – и прошла гроза, солнышко засияло.

Детей у Василия и Клавы не было. Жили они сначала с родителями, а потом, схоронив их, вдвоём. Избушка добротная, цветы яркие в палисаднике, курочки гуляют, петух – первый красавец на селе. В сарайчике поросёнок Борька похрюкивает. Во дворе пёс Тяпа разгуливает.

Сидит Василий Егорыч на лавочке у дома, а рядом пёс любимый крутится. Здоровая псина, что телёнок. Пойдут гулять, а Тяпа остановится у забора, бок почешет, глядишь – забор на земле лежит. Разгневается Егорыч, начнёт пёсику грозный выговор делать, а Тяпа ляжет, голову на передние лапы положит и слушает внимательно. А у самого уши только подрагивают, как будто ждёт: вот сейчас хозяин гнев на милость сменит. И правда, надолго гнева у Егорыча не хватало. Только в голосе его басовитая нотка приутихла, а Тяпа уже подскочил. И прыгает, и ластится к хозяину. А Егорыч засмеётся: «Ах, и шельма ты, Тяпа! Ах, хитрец!»

Брат Михаил приезжал в гости. Один, без супруги. Она горожанка была и никаких прелестей сельской жизни не признавала. Приедет Михаил, они с Егорычем, как обычно, на рыбалку... Потом Клава рыбы нажарит, борщ свой фирменный со шкварками сварит. Графинчик достанут, сидят – хорошо! Тяпа у порога лежит, ушами подёргивает, Петька кукарекает...

И всё было бы прекрасно, если б не началась у Василия война с женой Клавой. И разгорелась эта война из-за того, что Клава как-то незаметно для себя стала ревностной прихожанкой недавно восстановленного храма Всех Святых. В этом храме начал свою службу отец Борис, на его глазах и разворачивалась вся история.

Клава, уверовав, не пропускала ни одной службы. Строго соблюдала посты. Пока хозяйка воцерковлялась, в хозяйстве её происходили изменения. Цветы заросли крапивой. Курочки выглядели больными, и даже у бывшего первого на селе красавца петуха гребень валился набок. Поросёнок закололи, мясо Клава продала, а нового Борьку растить категорически отказалась.

Взелась Клава и на Тяпу, стала называть его «нечистью», перестала кормить. Пришлось Егорычу самому готовить похлёбку для пса. Правда, скоро не только собаке, но и самому хозяину пришлось голодным ходить: Клава перестала варить свои вкуснейшие щи – перешла на салаты: капуста, морковь, свекла – благодать! Главное – чтобы после еды молиться хотелось! Но Егорычу с Тяпой эти салаты пришлось не по вкусу.

Да ещё и в город вызывали председателя сельсовета: «Что это, мол, жена ваша запуталась в паутине религиозного дурмана? Что это за мракобесие в эпоху, когда заря коммунизма занимается над городами и весями?!» Так и началась у Егорыча с Клавой война. Она в церковь, а он за ремень: «Выпорю дурищу!»

Клава от него по соседям прячется. Совсем дома у них стало неуютно. Печь нетоплена, куры некормлены, Тяпа с Егорычем голодные и злые.

Как-то при встрече с отцом Борисом Василий Егорович остановился и, сухо поздоровавшись, начал разговор о вреде религиозного дурмана для жизни жителей села, а в частности, жены его Клавдии. Постепенно гнев его набирал обороты, и в конце короткого разговора Егорыч уже топал ногами и почти кричал на молодого батюшку, не давая ему и слова вставить. В общем, нехорошо они расстались.

После этой встречи отец Борис пробовал Клаву увещевать. Стесняясь и краснея, пытался объяснить своей прихожанке, что была старше его годами раза в два: дескать, мир в семье нужно хранить, о муже заботиться... Но Клава смотрела на молодого священника снисходительно. На его слово сыпала сразу десять: «Враги человеку домашние его». Или ещё: «Всякий, кто оставит дома, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную». Глаза у неё при этом горели.

Сейчас, спустя годы пастырской службы, отец Борис скорее всего смог бы поставить духовный диагноз правильно. Но тогда молодой священник решил, что у Клавды это просто новона начальная ревность не по разуму. И всё наладится по мере духовного роста, взросления его прихожанки. Но дело оказалось не таким простым. И огонёк в глазах Клавды питался не одной ревностью по Боге. Были у этого огня другие источники...

А что это за источники – стало ясно позднее, когда Василий Егорович, всегда крепкий, начал прихварывать. Как-то быстро исхудал. Брат Михаил устроил его в областную больницу в отдельную палату, но и отдельная палата не помогла, и Василий довольно скоро вернулся из неё, уже совсем слабым, с онкологическим диагнозом.

Теперь Клавдия могла спокойно ходить на все службы. Никто больше не бранился на неё, никто не гонялся за ней с ремнём в руках. Егорыч лежал, и даже щи можно было не варить, потому что аппетит у него пропал. Тяпа не отходил от окна, возле которого стоял диванчик Василия, и тоже значительно уменьшился в размерах. В дом его Клавдия не пускала, и он лежал на снегу, не желая уходить в тёплую конуру от болеющего хозяина.

На вопросы о болезни мужа Клава отвечала сухо и коротко: «Василия постигла кара за грехи и неверие!» К удивлению отца Бориса, ревность его прихожанки значительно угасла, и Клавдия стала пропускать службы. Тогда и начал батюшка понимать, что ревность её питалась противоречием мужу, желанием выглядеть праведной на фоне его неверия. Противоречить больше смысла не было, и воевать не с кем. Без этой войны посещение храма, молитвы, пост – всё стало неинтересным, слишком обыденным.

Батюшка шёл по заснеженной тропинке на службу и думал: где истоки таких историй? Может, похожая ревность была у фарисея? Того самого, который гордо стоял в храме и, глядя на поникшего мытаря, услаждался своими помыслами: «Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю...» В то время как мытарь смиренно повторял: «Боже, милостив буди мне, грешному!»

Внезапная мысль поразила отца Бориса, и он даже остановился на ходу: «А могу ли я судить других за фарисейство?.. Да и откуда я могу знать, где фарисейство, а где мытарство? Разве в себе я не могу найти ничего фарисейского? Осуждая эту прихожанку, разве не чувствую я в душе этого тонкого и горделивого: «Слава Богу, что я не таков, как эта женщина...» Только один Господь-Сердцевед всё знает... Да, Господи, если я нахожу в себе фарисея, то я – мытарь. А если нахожу фарисея в других, то сам фарисей.

И ещё: никто не может быть уверен в себе. Никто не знает, не поменяются ли в его сердце местами мытарь и фарисей на следующий же день... И мытарь в своей следующей молитве может гордо произнести «Слава Богу, что я не такой, как этот фарисей! «Так всё непросто это, Господи! Но ведь я пастырь и должен заботиться о духовной жизни своей паствы... Что делать?»»

Батюшка встрепенулся: странно, наверное, выглядит священник, застывший на снежной дороге с глубокомысленным видом. И отец Борис, так и не найдя ответа на свой вопрос, зашагал дальше по тропинке, ведущей через белоснежные сугробы к храму.

Вскоре, однако, его пастырские раздумья были прерваны неожиданной встречей. Через несколько дней, вечером после службы, когда отец Борис торопился домой к жене Александре и маленькому сынишке Кузьме, его остановил запороженный снегом мужчина. Вглядевшись в темноте в незнакомца, батюшка признал в нём младшего брата Егорыча. Михаил заметно нервничал.

- Батюшка, вы нам нужны очень-очень! Не откажите, пожалуйста!

Пока шли к дому бывшего председателя сельсовета, Михаил торопливо рассказывал:

- Батюшка, вы знаете ведь, что брат мой болен. Он умирает. Я вот к нему езжу так часто, как могу... По выходным... И знаете, лежит он дома уже пару месяцев, и с каждым моим приездом меняется. Сначала я приеду, а он лежит и в потолок смотрит. В глазах тоска и отчаяние. Знает, что умирает ведь... Мне с ним и поговорить-то невозможно было, он смотрел сквозь меня. Так, как будто он уже и не здесь. И всё, что я мог сказать – ему неинтересно и ненужно совсем. Я оставляю ему еды, деликатесов всяких, вкуснятинки, ну, Тяпку покормлю, да и уеду в город, неделя-то рабочая.

Батюшка вздохнул. Что он мог ответить неверующему человеку?

А Михаил продолжал возбуждённо:

- А где-то месяц назад я приехал: глаза у брата живые стали! Смотрю: он книги читает! Лежит рядом с его диванчиком на тумбочке целая стопка книг, и он их читает! Просмотрел я книги, а это Клавины. Агитация религиозная, вы уж простите меня, батюшка, что так выражаюсь... Про святых там всяких. Ещё эта, как её, Библия... Ну, я уж не стал спорить с умирающим человеком, доказывать, что дурман это всё религиозный... Пусть утешается...

А сегодня я приехал с утра – Вася плачет. Я его сроду плачущим не видел! Странно так плачет – слёзы текут, а сам улыбается. И просит, чтобы я священника, вас, то есть, батюшка, позвал. Креститься надумал. Вот как! Отец дорогой, ты уж окрести его, что ли, я тебя отблагодарю!

А то раньше в нашем селе никаких храмов и в помине не было. И родители у нас неверующие были – при советской власти ведь выросли. Бабушка вот только всё молилась перед иконами старыми, это я сейчас вспоминаю. Давно это было – в детстве, – а вот почему-то сейчас вспомнил... Так как, отец Борис, насчёт крещения?

Батюшка молчал. Потом медленно сказал:

- Хорошо, Михаил. Только давайте мы так сделаем: сначала я с вами больного навещу, поговорю с ним. А потом и про крещение решим. Тем более - сейчас у меня с собой нет необходимого для совершения Таинства.

Но разговора с Василием не получилось. Когда отец Борис с Михаилом вошли в калитку, к ним подошёл всё ещё огромный, но исхудавший Тяпа. Вид у пса был тоскливый, он не лаял залихватски на постороннего, а смотрел так ожидающе и печально, что у батюшки сжалось сердце: «Скотинка простая, а ведь всё понимает».

В дверь они зайти не смогли. Потому что когда поднялись по ступенькам, дверь распахнулась сама. На пороге стояла Клава. Вид у неё был боевой.

- Батюшка, простите, но я вас не приглашала! Знаю я, зачем вы пожаловали, да только не получится у вас ничего! Сколько муж меня гонял! Сколько с ремнём за мной бегал! Позору и страху натерпелась! А теперь что ж - хочет на тот свет чистеньким уйти?! Как прижало - так уверовал?! Не выйдет!

Михаил попытался отстранить Клавдию:

- Клав, да ты что?! Муж ведь это твой. Он сам просил батюшку позвать.

- А я говорю, что не пуцу! А будешь, Мишка, настаивать, так я в твой обком-райком завтра же приеду! Опозорю перед всеми твоими начальниками! А то ишь - заря коммунизма у них, религия - опиум народа! Вот и встречайте свою зарю коммунизма без опиума! В трезвом виде! Уходите-уходите из моего дома!

Из комнаты донёсся слабый голос:

- Клав, пусти, пожалуйста, мне нужно, очень нужно священника.

Но дверь захлопнулась. И мужчины остались стоять на улице. Отец Борис посмотрел на захлопнувшуюся дверь. Перевёл взгляд на тоскливую морду Тяпы. А затем, отозвав Михаила за калитку, что-то горячо пошептал ему.

Ближе к вечеру, когда всё ещё пышущая гневом Клава отправилась на обычные многочасовые посиделки к соседке Тамаре, Михаил вышел на задворки. Прошёл по глубокому снегу через огород, тропя путь для отца Бориса, который неуклюже перелез через забор и почти свалился в крепкие объятия работника обкома. Крадучись, по-партизански, прошли они в дом, где и окрестил батюшка умирающего.

Сначала отец Борис совершил чин оглашения, прочитал запретительные молитвы, и больной отрекался вместе с ним от сил зла. Во время крещения Василий сидел на стуле и поднимался с помощью брата, слабым голосом повторяя за отцом Борисом:

- Сочетаешься ли ты со Христом?

- Сочетаюсь.

- Сочетался ли ты со Христом?

- Сочетался.

- И веруешь ли Ему?

- Верую Ему как Царю и Богу...

А когда батюшка совершал Миропомазание, его самого охватил трепет: лицо крещаемого видимым образом менялось после каждого помазания Святым Миром лба, глаз, ноздрей, уст... Повторяя каждый раз: «Печать дара Духа Святаго. Аминь», отец Борис видел, как бледное лицо больного таинственным образом преображалось и светлело.

А после помазания Святым Миром Василий уже стоял на ногах сам. Отец Борис поздравил своего крестника. Потом Михаил вышел, и батюшка причастил новоизбранного воина Христа Бога нашего.

Когда отец Борис уходил, Василий плакал. Слезы текли по его исхудавшему лицу, а сам он светло улыбался. В дверях Михаил стал благодарить батюшку и всё пытался засунуть в карман купюры. Но отец Борис, к его удивлению, не взял денег. И младший брат, выйдя на крыльцо, долго смотрел ему вслед. Шёл домой батюшка, уже не таясь, не задворками, а по улице. Шёл и думал, что нужно будет теперь навещать и причащать больного. Не дожидаясь приезда младшего брата.

Но в этот же день им с Михаилом суждено было встретиться ещё раз. Близилась полночь, и отец Борис читал перед сном книгу под ровное дыхание жены Александры и сладкое посапывание Кузеньки. Вдруг в дверь постучали, и когда батюшка вышел, накинув старый полушубок, он снова увидел Михаила. Тот стоял молча и нерешительно смотрел на священника, а потом выдохнул:

- Батюшка, он умер. Вскоре после вашего ухода. Ещё и Клава не успела вернуться. И ещё, батюшка, перед смертью он посмотрел в угол и говорит мне: «Миш, их нет. Они ушли». - «Кто ушли, брат, о ком ты?» - «Эти чёрные и злые - они ушли. Совсем. А знаешь, Миш, батюшка сказал, что у меня теперь есть ангел-хранитель. Правда есть. Миш, он правда есть! Ах, какой он красивый! Я такой счастливый, Миш! Как я счастлив! Ты его тоже видишь? Ну вот же он, вот!» Я, батюшка, оторопел даже. А он улыбнулся и умер.

На отпевании Василия было много народу. Сам он лежал в гробу как живой. И лицо его по-прежнему было светлым, радостным. Сначала все удивлялись решению Михаила отпевать брата, а потом пришли проводить его в церковь. Клавдия отпеванию не препятствовала. Стояла молча, поджав губы, но весь вид её выражал протест против совершающейся несправедливости. В церковь после смерти мужа она ходить перестала. Может, придёт ещё? Кто мы, чтобы судить?

А через месяц после отпевания, когда отец Борис отслужил Литургию и народ пошёл ко кресту, батюшка увидел в притворе храма празднично одетого Михаила.

Когда прихожане стали расходиться, он подошёл к отцу Борису и, смущаясь, сказал:

- Я вот тут креститься решил, батюшка. Не откажите, пожалуйста.

Бабушки и внуки

Служит как-то отец Борис Литургию. А был праздник святого Георгия Победоносца. На аналое лежит икона праздника. Георгий Победоносец копьём змея поражает. И вот в конце службы все подходят ко кресту и прикладываются к иконе. Подходят приложиться к иконе бабушка с внуком. Смотрит на них отец Борис и думает: «Хорошо, когда бабушки с внуками в храм

приходят! Воспитывают их в православной вере!»

Тут бабушка внучка приподнимает и громко приговаривает:

- Приложись к иконочке, поцелуй, вот сюда, сюда - в хвостик поцелуй!

А умненький внучок ей громко отвечает:

- Я драконов не целую!

И целует святого.

«Да... - думает отец Борис, - хорошо, когда внуки с бабушками в храм приходят!»

Знакомство с православием

На праздничную Литургию пришла в храм молодая пара. Девушка верующая, а жених ради неё приехал. Зашла она в храм. Стоит, молится. А он возле церкви ходит кругами, скучает. Устал скучать. Заходит робко в храм. А отец Борис как раз каждение совершает. Молодой человек смотрит на батюшку круглыми от удивления глазами и негромко спрашивает:

- Скажите, пожалуйста, святой отец, а месса скоро закончится?

Отец Борис и свидетели Иеговы

Настоящий свидетель

Одно время небольшой городок, где служил в храме Всех Святых отец Борис, стали одолевать свидетели Иеговы и заезжие миссионеры.

Идёт как-то батюшка в храм, а прямо на дороге преградил дорогу прихожанке его храма говорливый молодой человек. С журналом в руках. «Сторожевая башня» называется. А журнал этот свидетели Иеговы издают. Старушка уже его и так и этак обойти пытается, а он ей дорогу преграждает и быстро-быстро говорит что-то.

Подошёл к ним отец Борис и сказал:

- Будьте добры, пропустите бабушку!

Смерил его взглядом молодой человек, оглядел рясу священническую и дерзко выпаливает:

- А кто вы такой будете, чтобы мне указывать?!

Отец Борис недолго думая отвечает:

- Я-то? Я - свидетель Иеговы!

Растерялся молодой человек:

- Как это вы - свидетель Иеговы?! А я-то тогда кто такой буду?!

- Вы - лжесвидетель! А я - настоящий свидетель Иеговы!

Отче Наш

В другой раз на пути отцу Борису ещё один свидетель Иеговы встретился. И опять с его прихожанкой разговаривает. Перед носом у неё журналом «Сторожевая башня» размахивает. Возмущается чем-то. Подошёл отец Борис поближе, прислушался. А свидетель его увидел и ещё громче начал возмущаться:

- А зачем это вы, православные, крестики носите?! А почему вы Бога Отцом называете?!

- Как же нам Господа Бога называть, если не Отцом?

- Бога можно называть только Иегова!

Отец Борис у него тогда и спрашивает:

- Почему же Господь дал молитву «Отче Наш», а не «Иегова Наш»?

Молодой человек замолчал. Перестал размахивать журналом. Подумал и говорит:

- Ну, наверное, потому что Отче Наш и Иегова Наш - одно и то же...

- Ну, раз одно и то же, чего тогда вы к бабушкам пристаёте?!

Думаю, что да

Как-то отец Борис пришёл домой из храма, и вдруг в дверь постучали. Батюшка как был в облачении, так к двери и подошёл. Открывает дверь, а там - свидетель Иеговы. Не ожидал, видимо, свидетель увидеть православного священника, растерялся и спрашивает у него заранее заготовленный вопрос:

- А вот вы - в Бога верите?

Батюшка улыбнулся. Отвечает:

- Думаю, что да!

Свидетель так и взвился от радости:

- Думаете?! Ах, вы думаете! Да если бы вы действительно в Бога верили, вы бы не говорили так!

Батюшка у него спрашивает:

- Скажите, а апостол Павел, по-вашему, как - имел Святого Духа?

Свидетель даже рассердился:

- Конечно, имел, он был апостол!

- Так он же говорил про себя: «Думаю, что и я имею Духа»...

Развернулся свидетель Иеговы и ушёл от батюшки. Так вот они и поговорили...

Диалог со свидетелями Иеговы

Местное кабельное телевидение выделило двадцать минут в неделю для православной передачи. Передачу стал вести отец Борис, и назвали её «В духе истины».

Всё бы ничего, только как-то просит директор телестудии Гинзбург зайти батюшку к себе в кабинет. Заходит отец Борис в кабинет, а директор ему и говорит:

- Приходили иеговисты. Жалуются, что православным мы эфир предоставляем, а им нет. А у нас больше двадцати минут в неделю не получится на передачу тратить. Что делать, батюшка?

Подумал отец Борис и говорит:

- Так пускай они на передачу приходят, пообщаемся!

И вот наступило время очередной передачи. Пришёл отец Борис в студию, а там уже два свидетеля Иеговы сидят. Одеты в чёрные костюмы. Вид строгий, воинственный, готовы к обличению православного священника. Только камеру включили, как один вскочил и начал батюшке выговаривать:

- Почему это у вас прихожане, когда благословение берут, руку целуют? Где это в Библии сказано руки целовать?! Если вы мне это место укажете, я сам вам руку поцелую!

Отец Борис ему и отвечает:

- Хорошо, я разрешу вам поцеловать руку, если вы укажете мне место в Библии, где сказано, что вы должны носить брюки.

Замолчал свидетель. Сел на стул. Тогда другой вскакивает:

- Мы живём исключительно по Библии, а вот вы вечно толкуете о Священном Писании и Предании. А мы в предания не верим! Их люди передавали, а люди могут ошибаться!

Отец Борис достал Библию и отвечает:

- Найдите мне изречение в Библии, где бы говорилось, что можно верить только Библии. Не можете? А я вот вам могу найти много мест в Библии, где заповедано верить пророкам и учителям и тому, что говорили когда-то пророки...

Смотрят свидетели, а у батюшки закладочки такие красивые лежат в Библии. Тогда они оба встали и молча ушли из телестудии. Так и не получилось у отца Бориса диалога со свидетелями Иеговы...

Истории отца Савватия

Сей род ищущих Господа... или Дороги, которые мы выбираем

Посвящается моему первому духовному наставнику, игумену Савватию

Из капитанской рубки раздавались и неслись над Чусовой крики и брань. Хлипкая дверца рубки ходила ходуном от завязавшейся потасовки, и было непонятно, чем закончится эта переправа на другой берег. Отец Савватий тяжело вздохнул. А начинался день прекрасно.

С утра он на этом же пароме быстро пересёк Чусовую и навестил свою прихожанку, заболевшую Нюру: пособоровал, исповедал, причастил. После причастия больной стало ощутимо легче, и Нюра даже встала с кровати, с которой не поднималась уже несколько недель. И не только встала, а ещё и разогрела грибную похлёбку, сваренную заботливой соседкой Татьяной.

И они с бабушкой сели за стол и не спеша хлебали ароматную грибную похлёбку и жмурились на весеннее солнышко, заглянувшее в избу. А потом ещё и чаёвничали, и за спиной уютно трещала печь, и серая кошка Муся ласково тёрлась о ноги хозяйки, радуясь, что та наконец встала.

Нюра, поглядывая в солнечное окно, отчего-то стала вспоминать свою молодость: как после гибели родителей осталась она в семье за старшую, вырастила троих: Клаву, Колю и Мишеньку. Была, как сейчас, весна, и малые делали кораблики, а она, юная, тоненькая, ворочала тяжёлые чугуны в печке, прибиралась в избе. Уставшая до изнеможения, отругала братишек за беспорядок и даже отшлёпала, а потом расплакалась, и они же её утешали.

Отец Савватий слушал не перебивая и радовался, что лёгкий румянец смущения сменил восковую смертельную бледность её лица. Думал про себя: «Бог милостив, поживёт ещё наша Нюра!»

И вот теперь бабушка возвращался с затянувшейся требы. Шёл по дороге к парому, и ласковое солнце приятно грело спину, но ветер был ещё холодным, полным весенней свежести. Этот порывистый ветер поднимал рябью серые волны на только что освободившейся ото льда Чусовой, и река наконец смогла вздохнуть полной грудью и выросла, разлилась весенним паводком. Но воды её глядели ещё неприветливо, холодной сыростью дышали берега. А жаворонок уже заливался высокой трелью над весенними просторами, и набухали почки, и набирали силу первые клейкие зелёные листочки на деревьях. Весна – жажда жизни, высокое голубое небо, и журчание ручьёв, и аромат черёмухи!

Отец Савватий не спешил. До парома было целых полтора часа, да потом сам паром минут сорок – не меньше – тянулся, боролся с волнами, плыл на другой берег Чусовой, туда, где на Митейной горе золотом сверкали купола белоснежного монастырского храма. Игумен Савватий был духовником и строителем этого монастыря, а Митейная, или иначе Святая, гора за двадцать пять лет стала родным домом.

И отчего-то, подобно Нюре, он вдруг стал вспоминать прошедшие дни. Шёл по улице, знакомой до каждого кустика на обочине, вдыхал полной грудью пьянящий весенний воздух, а в голове теснились воспоминания, они наплывали волнами, подобными быстрым волнам текущей вдоль дороги Чусовой.

Иногда так бывает: ты долго не вспоминаешь о прошлом, а потом – в пути или перед сном – вдруг нахлынут воспоминания и наполнят сердце своей остротой и свежестью – так, как будто вчера это было... Разбередят душу и потом уже долго не отступят, и ты заново переживаешь боль и радость минувших дней.

Как он, горожанин, оказался в этой глуши? Когда ступил на путь, который привёл его на эту гору, продуваемую всеми ветрами?

В храм он ходил с раннего детства с любимой бабушкой... Продолжал ходить в школе. Учителя-атеисты настраивали класс против верующего мальчишки. Но он не обращал внимания на насмешки и издевательства, даже побои... Потом был строительный техникум, где тоже не скрывал своей веры. Отец, работавший на военном заводе, бросался на него с кулаками, ругался, жаловался властям, призывая их помочь «спасти сына, заблудшего в сетях религиозного дурмана».

На практике в чужом городе, после занятий, сразу же нашёл церковь, и священник, увидев среди толпы бабушек пятнадцатилетнего паренька, пригласил его через дьякона в алтарь,

предложил стать алтарником. Так он обрёл первого духовного наставника.

Практика уже давно закончилась, а он жил в семье у этого священника, отца Виктора, и помогал в храме как пономарь. И готов был не уходить из церкви – так явственно слышал призывающий его Глас Божий. У протоиерея Виктора было двое детей, и спать приходилось в детской комнате, на полу, рядом с кроватками малышей. Так прошло два года.

А потом они с отцом Виктором сослужили приехавшему в город архиепископу Афанасию, и в конце службы, когда все подходили к Владыке под его архиерейское благословение, он благословил юного пономаря приехать в областной город, в кафедральный собор, чтобы помогать в качестве иподьякона.

Да, вот так дорога его жизни сделала крутой поворот, неожиданный, но в общем-то закономерный. У него было чувство, будто Господь, как любящий отец, Сам ведёт его...

Отец Савватий улыбнулся, вспомнив себя, восемнадцатилетнего иподьякона. Он так старался! Владыка относился к нему как к сыну, но бывало, что и смирял, учил терпению, кротости.

Как-то он сопровождал архиепископа в рабочей поездке. Стояла летняя жара, и когда поезд тронулся, Владыка попросил у своего иподьякона:

- Серёжа, дай водички попить.

Сергей не догадался взять с собой воды, а в вагоне был только кипяток. И помрачневший Владыка грозно отчитал его:

- Вот так ты заботишься о своём архиерее?! Даже бутылку с водой не догадался взять?!

А Серёжа не обиделся. Он очень расстроился и всю дорогу, пока ехали до Кирова – ближайшей остановки, переживал, что старенький Владыка страдает от жажды, а он не догадался позаботиться о воде. В тот момент он и не чувствовал, что самого мучит жажда, готов был её терпеть сколько угодно...

На остановке резво соскочил с подножки, бросился по перрону, купил пару бутылок с водой, мороженое и опрометью – назад, к своему наставнику.

А тот только ласково улыбнулся:

- Испей сам, сынок, водицы! А потом уж и я... И мороженое давай сам ешь!

И Серёжа, успокоенный, только тогда ощутил сильную жажду. И пил прохладную воду большими глотками. А потом, радостный, что Владыка простил и не сердится больше, ел мороженое. У него было такое чувство, как будто не купил он сам это мороженое только что, а получил в подарок от своего наставника... И каким же оно было вкусным – то мороженое! Каким же счастливым он себя чувствовал!

Сколько было потом радостей и скорбей, а вот эта радость – она помнится так ярко, как будто произошла вчера!

Случались и другие уроки: как будто проходил он духовную школу перед пастырским служением. Эти уроки порой бывали очень болезненными, но он всегда чувствовал, что это не отец Афанасий его наказывает или благословляет, а делает это архиерей своей апостольской властью.

В кафедральном соборе служили другие иподьяконы, дьяконы, священники. Все они знали, как строг Владыка к сослужащим, как любит, чтобы чинно и торжественно проходила Литургия. Но всё-таки молодёжь иногда перебрасывалась какими-то фразами, случалось, и шутили. Сам Серёжа никогда не разговаривал – он себя на службе чувствовал как на небесах – не до разговоров было.

А прихожанами в кафедральном соборе в начале восьмидесятых в основном были бабушки – белые платочки. И все они почему-то очень полюбили Серёжу. Что они тогда увидели в нём? Может, почувствовали, как он любил когда-то свою бабушку – неутомимую молитвенницу? Может, зорко углядели будущего заботливого пастыря? Бабушки – они жизнь прожили, их не проведёшь...

И вот как-то раз юный иподьякон получил суровый урок. Владыка совершал каждение в алтаре на полиелей, а он выходил с трикирием. И в этот момент с клироса зашептали:

- Серёженька, а у бабушки Вали сегодня день ангела!

И он повернул голову к сияющей старушке, постоянной клирошанке, и сказал тихо:

- С днём ангела, баба Валя!

Поздравил бабушку. И, повернувшись обратно, встретился с разгневанным взглядом архиерея. А когда закрылись Святые Врата, в полном клириков алтаре воцарилась глубокая тишина, как перед бурей. Затем разразилась гроза.

Владыка сел в кресло, подозвал к себе и грозно прогремел:

- Ты всё время разговариваешь во время Литургии!

И он лишил своего иподьякона службы, запретил входить в алтарь, отлучил от себя. Осталось только клиросное послушание, на клиросе среди бабушек. А они, напуганные наказанием своего любимца, боялись на него даже глаза поднять. Бедная баба Валя рыдала после службы в голос:

- Из-за меня, окаянной, нашего Серёженьку запретили!

И он чувствовал себя так, как будто, изгнав из алтаря, его изгнали из рая. Кроме сочувствующих, находились и недоброжелатели. Откровенно злорадствовали парочка иподьяконов, которых привела сюда не то чтобы глубокая вера, а скорее родные отцы-протоиереи. Они и раньше завидовали: как же так, сам по себе, без влиятельных отцов, стал иподьяконом у архиерея! Случалось, наговаривали на него Владыке. Но тот был человеком духовным, обладал духовным опытом, интуицией и хорошо разбирался в людях. Не слушал завистников.

Тогда ещё Серёжа понял, что церковность – не гарантия праведности. Хотя совестливых и просто порядочных людей среди верующих гораздо больше, чем среди атеистов. Может, потому что совестливые рано или поздно обязательно приходят к Богу?

Владыка, строго наказав, наблюдал за ним, как будет вести себя наказанный...

А у него не было уныния, а было какое-то очень благодатное состояние: как будто парят в бане и жарко, и немоготу уже, а тебе всё легче – будто с тебя грязь очищают, и ты такой чистый и лёгкий становишься...

Прошло два месяца. Во время архиерейской службы он стоял на клиросе с бабушками, и вдруг боковая дверь алтаря открылась, и один из его недоброжелателей грубо сказал:

- Иди, что ли! Архиерей тебя зовёт!

Сразу же мелькнула мысль: что я ещё наделал? Зашёл, совершил три метания - три земных поклона в сторону престола, подошёл к Владыке, сидящему в кресле, и встал перед ним на колени. Владыка положил свою большую тёплую ладонь на его голову. И души коснулось такое умиление, что захотелось плакать, не обращая внимание на всех, кто в алтаре. Слёзы текли сами, так сильна была эта пастырская благодать Владыки.

Много лет спустя у игумена Савватия появился новый прихожанин. Всю жизнь он был атеистом-коммунистом, а на старости лет пришёл к Богу и принёс с собой в церковь всё, что накопилось в душе за долгие годы. Новоначальный ревнитель благочестия полюбил после службы заводить с батюшкой разговоры о недостатках в церкви. О том, что нужно всё реорганизовать, о плохих епископах... И отец Савватий, как-то не выдержав, ответил:

- Что вы знаете о епископах?! Что вы знаете об их апостольской благодати?!

Прихожанин удивился:

- Вы же простой священник! Трудовой, так сказать, элемент! Вы что - хорошо относитесь к этим высокопоставленным карьеристам-начальникам?!

И отец Савватий уже сдержанно сказал:

- Господь нам оставил много заповедей: благовествовать Евангелие, посещать больных и заключённых, помогать сирым и вдовам... вот только, простите, заповеди злословить начальствующих я не упомню...

И разочарованный ревнитель отошёл от батюшки с негодованием...

Да... А тогда Владыка сказал:

- Дайте ему стихарь!

Все в алтаре забегали, принесли самый лучший стихарь. И вот открываются Царские Врата, выходят архиерей и сослужащие ему. И прощёный иподьякон в самом лучшем стихаре выходит с трикирием и становится, как обычно, справа от Владыки.

Все прихожане ахнули - радостный шум волной прошёл по храму:

- Владыка Серёженьку нашего простил!

А когда Владыка собирался рукоположить его в диаконы, уполномоченный предупреждал, что не даст регистрацию. Отец писал жалобы властям, и уполномоченный требовал, чтобы «молодого человека вернули в светскую среду». И архиепископ Афанасий сделал ход конём: пригласил уполномоченного на свой день ангела 18 февраля, выделил ему место на хорах и, прямо в его присутствии, рукоположил духовное чадо в дьяконы. Уполномоченному ничего не оставалось делать, как смириться...

Через пару месяцев, после Троицы, на Духов день, дьякона Сергия рукоположили в священники и через неделю отправили сюда, на Митейную гору, на берег суровой уральской

Чусовой.

Он получил регистрацию, собрал свои нехитрые пожитки. Чемодан получился очень тяжёлым в основном из-за книг. А вот пошить рясу денег не было, и он нашёл в кафедральном соборе какую-то старую, изъеденную молью. Она была ему велика.

И он ехал два часа на дребезжащей электричке. А потом нужно было пройти много километров пешком... И он шёл по этой дороге, как сейчас. Только стоял июнь, и солнце было жарким, воздух – горячим, а дорога – такой сухой и пыльной!

Он шёл в неизвестность, и некому было встретить молодого священника. Когда-то при жизни протоиерея Николая Рагозина, известного в России старца, на горе, в храме Всех Святых, был многочисленный и дружный приход. Но отец Николай умер. Новые священники в этой глуши как-то не приживались, и теперь в храме никто не служил. Приход фактически распался.

Только что рукоположенный батюшка шёл по этой же самой дороге и был таким взволнованным... Если бы тот юнец знал о ждущих его испытаниях, об искушениях, и скорбях, и предстоящей боли – смог бы он тогда так смело выйти из последнего вагона старой электрички и радостно пойти по этой пыльной дороге навстречу будущему? А тогда он шёл – и сердце пело – это пастырь шёл к своему первому приходу, к своим первым прихожанам. И огонь веры горел так ярко и ровно. И ничто нечистое не могло коснуться души.

Можно ли сохранить в себе этот огонь веры, жажду служения Богу и ближним, пронести через годы? Сохранились ли они сейчас в его душе? Не обтёрлась ли душа, не загубела ли на долгом пути? Отец Савватий задумался.

Владыка Афанасий благословивший его рукоположение целибатным священником, а потом на монашеский постриг, говорил:

– Подумай, сынок... Ты так молод... Отдаёшь ли себе отчёт, что сейчас ты, двадцатилетний юноша, принимаешь решение за будущего тридцатилетнего, сорокалетнего мужчину, за пожилого человека? Будет ли тот, зрелый мужчина, согласен с юным Серёжей? Не осудит ли он его за то, что выбрал такой крутой путь? Лишил тихих семейных радостей, детей и внуков, женской любви? Сможет ли он полностью отдать себя на служение Богу и пастве? Не свернуть с пути? Не бросить свой крест на полдороге?

И он не знал, что ответить. Как он мог ответить за того, кем не был, кого не знал? Он знал только себя – нынешнего, который весь горел и рвался на подвиг, таял от благодати Божией.

А потом – да, благодать отступала. Промыслительно отступала. Чтобы он знал: «без Мене не можете творить ничесоже». Тяжёлые искушения и лютая плотская брань. Ах, какой лютой она была порой! И каждый раз, когда молился за паству, знал, что злая сила ненавидит эту молитву. И чем горячее молился, тем сильнее были нападения! Господь защищал, не позволяя врагу ударить в полную силу, покрывал Своей благодатью. Но и того, что доставалось, было много! Много и больно, порой очень больно... Враг нападал через людей, через искушения, причиняя болезни, нанося раны телесные и душевные.

Да... А тогда он шёл так долго и так устал идти по этой пыльной дороге, а попутков всё не было. Путь его был полон символов, был как бы прообразом будущего. Но понял он это гораздо позднее. Храм на горе представлялся как рай, к которому стремишься в течение жизни. И вот он шёл, и пот катился по лицу и спине, и он уже сомневался, что сможет дойти сам. А тут у чемодана оборвалась ручка. Он пытался нести его, обхватив руками, но так стало гораздо тяжелее.

Он остановился и понял, что забыл о главном. И стал молиться. Горячо молиться.

И пришёл ответ на молитву, так Господь в его духовном младенчестве утешал и подавал помощь мгновенно. Несколько часов дорога была пустынной, и вдруг из-за поворота показался мотоцикл с коляской, который притормозил, не дожидаясь, пока он сможет поднять обессиленную руку.

Мотоциклист довёз его до парома. И переправа через реку тоже была символом – обратного пути нет. А когда поднялся на высокую гору к старому запущенному храму, его, как два ангела, встретили первые прихожанки – две бабушки. Они так искренне радовались, что наконец-то будет служба в храме, и сюда снова придут люди, и оживёт древняя Митейная гора...

Рядом с храмом стояла старая избушка. В ней жил ещё протоиерей Николай Рагозин. И две бабушки. Одну бабушку звали Валентиной, она была псаломщицей. А другую звали Дарьей. Ей было уже 95 лет, и все эти годы она провела на Митейной горе, никуда не уезжая. Святость этого места притягивала и удерживала. Ведь в этих местах когда-то подвизался святой Трифон Вятский, а потом молился на горе блаженный Митейка. Ещё Дарья много лет была келейницей старца, отца Николая.

Бабушки плакали, встречая его. Они постарались подготовить для него комнатку в старой избушке, создать какой-то уют. И два колченогих стула, скрипучая кровать, казалось, тоже радовались своему новому хозяину...

Отец Савватий замедлил шаг. Время странным образом плавилось под ярким весенним солнцем, казалось, сейчас он обернётся – и увидит себя – того, юного...

За воспоминаниями и не заметил, как подошёл к парому. Вот такие они – эти воспоминания: за полчаса – несколько десятилетий проживаешь! До отправления парома ещё было время, и отец Савватий сел на скамейку, укрывшись от весеннего ветра. Здесь солнышко пригревало не на шутку, и он закрыл глаза.

Ему показалось, что на минуту он задремал. Разбудили голоса из рубки: разговаривали капитан и помощник. Помощник говорил негромко, а капитан, видимо, специально возвышал голос, чтобы он, отец Савватий, хорошо слышал:

- Катается туда-сюда, дармоед! Терпеть не могу этих попов! Вот, извольте радоваться, опять его вези! Сидит там на этой горе, на кладбище, как сыч! Вот ты мне скажи: разве нормальный человек будет жить на кладбище?! Вот то-то!

Отец Савватий улыбнулся. Да уж... Когда он приехал на Митейную гору из города, всё казалось необычным: старый заброшенный храм, покосившаяся избушка. Печка плохо держала тепло и к утру выстывала, вода в рукомойнике замерзала. Не было удобств, не было людей. На службу подтягивались старушки, переправляясь на пароме. Когда же кончалась навигация, гора становилась почти отрезанной от остального мира. Зимой ходили через Чусовую по льду.

А вокруг храма действительно было кладбище. Причём очень старинное. Настолько старинное, что при похоронах не замечали старых могил, сровнявшихся с землёй, а уже копая яму, натыкались на старые косточки. Иногда их просто выбрасывали в сторону, заботясь только о своём покойнике.

И он тогда чувствовал себя как в сказке. Как будто попал в вечера на хуторе близ Диканьки. Или в фильм, где «мёртвые с косами стоят». Они с бабушками даже собирали эти косточки и предавали погребению. Потом ему рассказали, что в подполе его избушки – тоже покойник.

Когда мужики делали погреб для отца Николая, нашли человеческие кости. Сколько лет было этой могилке? Сто? Двести? Они просто зарыли косточки в углу подпола и спокойно продолжали копать погреб дальше.

Местные привозили усопших, и он отпевал, служил панихиды. К нему подходили какие-то страшные взлохмаченные мужики и басом спрашивали, не страшно ли здесь молодому батюшке. А он отвечал: «Чего мёртвых бояться? Я за них молюсь».

Отец Николай когда-то отчитывал бесноватых, старец был духовным воином. После его смерти здесь пытались служить два священника, но не выдержали этой глуши, страхований, отсутствия нормальной жизни, людей, удобств – да много чего. Были и у него страхования. Спасался молитвой. Когда становилось совсем тяжело – надевал рясу отца Николая. Так и служил.

В капитанской рубке ненадолго замолчали, а потом возмущённый голос проревел:

- Насобирали там возле себя баб! Монастырь там у него женский, видите ли!

Второй голос стал громче:

- Ну, ты ещё скажи, что он специально монахом стал, потому что бабник!

- Всё равно – чего он там как в малиннике... И-ишь какой!

- А тебе что – завидно, да?!

Отец Савватий снова улыбнулся. Да, монастырь у него женский. Вот уж никогда бы тот молодой отец Сергей не представил себе, что станет духовником и строителем женского монастыря... А всё начиналось с бабушек. Молодёжь была к храму не приучена. А вот бабушки потянулись на службы, и храм ожил. Многие были чадами протоиерея Николая.

Приняли они молодого священника не сразу, сначала не доверяли. Боялись, что сбежит. Спорили, когда пытался говорить о неосуждении, о духовной жизни.

- Вот батюшка Николай, он был старцем! А ты совсем молоденький! Внушок ты наш! Мы ведь жизнь прожили, мы всё сами знаем. Какая такая духовная борьба?! Нет, мы уж старенькие... Осуждали? Не... Это мы и не осуждаем вовсе – это мы так – покалякали между собой...

И они спорили с ним, не слушались, а он был хоть и молодой, но священник. Он говорил им что-то духовное, а они смеялись, перечили, вредничали.

Пару раз они его так доводили, что он собирал свой чемодан и, украдкой смахивая слёзы, уходил на паром, чтобы вернуться в родной город. В первый раз, когда сидел на пристани в ожидании парома, полный решимости уехать, к нему пришла лукавая мысль: «Вот, бросил ты свою паству... Вот, видишь, как жизнь твоя закончилась? Жить тебе больше незачем – а ты бросайся в воду, утопись! Пусть они потом тебя оплачут, раз довели!»

И он понял мгновенно, что эти навязчивые, такие убедительные помыслы – бесовские. И в страхе от этого лукавого нападения тут же подхватил свой чемодан и отправился обратно – на своё место, к своему кресту. Быстро прибежал домой, зашёл в избушку и видит такую картину: стоят его бабушки на коленях и за него акафист читают.

Был ещё один раз, когда он решился уехать. В полном унынии уже переехал на другой берег и

пошёл на вокзал. Навстречу ему попалась староста храма Анна Дмитриевна:

- А вы куда это, батюшка?!

- Я от вас уезжаю.

- Нет, давайте ко мне зайдём, хоть чайку попьём...

Когда зашли в дом, она стала греть похлёбку и чай, а ему достала с полки старинные Четьи-Минеи в кожаном переплёте. Он открыл книгу на первой попавшейся странице, стал читать. И это было прямо о нём - о его жизни. Ситуация один к одному. Только в книге святой человек, которому досаждали, всех простил и никуда не уехал.

И у него появилось чёткое осознание того, что Господь Сам его вразумляет, и вся обида тут же исчезла. Пришло внутреннее решение вернуться, и он понял, что никуда уже не уедет.

Позднее пришло ещё одно искушение, но теперь оно было уже не внутренним, а внешним. Когда в очередной раз по делам прихода приехал в епархию к Владыке, тот посмотрел испытующе и предложил:

- Я могу тебя перевести в другое место, где храм побольше, и народу тоже побольше, и удобства есть - там тебе получше будет служить. Что скажешь?

И у него было чувство, как будто его лишают чего-то самого ценного - его бабушек. Его первых чад. А ведь они говорили:

- Ты уж нас не бросай, уж схорони нас сначала - а тогда и уедешь, коли захочешь... А то без тебя-то и храм по щепочкам разберут!

И он отказался от перевода. Остался на горе со своими бабушками. А потом уже врос в это место, душа прилепилась к Митейной горе над суровой уральской Чусовой. И он чувствовал молитвенную помощь старца Николая, который благословил это место, предсказал строительство монастыря и даже описал будущим бабушкам, а тогда полным сил прихожанкам своего храма, внешность своего преемника.

И, по словам бабушек, описывал старец точь-в-точь его, отца Савватия. Он слушал их недоверчиво: разве мог старец видеть его, когда он ещё в школе учился?! И не тянет он на преемника: так себе, самый обычный, ничем не примечательный священник... А спустя десять лет выросли постройки монастырские в тех самых местах, на которые указывал отец Николай.

Отец Савватий вздрогнул от неожиданного гудка: на паром въезжал здоровенный «КамАЗ», сигналил паре легковушек: берегитесь! С тех пор как сделали дорогу до областного города, мимо Святой горы изредка проезжали машины. Из рубки доносился звон посуды. Он посмотрел на часы: через двадцать минут паром должен отправиться. Река играла холодными серыми волнами, и они бились и рассыпались у борта парома. О чём это он? Да, как появился монастырь...

Постепенно отношения с бабушками полностью наладились: он научился молиться за них от всего сердца, покрывать их немощи своей любовью, осознавая, какую тяжёлую жизнь они прожили. Вот удивительно: ведь он не стал намного старше, но теперь бабушки слушались его и доверяли, чувствовали его пастырскую заботу и пастырскую же власть. И он стал для них не «внучком», а отцом. Любимым батюшкой.

Следующие года два служил спокойно. А потом всё стало опять меняться, как меняется во время путешествия рельеф местности. Видимо, какой-то отрезок его пути закончился. Так бывает: мы идём то в гору, то с горы, то по ровной дороге, а то – одни ухабы... И вот его собственная дорога, ненадолго выровнявшись и дав ему передышку, опять стала уходить в гору, и идти стало всё труднее и труднее.

Началось с того, что как-то после службы он остался один в своей избушке. Смотрел в окно на расстилавшуюся под горой равнину, леса, поля, красавицу Чусовую и думал: «Как хорошо! Красота-то какая!» А потом почувствовал, что перестал так уставать, как раньше, что идёт всё хорошо у него на приходе. Вроде бы даже стал появляться избыток сил. И он подумал тогда: «Вот отцы: один семейный, другой – миссионер, третий – проповедник. А я отслужил себе и свободен...»

Появилось какое-то внутреннее беспокойство. Неудовлетворённость собой. И он встал на колени и от всей души помолился:

– Господи, как мне быть? Дай мне какое-то дело, какое-то служение, кроме того что я сейчас делаю!

И Господь услышал молитву. Только он сначала не понял, что это именно ответ на молитву. На исповеди одна бабушка попросила:

– Батюшка, возьми меня к себе! Я ведь одна совсем... Ты уж меня и похоронишь, и отпоёшь, и за упокой души моей помолишься!

И все его бабушки как будто сговорились. Как придёт к какой-то старушке на потребу, так она и просится: возьми, да возьми меня к себе!

Они все незаметно постарели и стали нуждаться в помощи, уходе. Как-то приехал к одной своей бабушке на пароме, смотрит: домик у неё рядом с Чусовой, и вот весной река разлилась, на полу избушки сантиметров на тридцать – вода. Сама лежит на кровати, нога распухла, ходить не может. Лежит в нетопленной избе и дров не может принести. Вот умри она – и ей даже глаза никто не закроет...

Он шёл от старушки печальный и размышлял. Что делать? Ездить к ней и всем нуждающимся в помощи каждый день на пароме он не сможет. Просто не успеет. Шёл себе уставший – в этот день было много треб – и пытался понять, что он должен сделать, как помочь. И вдруг увидел двух своих стареньких прихожанок: Агафью и Татьяну. Он их хорошо знал. А тут увидел, как в первый раз.

Увидел, как они шли – одна наполовину парализована, рука висит, нога приволакивается, а другая – слепая. Одна не видит, другая идти почти не может. И вот идут себе еле-еле, крепко держатся друг за друга. У обеих котомки – сидоры за спиной, в сапогах кирзовых. И составляют вместе как бы одного человека. А пошли они в магазин, купить себе продукты.

Обе были одинокими: в послевоенную пору многие женщины оставались одинокими. И Агафья с Татьяной странствовали по монастырям и старились потихоньку, пока не осели здесь, рядом со Святой горой.

Первой потом умерла парализованная, а слепая осталась. И он ходил к ней и кормил старушку. Она до самой смерти самостоятельно топила печь. И конечно, не могла видеть, когда её закрывать. Господь давал такую благодать, и она чувствовала свою печь и никогда не угорала.

И вот при виде этих двух старушек у него больно сжалось сердце. Они ковыляли себе тихонько по пыльной дороге, полной ухабов, и ему казалось, что они сошли с картины Репина или Сурикова, а он сам оказался в далёком прошлом.

Он ведь был хоть и верующим, но обычным парнишкой: ходил в школу, ездил в лагерь, на дачу. А тут, на Митейной горе, Господь открыл ему то, чего он никогда раньше не видел, а может, видел, да не замечал. Раньше все эти беды людские, нищета, заброшенность жили в другом мире, а теперь оказались совсем рядом.

И он понял, что это Господь открывает ему по его же молитве этих бедных Лазарей, которых часто просто не замечают, просто проходят мимо. И он принял это послушание – заботиться о них – как из рук Божиих. Мгновенно пришло решение: он действительно возьмёт старушек к себе. А для этого построит им дом. Богадельню. Прямо рядом со своей избушкой и храмом, на Митейной горе.

Из того, как разворачивались дальнейшие события, он понял, что действительно, это его послушание, и пришло оно по воле Божией. У него не было денег для строительства даже баньки, не то что избы. И как только он решил взять к себе бабушек, ему пожертвовали две тысячи. Таких денег он раньше и в руках не держал!

Вот когда пригодилось строительное образование! Он закупил строительные материалы, нанял рабочих и начал строительство своего первого деревянного дома на восемь келий: четыре небольших комнаты-кели на первом этаже и четыре на втором. В каждой келье, по его расчётам, могли жить один-два человека. Ещё не была построена эта избушка, как он уже забрал к себе ту самую бабушку, которая не могла ходить.

Стройматериалы стали подходить к концу, а его домик не был возведён под крышу. И он подумал: вот и всё... Сейчас деньги кончатся, и останется изба недостроенной. Но как только деньги кончились, пришли новые, и их было достаточно для оплаты рабочим и продолжения строительства.

А когда дом был достроен, деньги перестали приходить в таком количестве, и их опять стало мало: свечки поставить, еду купить.

И вот он поселил в этом доме старушек. И стали они жить вместе. Он служил в храме, ездил на требы и ухаживал за бабушками. Была одна боевая старушка, которая помогала ему. Потом Господь послал им более молодую старушку, а чуть позже пришли совсем молодые сёстры – будущие монахиня Тамара и монахиня Ксения. Теперь они ухаживали за бабушками, а он служил, потому что треб становилось всё больше. И новые прихожане искали пастырского окормления.

Его авторитет священника рос незаметно для него самого. И на горе появилась молодёжь: парни, девушки. Теперь его община состояла не только из старушек. Молодые искали подвига, монашеской подвижнической жизни.

И он поехал с ними к старцу, архимандриту Иоанну Крестьянкину, который уже несколько лет был его духовным отцом. По пути эти славные ребята, на которых он, сам ещё молоденький, всё-таки смотрел уже как старший, как отец-наставник, спорили до хрипоты:

- У нас будет женский монастырь!

- Нет, мужской!

- А вот у старца спросим, как он благословит, так и будет!

Отец Иоанн встретил их ласково. Но с юношами почти не разговаривал, так они и простояли у стенки. Он сразу же обратился к девушкам и стал наставлять их. Говорил о том, какими должны быть монахини, каким должен быть настоящий монастырь. Дал им напутствие и благословение на монашескую жизнь, на основание женского монастыря.

Так и случилось. Те юноши, что ездили с ним, как-то незаметно разъехались: кто женился, кто стал дьяконом, семейным священником. А матушки остались.

Из рубки загремело опять:

- Давай, наливай ещё по маленькой!

- Может, хватит? Мы ж на работе... Скоро уж пора трогаться...

- Наливай, говорю! Всё обрыдло! Жизнь тяжёлая, несуразная! Никакой радости... А он - вон сидит - улыбаётся! Так бы подошёл да и ударил бы чем-нибудь тяжёлым!

- Ага, он тебе ударит... Вон здоровый какой мужик, мощный... Силищи, наверное, немерено! А и вообще - чего ты привязался-то к нему?! Поп как поп...

- Да я и сам, слушай, не знаю... Просто вот как гляну на него - такая злость в душе просыпается...

Отец Савватий грустно вздохнул. Он старался не смотреть в сторону рубки, чтобы не вызвать лишнего гнева, но и передвигаться на небольшом пароме, уже занятом машинами, было особенно некуда. Скамейка по другую сторону рубки была занята пассажирами легковушек, водители же большей частью оставались в машинах. Была ещё маленькая скамеечка на корме, но там тоже кто-то сидел. Батюшка всмотрелся: это был один из местных жителей, Толян.

Толян отличался высоким ростом и недюжинной физической силой. Говорили, что он служил в какой-то горячей точке, был контужен, отчего и повредился и даже был выведен на инвалидность. Трезвый Толян вёл себя смирно, выпив же, частенько впадал в ярость, и тогда усмирить его могла только его мать, баба Валя, высокая худая старушка. Баба Валя отличалась кротостью и добротой, но сына держала крепко, а он отчего-то робел перед матерью и слушался беспрекословно. Толян, то есть Анатолий, поправил сам себя батюшка, даже ходил с бабой Валею в церковь и всегда с восторгом смотрел на него, отца Савватия, особенно когда он обходил храм с кадилом.

Сейчас Анатолий сидел спокойно, похоже, дремал, и не обращал внимания на громкие бранные слова, доносящиеся из капитанской рубки. Батюшка тоже отвернулся от этой рубки. Да и раньше приходилось ему встречаться с людской злобой и ненавистью. Часто они были вызваны просто тем, что он - священник, служитель Божий. Духи зла ведь не дремлют - настраивают людей, особенно тех, кто не защищён таинством крещения, лишён благодати причастия, исповеди. Бывают и одержимые. Они порой готовы просто броситься на тебя, как дикие звери.

Иногда он был готов к ударам и молился, тогда благодать молитвы покрывала, защищала. А иногда удары наносились внезапно... Один раз он испытал очень сильную злобу, причём, что любопытно, злость была примерно одинаковой у неграмотной болящей старухи и у высокопоставленной начальницы из райисполкома.

А дело было так. Ещё в двадцатые годы храм Всех Святых на Митейной горе обезглавили – снесли купола, разбили колокола и превратили в спичечную фабрику. В сорок шестом, правда, вернули верующим, но колоколов уже не появилось. Почти семьдесят лет не слышали эти места радостного колокольного звона.

И он думал: купол – как свеча перед Богом. И сердце разрывалось от боли при виде обезглавленного храма. Когда звонницу разрушили, кирпичи побросали у церкви, и они лежали там грудой, поросли травой и были уже никуда, конечно, не годными.

Он долго собирал деньги и наконец накопил на небольшие колокольчики и сделал свою первую звонницу. Он сам поднимался на неё, звонил в эти небольшие колокола, и такой прекрасный, нежный звон разливался над просторами Чусовой, что сердца прихожан пели и умилялись.

И вот как-то раз, когда он, переполненный радости, спускался по крутой лестнице, только что отзвонив, из тёмного угла раздалось злое шипение:

- Приехал сюда... молодой... в колокола он звонит... сейчас последние времена настали... уж и в церковь нельзя больше ходить... а он звонит... антихриста встречать будет своими колоколами...

Эти злые, несправедливые слова были так неожиданны и ударили как ножом прямо в сердце. Интересно, что сама болящая старушка потом вспомнить не могла, отчего она испытала такую сильную ярость и чем именно ярость эта была вызвана.

Зато всё хорошо помнила и осознавала руководительница райисполкома – убеждённая атеистка. Обычно спокойно-надменная, холёная, она совершенно изменилась при разговоре о колоколах. Ей донесли про молодого активного священника, и она, вызвав его к себе, кричала, покраснев от гнева, срываясь на визг:

- Как вы посмели?! Кто вам позволил?! Вы мешаете вашими колоколами детскому саду, и школе, и местному населению! Эти отвратительные звуки нарушают общественный покой – вы об этом подумали?! Почему вы не пришли ко мне за разрешением?!

А райисполком находился в районном городе в пятидесяти километрах от Митейной горы. Он спокойно ответил разбушевавшейся начальнице, что ни детский сад, ни школа – никто не жалуется на колокольный звон. Сказал:

- Кому мы можем мешать, ведь все эти учреждения находятся довольно далеко – за Чусовой.

И тут она завизжала от ярости:

- Мне!!! Мне вы мешаете!!!

Лицо её страшно исказилось, и ярость эта была уже какая-то нечеловеческая.

Да... так что он привык к ударам, в том числе неожиданным.

А колокола он потом поменял на большие, и сейчас матушки научились звонить так красиво... Он опять улыбнулся.

В рубке зашлись от негодования:

- Не, ты смотри, он опять улыбается себе! И-ишь, дармоед, привык на бабках наживаться!

- Да ладно тебе! Чего ты сегодня так разошёлся-то?!

- Не, ну обидно же! Мы тут живём - пашем как проклятые, а он там, в своём монастыре, живёт себе в своё удовольствие! И словечки-то какие напридумывали: всё там у них - искушения, утешения - тьфу! Слушать противно!

- Ну всё, успокойся уже! Давай заводи - пора отчаливать - время!

Тяжело заработал мотор. Паром вздрогнул, качнулся и стал медленно отплывать от пристани.

Бабки... Не бабки, а бабушки - хотелось ему поправить. Хотелось сказать о них ласково, помянуть их всех добром, потому что из тех, его первых бабушек, уже никого не осталось. Никого... Окончилась их многотрудная и скорбная жизнь. Всех их он довёл до конца и по очереди проводил в вечность: исповедал, причастил, отпел... А те молоденькие сёстры, что первые пришли ухаживать за старушками, уже давно не молоды. Как и он сам...

И теперь не то чтобы настало время подводить итоги, а так - понять, осознать, наверное, правильно ли идёт он по выбранной когда-то дороге, не заблудился ли в перипетиях жизненных, не сбился ли с пути ненароком? Может, поэтому так много воспоминаний нахлынуло сегодня?

А что насчёт утешений... Были у него и утешения... Да ещё какие! Паром медленно набирал ход, его шум заглушал голоса в рубке. И он закрыл глаза, чтобы мысленно перебрать в памяти этот драгоценный бисер.

Да, утешений было много, незаслуженно много! От людей и от Господа... Епископ Афанасий и протоиерей Виктор, отец Николай и архимандрит Иоанн Крестьянкин - чем заслужил он эту милость - встретить таких людей на своём жизненном пути?!

Хиротония - рукоположение в священники помнится так, как будто это было вчера, хоть прошло четверть века... Он рукополагался celibатом, потому что у него не было невесты, да и просто девушки никогда не было: с пятнадцати лет он был почти неотлучно в храме: алтарником, иподьяконом...

На Литургии после Херувимской и перенесения Святых Даров он стоял на коленях перед Престолом, и архиепископ Афанасий, возложив на его голову руку и край омофора, читал тайносовершительные молитвы: «Божественная благодать, всегда немощная врачующая и оскудевающая восполняющая...» А он чувствовал, как будто ток проходит через всё его тело, весь дрожал от силы благодати Святаго Духа, сходявшей на него. Неудержимо текли слёзы, и он чувствовал себя так, как будто ещё немного - и его слабая человеческая оболочка не выдержит этой благодати.

А потом, когда облачили его в священнические одежды: епитрахиль, пояс, фелонь, он посмотрел на людей, собравшихся в храме, и почувствовал, как переполняет его любовь - пастырская любовь к этим людям, к пастве, которую он теперь должен пасти. Подобной любви он не испытывал никогда раньше, она пылала в сердце, и он чувствовал, что любит их всех одинаково: старых и молодых, красивых и непримечательных, женщин и мужчин, детей и стариков - одинаково. Такова была сила благодати рукоположения.

Постепенно, с годами, это чувство стало слабее, и он стал различать прихожан, не мог уже любить их одинаково, хоть и очень старался. Но своими силами достичь такой любви невозможно... Её может дать только Господь... Господь дал её в начале пути туне - даром, а потом тихонечко забирал, чтобы он сам потрудился, сам стяжал эту благодать потом и кровью.

А постриг монашеский – тоже какая милость неизреченная, незаслуженная! Он вспомнил – и даже дыхание перехватило.

Постригали его на Белой Горе, первым, после того, как начал монастырь возрождаться. Он знал, что братия этого монастыря в годы революции приняла мученическую смерть: более сорока монахов расстреляли, а настоятеля, архимандрита Варлаама, бросили в Каму. И принять постриг здесь – было честью для него...

Постригал его игумен Варлаам, очень почитаемый в народе священник. Он был когда-то многодетным протоиереем, а потом овдовел, дети выросли, многие стали священниками, монахами, а он сам, уже пожилой, лет за шестьдесят, принял постриг и служил на приходе. И вот владыка благословил его восстанавливать монастырь на Белой Горе. И он за послушание взвалил на себя этот страшный по тяжести, почти неподъёмный крест – последний крест в своей жизни. Это была его Голгофа.

Когда молодой иерей Сергей приехал к отцу Варлааму на Белую Гору для пострига, здесь царил разуха: разбитый трёхэтажный корпус, где ветер гулял по пустым коридорам, разрушенный собор... Стоял Великий пост, и их было несколько человек: игумен Варлаам, один заштатный священник, несколько монахинь и он сам. Из трапезной сделали временный храм, потому что в соборе служить было невозможно. В этом временном храме печка топилась очень плохо, и было так холодно, что в потире застывала Кровь. От холода приходилось служить в валенках.

Перед постригом пошли препятствия, отец Варлаам уехал и никак не мог вернуться, были какие-то задержки с машиной, и когда вернулся наконец, время подходило к полуночи. Так и постригали его уже ночью. Выбрали три имени: святитель Пермский Питирим, Арсений Великий и Савватий Соловецкий. Написали эти имена на трёх записках и положили их в коробку из-под клобука. Помолвились. Когда он опускал руку в коробку, услышал внутренний голос: «Савватием будешь». И действительно достал записку с именем Савватия.

Во время пострига нужно ползти, и монашеская братия покрывает тебя мантиями. А у них братии не было, и он полз крестом один – как ему показалось – долго-долго... И когда дополз к ногам игумена Варлаама в одной тонкой постригальной сорочке, холода не чувствовал.

Пели при постриге несколько монахинь, а он слышал вокруг себя мощный монашеский хор мужских голосов: как будто пела вся белогорская братия, когда-то замученная и расстрелянная. Он ощущал их присутствие всем сердцем, чувствовал родство с ними, слышал их голоса, и душа замирала, и он даже украдкой смотрел по сторонам, пытаясь увидеть эту незримую братию. И это было чудом и утешением.

Потом его, только что постриженного, оставили на ночь в храме вместе с заштатным батюшкой, потому что постриженника нельзя оставлять одного. Батюшка отошёл в сторонку и уснул на скамейке. А он молился перед аналоем, стоя на ледяном полу до самого утра в кожаных тапочках на босу ногу – и не чувствовал холода. И это было тоже чудо – и утешение.

Он молился один ночью в этом холодном храме, и у него было странное ощущение: он стоит перед аналоем, а сзади – вакуум. Будто всю предшествующую жизнь отрезало – ничего нет в прошлом: ни имени, ни его прежнего – ничего. А он сам – совершенно новый человек с новым именем, и впереди только будущее, как у только что родившегося.

Это ощущение вакуума позади становилось всё сильнее, и он вглядывался вперёд: что там? И перед ним открылась бездна, такая, что хотелось отшатнуться. Но он остался на месте и только

всматривался в даль. И вот с неба спустился луч как мост, и он ступил на этот мост и пошёл по нему. И увидел, что там, вверху, святые, и их много, они смотрят на него и зовут к себе. Он всматривался поражённо в лица и узнавал: преподобные Савватий Соловецкий, Серафим Саровский, Сергей Радонежский, Николай Чудотворец и ещё много других.

Он пошёл к ним, потом побежал, и сердце захватывало, а он всё бежал и бежал. Подниматься по лучу было очень трудно, но он старался, а святые смотрели так ласково и звали к себе. Он уже понимал, как невероятно трудно стремиться к ним, понимал, что целой жизни может не хватить для того, чтобы чуть приблизиться к ним, но продолжал прилагать усилия... Бежал, бежал... И вдруг – всё закрылось. Духовное видение кончилось.

И он опять увидел перед собой аналой, трапезный храм, спящего позади на лавке батюшку. В окнах брезжил свет, наступило утро. Это означало, что видение продолжалось очень долго, а ему показалось, что оно длилось считанные минуты. В храм вошли матушки, стали подходить под благословение, и всё приняло свой обычный вид. И только тогда он почувствовал холод и стал мёрзнуть. На часах было полседьмого утра, они совершили утренние молитвы и поехали домой, на Митейную гору. Он почти никому не рассказал о своём видении, храня его в сердце как духовное сокровище, духовный бисер...

Поделится своими переживаниями только с духовным отцом, спросил о природе своих видений: не прелесть ли это, не повреждение ли духовное? Ведь он ничем не заслужил таких высоких духовных переживаний, ничего особенного не совершил, недостоин, в общем...

И старец, отец Иоанн Крестьянкин, улыбнулся ласково:

- Недостоин, говоришь? Конечно, недостоин... Мы все недостойные... И уповаем только на милость Божию... А у тебя впереди много трудностей. Скорбей и даже гонений. Не удивляйся. Придёт время – и ты вспомнишь мои слова. И вспомнишь: то, что Господь давал тебе на заре твоей жизни, давал для твоего укрепления в вере.

А потом отец Иоанн умер, и сердце так тосковало по наставнику, так нуждалось в его поддержке, молитве, его ласковом взгляде. Уже вырос на Митейной горе монастырь, и он, отец Савватий, уже был его строителем и духовником, и позади оставались материальные трудности, когда у него не хватало денег, чтобы просто накормить сестёр. Как-то раз у него в кошельке звенела лишь мелочь: двадцать рублей на двадцать человек, и он не знал, что будет у них на обед завтра и будет ли обед вообще...

Материальные трудности постепенно ушли, но появилось уныние: вот Митейная гора, вот его прихожане, вот сёстры монастыря, и вот его жизнь – одинаковая изо дня в день, когда с утра до вечера нужно поддерживать своих чад, заботиться о них, молиться о них, выкладываясь, отдавая себя без остатка. Иногда приходила мысль: а сам-то я? Я ведь тоже человек. И у меня бывают минуты слабости, кто поддержит меня самого, кто позаботится обо мне? Кто поднимет, если упаду?

Потом эти тяжёлые минуты проходили, и он снова ясно понимал, что это его выбор, его долг, его крест. Он пастырь и должен пасти своих овец. Потом уныние подступало снова, и когда оно бывало особенно сильным, Сам Господь видимым образом подавал утешение и укреплял в вере.

Как-то раз он, как обычно, послужил Литургию, затушил все лампадки до вечерней службы и пошёл в свою келью. На душе было как-то особенно тяжело, уныло. И когда он вернулся в храм на вечернюю службу и пошёл в алтарь, то, открыв боковую, северную, дверь, остолбенел: семисвечник в алтаре горел. Свечи никак не могли гореть: в церковь, а тем более в алтарь,

никто не заходил, он открыл дверь своим ключом, а если бы он даже забыл затушить свечи утром, они бы уже догорели.

В изумлении подошёл к семисвечнику поближе, и, как бы для того, чтобы удостоверился он в чуде, последняя лампадка, немного отставшая от других, загорелась прямо у него на глазах. А на душе стало легко и тепло, мир и покой воцарились в сердце.

Несколько дней спустя, когда начал сомневаться, было ли это, не привиделось ли, он ставил на горнем месте лампадку и к ней три свечи. Зажёг от лампадки одну свечу, и в это время остальные две свечи в другой руке зажглись сами собой. И снова это чувство – радостный сердечный трепет от ласки Божией.

Да, Господь укреплял его в вере... На Пасхальной неделе, в пятницу, когда празднуют Живоносный Источник, он служил молебен на освящение воды. Справа пели тропари матушки, слева стояла бабушка с кадилом, а он сам – в центре, у аналоя, где была приготовлена вода в больших эмалированных бачках. И вот когда они призывали Духа Святого снизойти на воду, он явственно увидел, как в бачках заиграла вода. Она медленно, а потом всё быстрее стала кружиться, как волнуется обычно вода, когда дует на неё сильный ветер. Так Господь показывал им видимым образом схождение благодати Духа Святого на воду.

Но самым трогательным, самым нежным прикосновением к душе ласки Божией было одно духовное видение. Он вспомнил его сейчас, и сердце взыграло так же, как в тот день. Наступил праздник Успения Пресвятой Богородицы, и он поднялся на свою тогда ещё самодельную звонницу на храме, чтобы позвонить в колокола. И когда поднялся, увидел там удивительно белую голубицу. Она сидела и смотрела на него внимательно, и от вида этой белоснежной голубицы в душе разлилась неизъяснимая радость.

Он подошёл к ней потихоньку и подумал: «Сейчас начну звонить в колокола – и она улетит». Но она не улетала, а сидела и внимательно слушала. Когда же он закончил звонить, белоснежная голубица вспорхнула – и видимым образом растаяла в воздухе. А чувство радости, духовного умиления осталось с ним и длилось ещё долго. И потом, когда становилось тяжело, он вспоминал о ней – и в душе возвращалось это чувство неизъяснимой радости и ликования.

От резкой остановки парома отца Савватия трянуло. Он неохотно открыл глаза: паром стоял на середине реки, а справа от них виднелась и приближалась огромная баржа.

Из капитанской рубки раздавались и неслись над Чусовой крики и брань. Хлипкая дверца рубки ходила ходуном от завязавшейся потасовки, и было непонятно, чем закончится эта переправа на другой берег. Отец Савватий тяжело вздохнул. Он встал, подошёл к рубке и открыл рывком дверь. Толян держал капитана за горло, а помощник кричал и пытался разомкнуть его руки. Батюшка взял Толяна за шиворот, довольно легко оторвал его от капитана, выволок из рубки и повернул лицом к себе:

– Анатолий, если ты будешь себя так вести, я всё расскажу бабе Вале! Представляешь, как она расстроится, а?!

Анатолий при виде батюшки и упоминании бабы Вали обмяк. Он заискивающе зачистил:

– Не дали, не дали, у них есть, я видел! Я просил стопочку и мне налить, а они не дали, я похорошему с ними, а они не дают! Я больше не пойду к ним, не пойду, батюшка, не сердись!

Заработал мотор и паром стал набирать скорость, уходя от столкновения с баржей. В рубке виднелось бледное лицо капитана, а перепуганный помощник выглянул и снова захлопнул

дверь.

Отец Савватий опустился на скамейку и почувствовал сильные угрызения совести: размечтался, а вот за людей и не помолился толком. Ему стало до боли в сердце жалко и капитана, и помощника, и несчастного Толяна. Не было у них таких утешений, как у него, у отца Савватия... Если б Господь им дал столько милости, сколько ему, они, может быть, старцами были бы! За весь мир бы молились! А он... Сколько раз ездил на пароме, а за этих людей толком и не помолился никогда...

Он встал на ноги, держась за перила, отвернулся в сторону и стал горячо молиться:

- Господи, прости меня, недостойного иерея! Это я виноват, Господи, я не молился за этих людей! Они ругали меня, а я думал только о том, что это мне на пользу духовную, что полезно мне это... А ведь они ругали, потому что плохо им... Плохо, тяжело и помолиться некому... Прости меня, Господи, и пошли этим людям благодать Свою, помоги им на их тяжёлом жизненном пути, приведи их к вере! Видишь, Господи, они так страдают без Тебя! Думают, что жизнь у них нескладная, и не понимают, что это без Тебя им так плохо! Смилуйся, Господи, наставь их и научи, спаси их ими же веси судьбами!

Паром уже остановился, съехали с него машины, отправился по своим делам успокоенный Толян. Только тогда отец Савватий оторвал побелевшие от напряжения руки от перил, повернулся, подошёл к рубке, приоткрыл дверь:

- Спаси Господи! Благодарю за труды! Всего доброго!

Помощник растерянно пробормотал:

- И вам всего доброго, батюшка!

Когда паром опустел, протрезвевший капитан, потирая горло, сказал:

- Да уж... Я уж думал - последний час мой настал... Ещё баржа эта...

- Да... А ты вот попа ругал... А он...

- Я его и не поблагодарил даже... Сам не знаю, я так злился на него, а теперь - прошла вся злость... А он ничего, хороший мужик, оказывается...

- А давай мы с тобой как в следующий раз рыбы наловим - ему и снесём?

- Ну, давай... Когда ж ему самому рыбу-то ловить?! А тут мы ему раз - и рыбки! Обрадуется, наверное...

- Точно...

И они стали оживлённо вспоминать прошлую рыбалку и прикидывать, какую именно рыбу нужно будет наловить в подарок батюшке.

Серые холодные волны Чусовой набегали на паром и разбивались брызгами. Ласковое весеннее солнце нагревало палубу, а над рубкой неприметно парила в воздухе белоснежная голубица.

Один день священника

Телефон зазвонил неожиданно. Отец Савватий поморщился и с трудом поднялся с кресла. Он

очень устал за прошедшую неделю: подходил к концу Великий пост с его долгими службами, длинными очередями на исповедь. Высокий, мощный батюшка похудел, и лицо его сегодня, после длинной службы, было особенно бледным, с синевой под глазами. Несмотря на довольно молодой возраст (отцу Савватию было сорок пять), в его чёрных волосах всё заметнее сверкали белые прядки. На вопросы о ранней седине он обычно шутил, что у священников год службы можно считать за два.

Рукоположен отец Савватий был совсем молодым – в двадцать один год, сначала целибатом, потом, по благословению старца, принял постриг и стал иеромонахом. А затем игуменом, строителем и духовником монастыря. И теперь, когда за плечами было почти двадцать пять лет священнической хиротонии, ему казалось, что прошла целая жизнь. Так много было пережито за эти годы, так много людей нуждалось в его помощи и молитве. Когда начинал служить, гулким эхом отдавались возгласы в пустом, отдалённом от областного центра храме. А сейчас вот на службе, как говорится, яблоку негде упасть, так плотно стоит народ.

Этим утром, правда, прихожан на службе было меньше, чем обычно: лёд на реке Чусовой стал слишком тонок. Чусовая отделяла старинную церковь Всех Святых от небольшого уральского посёлка Г., и теперь, пока не пройдёт лёд по реке, никто из посёлка не сможет добраться до храма.

Батюшка взял трубку. Поднёс к уху, а потом немного отодвинул, оглушённый женским рыданием. Терпеливо подождал. А потом твёрдо сказал:

- Клавдия, ты? Так. Делаем глубокий вдох! Вдохнула? Выдыхаем... Ещё раз... Ещё... Теперь рассказывай. Что случилось?

Клавдия, постоянная прихожанка храма, судорожно всхлипывая, наконец выговорила:

- Нюра помирает! Помирает, вот совсем прям помирает! Ой, батюшка, да помоги же! Дак как же она помрёт-то без исповеди да без причастия!

- Клавдия, так ведь ты сама знаешь, что сестра твоя старшая и в храм не хаживала, и к Таинствам не приступала. Чего же теперь-то?

- Батюшка, так ей как плохо стало, я и говорю: вот ведь, Нюр, ведь уйдёшь ты навеки, а душа-то твоя, что с душой-то будет? Может, хоть перед смертью батюшку к тебе позовём?

- И что она?

- Так согласилась же, батюшка, согласилась! Я и сама не ожидала! А сейчас лежит, хрипит! «скорая» приехала, медсестра сказала, дескать, бабка ваша помирает, в больницу не повезём, она у вас только что из больницы. Вколола ей что-то вроде для поддержания сердечной деятельности. Сказала, что к вечеру всё равно помрёт, сердечко-то останавливается уже. Износилось сердечко у моей Нюрочки!

И Клавдия опять зарыдала.

Батюшка тяжело вздохнул и сказал твёрдо:

- Клавдия, успокойся! Иди к сестре! Садись рядом, молись! Сейчас я приду.

- Батюшка, дак как же ты придёшь?! Нету дороги уже, нету!

- Ничего, вчера ходили ещё. С Божией помощью... Иди к Нюре, молись.

Отец Савватий положил трубку и нахмурился. Да, вот так же и ему сказал кардиолог из областного центра. Дескать, сердечко, у вас, батюшка, сильно износилось, не по возрасту. Видно, всё близко к сердцу принимаете. Надо, дескать, вам побереечь себя, не волноваться, не переживать. Вести спокойный и размеренный образ жизни. У вас в последнее время никаких стрессов не было?

Он тогда задумался. Стрессы... Вот только что молился за одну прихожанку, Марию, попавшую в аварию. А до этого молился полночи за сторожа Фёдора. Инфаркт у него приключился, у сторожа-то. А ещё на неделе привозили девочку больную, Настю, температура держалась у неё высокая целый месяц. Диагноз поставить не могли, и ребёнок погибал. Отслужили молебен, искупали Настю в источнике Казанской Божией Матери. Тоже молился за неё отец Савватий. Один, ночью, в своей келье. Привычная ночная молитва. Господь милосерден, пошла девочка на поправку. Когда молился, то слёзы текли по щекам и ныло сердце уже привычной, застарелой болью. Стресс это или не стресс?

- Так были у вас какие-то стрессы? - не дождавшись ответа, переспросил пожилой врач.

- Нет, пожалуй. Не было. Обычная жизнь священника. Всё - как всегда, - ответил батюшка.

- Как всегда! - отчего-то рассердился врач. - У вас сердце изношенное, как у шестидесятилетнего старика, а вам ещё только сорок. Так вы долго не протянете!

Да, врач попался въедливый. Навыписывал кучу лекарств...

Одеваясь, отец Савватий приостановился, на секунду задумался, потом положил в карман пузырёк с таблетками. Зашёл в храм за Дарами, взял всё необходимое для исповеди и причастия и быстро, чтобы никто не успел окликнуть, спустился вниз с горы.

Спускаясь, охватил взглядом простирившуюся равнину, леса, поля, Чусовую, готовую вскрыться. Апрельское солнце ласкало лицо, небо было высоким, весенним, ярко-голубым. Таял снег, а вокруг, журчали ручейки и щебетали птицы.

Пока шёл к реке, думал о сёстрах, Клавдии и Нюре. Клавдии было за пятьдесят, а Нюре, наверное, под семьдесят. Когда-то семья их была большой.

Отец Савватий знал от Клавдии, что было у них с сестрой ещё два младших брата. Они и сейчас приезжали в гости и почитали старшую, Нюру, за мать. А взрослые дети Клавдии называли Нюру своей бабушкой. Старшей в семье она стала давно. Была тогда Нюра девушкой на выданье. Но после трагической гибели родителей под колёсами грузовика пьяного совхозного шофёра замуж она так и не вышла. Заменяла родителей сестрёнке и братишкам. В детдоме отдала, вырастила, воспитала, на ноги поставила. Клавдия очень любила старшую сестру и часто упоминала о ней батюшке.

По её словам, Нюра была труженицей. Строгой. Слова лишнего не скажет. В храм она, невзирая на все просьбы младшей сестры, не ходила. Но Клаву отпускала. Сама в огороде да со скотиной, а сестру младшую отпустит. Скажет только: «Помолишься там за себя и за меня».

Отец Савватий вдруг вспомнил, как зимой Клавдия подошла к нему после службы расстроенная. Рассказала о том, как придумала читать сестре Евангелие, пока та вязала носки да варежки на всех родных. Клава начала с самого первого Евангелиста, Матфея. И Нюра даже слушала её внимательно. Но когда дошли до главы про бесплодную смоковницу, возникла

загвоздка. Клава прочтала с выражением, как Господь увидел при дороге смоковницу, как подошёл к ней, искал плоды и, ничего не найдя, кроме листьев, сказал ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла.

На этом месте спокойно вязавшая носок Нюра встрепенулась:

- Это что ещё за смоковница такая?
- Деревце такое, ну, инжир, - неуверенно ответила Клава.
- А почему плодов не было?
- Так ещё не время было собирать плоды...
- Так, значит, она не виновата была?!
- Кто, Нюр?
- Да смоковница же эта! Не виновата! А засохла...

Нюра встала и, бросив вязание, ушла на кухню. Завозилась, задвигала кастрюлями. Клава услышала, как старшая сестра вроде бы всхлипнула. Это было так непохоже на строгую и всегда уравновешенную Нюру, что Клава бросилась на кухню, узнать, что же случилось. Но та отворачивалась и молчала.

Отец Савватий вспомнил, как тогда, после исповеди, Клавдия спрашивала у него про эту самую смоковницу, отчего, дескать, такая несправедливость, что вот засохла смоковница, хоть и не виновата была. Просто не время для плодов. А он, отец Савватий, растерялся и не нашёлся сразу, что ответить. А потом так и забыл об этом вопросе. Вот сейчас только и вспомнил, когда шёл к умирающей Нюре.

Задумавшись, батюшка и не заметил, как вышел к Чусовой. Река в этом месте была широкой, метров четыреста, не меньше. Дорога из брёвен, которую в этих краях называли лежнёвкой, была почти залита водой. Тёмная вода бурлила и по краям лежнёвки, выплёскивалась на лёд через проталины, промоины. Отец Савватий оглянулся назад, посмотрел на свой храм, перекрестился и ступил на лежнёвку. Пошёл сначала медленно, стараясь не упасть, а потом убыстряя шаг. На середине дороги он шёл уже почти по колено в воде и громко, вслух молился, но почти не слышал звуков своего голоса, заглушаемого шумом воды, скрипом и каким-то далёким потрескиванием.

Избушка Клавдии была крайней, почти у берега. Когда батюшка вошёл в дом, сидящая у постели сестры Клавдия плакала. А лежавшая на постели пожилая женщина была бледной и неподвижной. Умерла? Не успел? А может - ещё жива?

Отец Савватий раскрыл Требник и, встав на колени, стал читать почему-то Канон о тяжелоболящем:

*Дщерь Иаинову уже умершу яко Бог оживил еси,
И ныне возведи, Христе Боже, от врат смертных болящую Анну,
Ты бо еси путь и живот всем...*

Рядом стояла на коленях и плакала Клавдия.

Когда он закончил и воцарилась тишина, батюшка смутился и поник: вот, канон за болящего читал, а тут надо было на исход души, наверное... Господи, прости мою дерзость!

- Батюшка... Это вы ко мне пришли?

Отец Савватий поднял голову, а Клавдия перестала плакать. Нюра открыла глаза и внимательно смотрела на них. И глаза эти были умные и добрые. Только очень страдающие. Батюшка прокашлялся и только тогда смог ответить:

- К вам, Анна. Может быть, вы захотите исповедаться и причаститься...

- Хочу. Хочу, батюшка, исповедаться. А причаститься, наверное, недостойная я... И ещё я хочу, чтобы Клава осталась. Потому что мне нужно её прощение...

- Нюрочка моя родная, да какое же тебе от меня прощение?! Да ты же... ты же... - всплеснула руками Клавдия.

- Подожди. Тяжело мне говорить. А сказать нужно...

Нюра помолчала, а потом продолжила еле слышным голосом:

- Когда родители наши погибли, я старшая осталась в семье. А я тогда любила очень одного паренька. Сергеем звали его. Да... И он меня любил... А как осталась я с вами, с малышами, он ещё ходил ко мне пару месяцев, а потом сказал мне... Сказал, дескать, я тебя люблю так сильно, жениться хотел, но только детишек, вас то есть, Клава, с малыми, надо в детдом отдать. Не потянем, дескать, мы с тобой, Нюрочка, детишек. А мы с тобой своих нарожаем. Понимаешь? Своих собственных! Вот встанем на ноги, выучимся и нарожаем!

А я ему говорю, так ведь и эти-то мои. А он и ушёл. А я очень плакала тогда. Сильно плакала я, Клавочка! А потом роптала я очень! И на Бога роптала... А как-то малые, Коля с Мишенькой, кораблики делали. Вот так же в апреле. А я осердилась. Не так уж они и намусорили... А я осерчала отчего-то сильно... И ремнём их обоих, ремнём! А Мишенька совсем ещё маленький был, в рубашонке одной бегал, а пяточки голенькие. Маленькие такие пяточки, розовенькие... Так я и его пару раз хлестнула. А потом села на пол и чего-то стала рыдать... Они притихли, а потом Коля-то подошёл ко мне и, как взрослый, по голове погладил. А Мишенька сел рядом и тоже гладит меня по лицу, гладит. И говорит мне: «Мамася, мамася...»

Тихий голос Нюры задрожал.

- Я их ремнём, а они меня пожалели. А ещё по ночам были у меня мысли. Про Сергея. Про кудри его чёрные. Про то, что, может, правда, сдать детишек в детский дом... Очень я любила его. И хотелось мне замуж-то выйти... А они, детишки-то, и не знали про мысли мои чёрные... Отпусти ты мне этот грех, батюшка! Господи, помилуй меня, грешную! Клава, прости меня...

И ещё много грехов у меня. Воровка я, батюшка. Воровка. Я с фермы малым молоко воровала. И потом ещё картошку совхозную. А она вон, Клава-то, всё в церковь меня звала... А я всё думала, куда мне с грехами моими... Пусть уж хоть Клава ходит...

И ещё есть у меня обида тайная. На соседку нашу. Галину. Очень обижаюсь я на неё... Я ей про сына сказала, что пьяный он забор наш сломал мотоциклеткой своей. А она мне крикнула: «Ты вообще молчи, своих-то не нарожала, дескать, смоковница ты неплодная!» А я и не поняла сначала про смоковницу-то. Потом вот Клава мне прочитала про неё. Каюсь я, батюшка, чего там обижаться-то?! Как есть я смоковница неплодная...

Клавдия бросилась к сестре и заплакала:

- Нюрочка, милая, да какая же ты смоковница неплодная?! Да ты же нам, троим, мать и отца заменила! Да ты же вырастила нас троих! А и сейчас всем помогаешь! И моим детям как бабушка! А Миша с Колей за мать тебя почитают! Нюрочка наша, не умирай, а? Не бросай нас, пожалуйста! Ну пожалуйста!

И ещё долго сидел батюшка в этом маленьком уютном домике, исповедал, потом причастил Нюру. Когда уходил, она, обессиленная, закрыла глаза, и лицо покрыла восковая смертельная бледность.

В коридоре пошептались с Клавой про заочное отпевание, чтоб позвонила, значит, когда отойдёт Анна.

Обратная дорога в памяти почти не задержалась, как-то быстро вернулся отец Савватий всё по той же лежнёвке. Сердце привычно уже ныло, а сырые ноги совсем застыли. В гору поднимался тяжело, и не понятно было, то ли это сзади доносился гул, то ли в ушах стучало от быстрой ходьбы. И он не сразу обратил внимание на собравшуюся на горе кучку своих прихожан. Они показывали руками туда, откуда он только что пришёл. И батюшка обернулся назад.

А там, где он только что прошёл, всё было совсем другим. Над Чусовой нёсся сильный треск, он всё нарастал, а потом вдруг прогремел мощно, как взрыв. На реке всё задвигалось, раскололось, льдины полезли друг на друга, а затем хлынула тёмная вода, разметав брёвна лежнёвки в разные стороны. Огромные брёвна летели в разные стороны так легко, будто какой-то великан играл с ними. Как детишки в кубики. «Ледоход», - как-то вяло подумал батюшка.

Люди, собравшиеся на горе, обступили его, наперебой брали благословение, спрашивали, откуда он идёт.

- Гулял, природой любовался, - уклончиво ответил отец Савватий и пошёл в дом. Он внезапно почувствовал сильную слабость. С трудом, непослушными руками снял в прихожей сапоги и пошёл в комнату, оставляя ледяными ногами мокрый след на полу. Нужно было готовиться к вечерней службе.

Неплодная смоковница

Приближалась Пасха. Но встретить её отец Савватий не успел. На Страстной неделе ему стало плохо, и его прямо с вечерней службы увезли в больницу с подозрением на инфаркт.

Он, видимо, потерял сознание, потому что помнил всё какими-то урывками. Боль в сердце нарастала и не давала вздохнуть, а воздуху не хватало. Он уже не мог больше терпеть эту острую боль, а она всё росла. И вдруг боль отпустила, и он почувствовал своё тело лёгким и воздушным. Этой страшной боли больше не было, а он сам летел куда-то. Скорость полёта всё увеличивалась, его затягивало в тоннель, и он летел по этому тоннелю к ослепительному свету всё быстрее и быстрее.

«Я умираю, - подумал батюшка, - или уже умер... И ничего не успел... Покаяться толком не успел. О чадах своих и пастве толком позаботиться не успел... И вот хотел ещё ремонт в храме сделать... Тоже не успел...»

Внезапно скорость замедлилась. Что-то мешало его стремительному полёту. И вот он парил

где-то там, близко к этому ослепительному свету. Он всмотрелся. Что не пускает его? Какие-то люди. Он плохо видел их силуэты, а вот лица можно было разглядеть. Это были знакомые лица. Его чада и прихожане. Они что-то говорили ему. И смотрели на него с любовью.

Вот они, его чада, его постриженники. А вот Фёдор, сторож, и та самая прихожанка, Мария, которая чуть не погибла в аварии. И девочка Настя. Вот Клавдия, по щекам текут слёзы. И ещё много других. Некоторые лица только мелькали, другие задерживались. Дольше всех рядом с ним была старушка, лицо которой казалось очень знакомым. Он никак не мог вспомнить, кто это. Потом вспомнил: Нюра, старшая сестра Клавдии, которая умерла недавно. Или не умерла? Нюра не отходила от него, и губы её настойчиво повторяли одни и те же слова, но он никак не мог их разобрать. И эта её настойчивость и взгляд, полный любви, удерживали его, не отпускали.

Потом он почувствовал, что теряет лёгкость, а ослепительный свет начал отдаляться. Он ощущал нарастающую тяжесть и внезапно услышал свой собственный стон. И с трудом открыл налившиеся свинцовой тяжестью веки.

- Он жив! Очнулся! - звонкий женский голос. Потом отец Савватий увидел белый потолок и склонённые над ним лица. Одним из них было уже знакомое лицо пожилого кардиолога. Потом батюшку долго мучили и теребили, без конца присоединяя и отсоединяя какие-то проводки и прочую технику.

После обследования кардиолог сел рядом с ним, посидел молча, а потом медленно сказал:

- Отец ты наш дорогой! А я думал: всё, потеряли мы тебя. Но ты, отче, меня не перестаёшь удивлять. Вот вчера вечером я видел, что у тебя был тяжёлый инфаркт. А сегодня с утра по результатам обследования - не было у тебя никакого инфаркта! Понимаешь, чудо какое! Не было! Я тебя смотрел несколько месяцев назад, у тебя сердечко...

- Помню, помню, - не выдержал отец Савватий, - изношенное...

- А вот сейчас оно у тебя каким-то чудом работает как совершенно здоровое... Не знаю, что и думать... Значит, так... Я полагаю, что ты у нас лежишь недельку, понаблюдаем тебя.

- Простите, а можно меня потом понаблюдать, после Пасхи?

В Великую Субботу отец Савватий служил Литургию Василия Великого, и вместо Херувимской пели то, что поётся только раз в году:

«Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет; Царь бо царствующих, и Господь господствующих, приходит заклатися и датися в снедь верным».

Храм был полон. Из посёлка окружным путём приехал целый автобус его прихожан, сделав крюк в двести километров. Настроение у всех было предпраздничное. Ещё немного...

После службы, когда народ отправился в трапезную, к отцу Савватию подошли две женщины, Клавдия и живая и здоровая сестра её, Нюра. Они присели втроем на скамейку в притворе, и батюшка сказал им, как он рад видеть их обеих в храме. Спросил у Нюры о самочувствии. Оказалось, что после исповеди и причастия она уснула и спала сутки, после чего встала и отправилась хлопотать по дому. Как будто и не собиралась помирать. А Клава сказала:

- Батюшка, мы так испугались за тебя! Так переживали, когда нам сказали, что со службы тебя

увезли в больницу. Молились всем посёлком! И мы с Нюрой молились! Нюра спросила у меня, как молиться нужно. А я так расстроена была, что только и вымолвила, вставай, дескать, со мной рядом на колени на коврик, да говори: «Господи, исцели нашего батюшку!» Сама читала акафист Целителю Пантелеймону. Читала, читала и не заметила, как тут же на коврике и уснула. Просыпаюсь я, батюшка, светает уже. Смотрю, а Нюра наша так и стоит на коленях. Поклоны бьёт да изредка что-то бормочет. Я прислушалась, а она, оказывается, повторяет одно и то же: «Господи, исцели нашего батюшку! Пожалуйста, Господи, исцели нашего батюшку!» Всю ночь молилась!

- Чего ты там выдумываешь-то! – с неудовольствием перебила её покрасневшая Нюра. – Какую там всю ночь, ты проснулась, ещё и четырёх утра не было! Ещё и ночь-то не кончилась! Какая из меня молитвенница, батюшка, не слушайте её!

У отца Савватия перехватило дыхание. Он откашлялся и, стараясь говорить спокойно и весело, сказал:

- Спаси вас Господи, дорогие мои! Пойдём-ка подкрепимся немножко!

А когда они встали, чтобы идти в трапезную, Нюра задержалась и тихонько сказала отцу Савватию:

- Батюшка, я вот тут думала всё. И не знаю, правильно ли я думала... Я вот как думала, не время было той смоковнице-то... Ну, неплодной... А Господь сказал, значит, дал ей силы. Бог – Он ведь всё может, так? И мёртвого воскресить, и по воде аки по суху... А она заупрямилась – дескать, то да сё, дескать, раз не сезон, так я и не обязана... Правильно я поняла, батюшка?

Отец Савватий улыбнулся:

- Да в общем, правильно... Кто слишком рьяно защищает право смокв на «их» время, тот, пожалуй, и в своем ежедневнике не найдет времени для встречи с Богом. Господь зовёт нас, а мы ссылаемся на то, что плодоносить рано, утомительно или просто не хочется. Господь готов сотворить, если надо, чудо, а мы стоим, бесчувственные, как то дерево. Она упрямая была, видно, смоковница та...

- Ага, упёртая...

- Понимаете, Господь где захочет, то побеждается и естества чин. Понимаете, Анна?

- Понимаю, батюшка. Вы только не болейте больше, ладно?

Пельмени для Витальки

- Ну, ты, братец, совсем обнаглел! – Голос монастырского келаря, отца Валериана, высокого крупного инока с окладистой чёрной бородой, дрожал от обиды и негодования.

Обычно добродушный отец Валериан сейчас гневался. Он отказывался выдавать дежурному трапезнику, отцу Павлу, две упаковки пельменей с мясом вместо одной и сердито смотрел на Витальку:

- Мало того, что ты в монастыре мясо лопаешь, так ты теперь его ещё в двойном размере лопать желаешь?!

Невысокий, худенький отец Павел только пожимал плечами, а от вечно дурашливого Витальки

и подавно внятного и разумного ответа не дождётся. Он только кривил в улыбке рот да показывал на лишнюю пачку этих самых пельменей, дескать, не наедается он, Виталька, нужна добавка! На кухне были ещё два брата, но они по монашескому обычаю в чужие дела не совались, а молча и споро домывали посуду после братской трапезы.

На кухне было тепло и уютно, горел огонёк в лампадке перед иконами, в окнах, покрытых морозными узорами, уже таял короткий зимний день. Сквозь узорчатое стекло было видно, как загораются окна в храме, это дежурные иноки готовились к вечерней службе.

Братия потрапезничала, и теперь пришла очередь Витальки. С тех пор как Виталька начал есть мясо, по благословию духовника обители, он питался отдельно.

- Искушение какое! Зачем только батюшка тебе в монастыре жить разрешает?! Ты же искушаешь братию! Проглот ты этакий! Безобразник!

Келарь сердито шмякнул о стол замороженными пельменями и в сердцах хлопнул дверью. А тихий отец Павел смиренно раскрыл упаковки и высыпал содержимое в Виталькину кастрюлю, вода в которой уже кипела на огромной монастырской плите. Виталька скорчил довольную рожу и пошёл в трапезную слушать музыку. Раньше он свои любимые Валаамские песнопения слушал в ожидании обеда, а сейчас какую-то уж совсем дикую музыку стал включать проказник, никак не подходящую для святой обители.

Виталька жил в монастыре уже давно, духовник обители, игумен Савватий, забрал его с прихода, где он обретался в сторожке и помогал сторожам. Когда-то маленького Витальку подбросили в церковь, и подобрал его старенький вдовец, протоиерей отец Николай. Ребёнок оказался глухонемым. Батюшка возил малыша по врачам, и оказалось, что никакой он не глухонемой, а просто почти совсем глухой. Трудно научиться говорить, когда ничего не слышишь. Отец Николай вырастил Витальку как сына, купил слуховой аппарат. И малыш даже научился говорить, правда, очень невнятно, косноязычно. Только умер батюшка, а больше никому на всём белом свете Виталька был не нужен.

И как-то отец Савватий привёз паренька в монастырь. Тут он и остался, поселился под храмом. Сначала много молился, не уходил, можно сказать, из церкви. Пример, можно сказать, братии подавал, и к нему привыкли, хорошо относились. Иногда, правда, подсмеивались, но беззлобно: смешной, нелепо одетый, простодушный Виталька вечно попадал впросак. Да ещё и слышал плохо. Ну, а как говорил, так из десяти слов, пожалуй, два только и понять можно было, и то если сильно постараться.

Первые годы в монастыре Виталька ел мало, кусок хлеба сжует и гладит себя по животу довольно: наелся, дескать, до отвала. Топил печь в храме перед службой. Особенно любил, когда братия крестный ход вокруг монастыря совершала: провожает их и встречает и прямо таки благословляет, ровно он в сани духовном пребывает. Братия не возмущалась, да и кто бы стал возмущаться, взглянув на лицо блаженного, сияющее от счастья? Улыбались ласково Витальке.

Порой то один брат, то другой, а то и паломник делились, будто сказал им Виталька что-то, иной раз уж совсем несуразное, а оно возьми да и случись. Кто говорил: «Блаженному Господь открывает, потому как блажени чистые сердцем...» Другие смеялись только, ведь невразумительную речь Витальки можно толковать как угодно: что хочешь, то и услышишь... Так к общему выводу братия по поводу Витальки и не приходила.

А потом уж и совсем стало понятно, что никакой он не блаженный вовсе, а так,

придурковатый... Потому как молиться перестал, на службу просыпать начал, на крестном ходе братии не улыбался ласково, а то задом повернётся, то рожу какую-нибудь противную скорчит. Перестал наедаться простой пищей монастырской, а требовать стал себе то пельменей, то котлет. В общем, не Виталька, а сплошное искушение...

И вот наступил день, когда общее терпение лопнуло. Об этом как раз и разговаривали возмущённо иноки между собой после службы. После трапезы обычно игумен Савватий поднимал какие-то рабочие вопросы, касающиеся общемонастырских дел на следующий день, вот и решили старшая братия поставить перед духовником вопрос ребром: о дальнейшем пребывании безобразника в обители.

С колокольчиком в руках пробежал по заснеженному, белоснежному монастырю послушник Дионисий, и стали открываться двери келий, выпуская с тёплым паром, валящим из дверей на морозную улицу, спешащих на трапезу иноков. Во время трапезы Дионисий читал Авву Дорофея, и братия чинно, в полном молчании хлебали грибную ароматную похлёбку, накладывали в освободившиеся тарелки картошку с квашеной хрустящей, ядрёной капусткой, споро допивали компот – по звонку колокольчика трапеза заканчивались, и все вставали, читали благодарственные молитвы.

Потом снова присели, и игумен Савватий сделал несколько распоряжений, касающихся дополнительного общего послушания: по случаю сильного снегопада нужно было чистить территорию обители. Когда он закончил, отец Валериан благословился на несколько слов. Коротко, но по существу описал безобразия, чинимые в обители Виталькой, а остальная братия на протяжении его короткой речи согласно кивали головами: «Да, совсем распустился Виталька, искушает иноков, да и только...»

Игумен Савватий слушал молча, опустив голову. Выслушав, подумал и печально сказал:

- Что ж, раз искушает, надо принимать решение... А вот мы сейчас у отца Захарии спросим, что он по этому поводу думает.

Братия затаила дыхание. Схиигумен Захария был человеком в обители уважаемым. Старенький, аж двадцать третьего года прошлого века рождения, весь седой, он всю жизнь посвятил Богу: служил дьяконом, иереем, потом протоиереем. Помнил годы гонений на церковь, времена, когда в спину ему и его молоденькой матушке кидали камни и грязь. А детишек его в школе дразнили и преследовали за отказ быть пионерами и комсомольцами, даже избивали как сыновей врага народа.

Был арестован в 1950-м и осуждён как священник по статье 58-10 Уголовного кодекса («антисоветская агитация») на семь лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима Каргопольлага, что в Архангельской области. Матушка его после ареста мужа осталась одна с детьми, голодала, мыкалась, бедная, пытаясь прокормить малышей, и надорвалась, заболела туберкулёзом. Вернувшийся из лагеря батюшка застал жену угасающей как свеча.

После смерти своей матушки один вырастил детей, которых у него было четверо: три сына и дочь. Сыновья пошли по стопам отцам и уже много лет служили на приходах, имея сами взрослых детей и внуков, а дочь пошла по монашеской стезе и подвизалась в женской обители, будучи уже пожилой монахиней.

Стареющий протоиерей принял монашеский постриг и поселился в монастыре. Лет десять он был братским духовником, но ослабел, принял схиму и теперь только молился. Продолжал

ходить на все службы и даже в трапезную, выходя заранее, чтобы тихонько добрести и не опоздать. Ел только то, что подавалось на трапезе, и очень мало.

Несколько раз во время болезни старца братия пытались накормить его на особинку, повкуснее, но он признавал только простую пищу: суп да кашу. А из лекарств – Святое Причастие. Иноки поражались: разболеется старец, все уже переживают – поднимется ли от одра болезни на этот раз. А он добредёт до храма, чуть живой доковыляет к Причастию, смотришь – ожил отец Захария, опять идёт себе тихонько в трапезную, жмурится на солнышко, иноков благословляет.

В келье у него топчан, стол да иконы. Книги кругом духовные. И на столе, и на топчане. Кому случалось заглянуть в келью старца, удивлялись: где же он спит? На топчане, заваленном книгами, спать можно было только сидя. Один послушник как-то рискнул полюбопытствовать, но лучше бы и не спрашивал, так как старец брови нахмурил, принял вид разгневанного, послушник и ответа, бедный, ждать не стал, убежал на послушание.

Братия очень почитали старого схимника и опытным путём знали силу его благословения и пастырских молитв. Отец Захария мог и приструнить, и прикрикнуть на виноватого, но зато, когда он благословлял и клал свою большую тёплую ладонь на твою голову, казалось, что вот она, награда, другой и не нужно, так тепло становилось на душе, такой мир и покой воцарялись в сердце.

Большей частью отец Захария молчал и был углублён в молитву. Игумен Савватий обращался к нему только в самых важных случаях, и сейчас иноки были поражены: уж такое простое дело, как безобразия глупого Витальки, можно было, наверное, решить, не нарушая молитвы схимника...

Отец Захария кротко посмотрел на вопрошающего, помолчал, а потом, вздохнув, смиренно ответил:

- Что ж... Давно хотел я, братия, покаяться перед вами. Знаете такую поговорку: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива»? Так это про меня... Ну, а Виталька – он, стало быть, зеркало. Бумажка лакмусовая... Только такая духовная бумажка... Вот как я лишний кусок съем, гляжу – и Виталька добавки просит...

Братия недоумённо переглянулись. Уж кто-кто, а отец Захария не только лишнего куса отродясь не съедал, но и был строгим аскетом. А схимник продолжал дальше:

- Да... Надясь мне устриц захотелось, а то ещё этих, как их, крикетов. Чего вы там шепчете? Ну да, креветок. Я друзьям их заказал, они мне привезли целую сумку, во какую – здоровенную, да ещё кальмара копчёного кило пять не меньше... А что? Гады морские – они пища постная, греха-то нет... Я уж их ел-ел, пять кило черепнокожих энтих, и до службы, и после службы, и после вечерней молитвы, в келье закроюсь и лопаю от пуза – а они всё не кончаются. Вот как я последнего гада морского доел, гляжу – а Виталька пельменей просит...

Братия уже поняли, что дело неладно. Переглядываются. Только келарь отец Валериан голову опустил, красный весь стал, аж уши пунцовеют. Смекнули иноки, стараются и не смотреть на отца Валериана, чтоб не смущать, значит, а схимник дальше продолжает:

- А то ещё музыку я люблю! А что? Музыка – это дело хорошее. Вот был у меня старый сотовый телефон, так я друга мирского попросил, он мне новый подарил, навороченный. Классный такой – наушники вставишь в уши и ходишь себе по обители, а у тебя рок наяривает. А что? Рок-музыка – она того, очень вдохновляет! Да... Смотрю, и Виталька вместо песнопений

Валаамских тоже чего-то другое слушать стал. А что? Тоже вдохновляется...

Сразу двое иноков залились краской. А отец Захария всё продолжает:

- Ещё спать я люблю очень. Монах - он ведь тоже человек, отдыхать должен. Чтобы, значит, с новыми силами молиться и трудиться. И вообще, подумаешь: раз-другой на службу проспал... Вечером правило келейное не выполнил, а свечу загасил, да и захрапел сразу. И что? У меня, может, после этого покаяние появилось... Вот не появлялось и не появлялось, а как начал дрыхнуть без просыпу, так и появилось... Значит, польза духовная... И Виталька у себя в каморке спит-храпит, чтоб мне, значит, не обидно одному спать было...

Братия сидели с низко опущенными головами, а старец не унимался:

- Я вот ещё хочу признаться: раньше на крестный ход вокруг монастыря с радостью шёл, молился о родной обители, а щас - так мне это дело надоело, бегом бегу, чтоб энтот ход быстрее закончить да в келью назад, поспать, али музыку-рок послушать - вдохновиться, али крикетов откушать. Да ещё Виталька-негодник стоит - кочевряжится, то задом повернётся, то рожу скорчит... Что ж, братия, по-прежнему ли вы желаете разбить зеркало?

Мёртвая тишина стояла в трапезной. Только за окном свистела метель да трещали дрова в большой печи.

Отец Захария молчал. Молчали и братия. Печально опустил голову отец Савватий. Старец вздохнул и сказал уже серьёзно:

- Монашеский постриг, братия, он - как первая любовь. Вспомните! Помните, как молились со слезами? Как в храм бежали и надыхаться, наслушаться молитвой не могли? Как постриг принимали и обеты давали? Как сердце трепетало и слёзы лились? Благодать Божия обильно изливалась, и хотелось подвизаться и ревновать о дарах?

В тишине кто-то всхлипнул. Иноки внимали старцу с трепетом, потому что слова его были как слова власть имеющего:

- Не теряйте ревности, братия! Не остывайте, не становитесь теплохладными! Не угашайте Духа Святаго!

Старец замолчал. Вздохнул тяжело и закончил:

- Простите меня, грешного, отцы и братия... Устал я. Храни вас Господь.

Медленно, в полном молчании выходили иноки из трапезной. Отец Савватий провожал их внимательным взглядом. Ночью вышел из кельи, обошёл монастырь с молитвой. Снег скрипел под ногами, над обителью светила круглая жёлтая луна, и небо было усыпано звёздами. Внимательно оглядел домики иноков: несмотря на поздний час, почти все окна светились тихим жёлтым светом свечей, цветом монашеской молитвы. Отец Савватий улыбнулся.

Через пару дней келарь отец Валериан подошёл на улице к Витальке и, смущаясь, пробасил:

- Прости меня, брат Виталий, что оговорил тебя за пельмени... Кто я такой, чтобы тебя судить... Ты хоть обеты не давал, а я... Ты уж кушай на здоровье, что хочешь... Ты ведь и болен ко всему... А я, знаешь, решил вот попридержать аппетит, да не знаю, как получится. Помяни на молитве грешного Валериана, ладно?

И отец Валериан, махнул рукой и, горестно вздохнув, ушёл, топая своими большими сапогами.

А после обеда, выдавая на кухне дежурному трапезнику пельмени для Витальки, щедрой рукой вывалил на стол сразу две упаковки. Но трапезник удивил его: Витальке, оказывается, надоели пельмени, отказывается он от них. Сидит уже в трапезной и суп за братией доедает. Отец Валериан заглянул в щёлку трапезной, перекрестился радостно и спрятал пельмени подальше, в глубь большой морозильной камеры.